
В. Ахикрикова
АРМЯНСКІЙ
СБОРНИК
К-ВО „ЗВѢЗДА"
Н.Н.ОРФЕНОВА
Н.ГОНЧАРОВА

[illegible]

К 80
ЗВѢЗДА

АРМЯНСКІЙ СБОРНИКЪ

ВЕСЕЛОВСКІЙ Ю., ДЖИВЕЛЕГОВЪ А., КАРА-МУРЗА С., КОСТАНЯНЦЪ К., СИМЕОНЬЯНЦЪ А. СВЯЩ., ТОТОМІАНЦЪ В., ЧОБАНЬЯНЪ А.

Обложка работы НАТАЛІИ ГОНЧАРОВОЙ

Книгоиздательство
„ЗВѢЗДА“ Н. Н. Орфенова
МОСКВА

ТИПОГРАФIЯ
ПЕРЕПЛЕТНАЯ
СТЕРЕОТИПНАЯ
Г. ЛАМБЕРТЪ :: МОСКВА
Тел. 1-04-12

...„Какова бы ни была судьба армянъ, — а она была печальна,—что бы ни ожидало ихъ въ будущемъ ихъ страна должна навсегда остаться одною изъ самыхъ интересныхъ на всемъ земномъ шарѣ“! Такъ писалъ Байронъ въ 1817 году, подъ впечатлѣніемъ своего знакомства и тѣснаго сближенія съ членами венеціанской армяно-католической общины мхитаристовъ, которыхъ онъ называлъ „духовными лицами порабощенной, но благородной націи“ и высоко цѣнилъ, какъ поборниковъ просвѣщенія и горячихъ патріотовъ. Много было сдѣлано за протекшія съ тѣхъ поръ, безъ малаго, сто лѣтъ для выясненія характернаго облика, традицій, особенностей быта, умственной жизни и завѣтныхъ идеаловъ Арменіи, на которую Байрону приходилось когда-то усиленно обращать вниманіе англійскихъ читателей, стараясь убѣдить послѣднихъ въ томъ, что страна эта, всѣми забытая, дѣйствительно, заслуживаетъ интереса и сочувствія... Переживаемый нами историческій моментъ, поскольку онъ связанъ съ борьбою на кавказскомъ фронтѣ и дѣйствіями нашихъ войскъ въ Турецкой Арменіи, сдѣлалъ, конечно, вдвойнѣ интереснымъ

и важнымъ все то, что имѣетъ отношеніе къ прошлому и настоящему древняго края, какимъ-то чудомъ сохранившаго до нашихъ дней извѣстную самобытность, вопреки всѣмъ гоненіямъ, невзгодамъ и ударамъ судьбы.

Настоящій сборникъ имѣетъ цѣлью, съ своей стороны, посильно содѣйствовать тому, чтобы русскіе узнали поближе армянскій народъ, познакомились съ его историческимъ прошлымъ, поняли его современное положеніе, оцѣнили его мечты и запросы, наконецъ, убѣдились въ томъ, что и онъ сдѣлалъ извѣстный вкладъ въ общую культурную работу человѣчества.

Въ цѣляхъ болѣе близкаго ознакомленія русской читающей публики съ различными сторонами армянской жизни, въ составъ сборника, естественно, должны были войти приноровленныя къ интересамъ и запросамъ русскаго читателя, новыя или заново переработанныя статьи, посвященыя *исторіи* Арменіи, столь богатой бурными, потрясающими событіями, современному фазису *армянскаго вопроса,* какъ извѣстной политической проблемы, идейному содержанію армянской *литературы,* историческимъ судьбамъ и существующей въ настоящее время организаціи армянской національной *церкви, экономическому положенію,* въ частности, Турецкой Арменіи,—наконецъ, тому вкладу, который былъ сдѣланъ армянами въ сокровищницу *художественнаго творчества.*

Единственная переводная статья, вошедшая въ составъ сборника и представляющая собою извлеченіе изъ двухъ произведеній Аршака Чобаньяна — публичной лекціи „L'Arménie, son histoire, sa littérature" (1897) и предисловія къ антологіи „Chants populaires

arméniens“ (1903)—была включена въ сборникъ вслѣдствіе того, что она въ популярной формѣ сообщаетъ много интересныхъ данныхъ, знакомящихъ съ культурными задатками, свойственными турецкимъ армянамъ, и, несомнѣнно, предвѣщающими имъ, послѣ освобожденія отъ турецкаго ига, свѣтлое будущее.

Стремясь отразить, по возможности, разнообразныя стороны армянской жизни въ ея настоящемъ и прошломъ, сборникъ не претендуетъ, однако, на исчерпывающую полноту своего рода энциклопедіи армянскаго міра. Такъ, напримѣръ, если въ статьяхъ инспектора и профессора Лазаревскаго Института К. I. Костанянца и священника московской армянской церкви о. Арсена Симеоньянца затрагивается историческое прошлое, то въ статьяхъ, посвященныхъ литературѣ и экономическому положенію Арменіи, а также въ значительной части статьи, относящейся къ искусству, говорится лишь о современности или о сравнительно недавнемъ прошломъ.

Что касается, въ частности, древняго армянскаго искусства, то редакція сборника сожалѣетъ о томъ, что выдающійся знатокъ этого искусства, организаторъ раскопокъ средневѣковой армянской столицы Ани, проф. Н. Я. Марръ, былъ лишенъ возможности написать для сборника статью, относящуюся къ этой области,—при чемъ окончательно редакція узнала объ этомъ въ тотъ моментъ, когда часть книги была уже отпечатана, и въ скоромъ времени ожидался ея выходъ въ свѣтъ.

Думается, однако, что и въ настоящемъ своемъ составѣ сборникъ даетъ русскому читателю обработанный спеціалистами матеріалъ, отражающій прошлое и

настоящее древняго края, все еще недостаточно извѣстнаго нашей публикѣ. Если изъ совокупности статей, помѣщенныхъ въ сборникѣ, выяснится тяжелое политическое и экономическое положеніе Турецкой Арменіи—съ одной стороны, и издавна проявлявшаяся армянами въ любой странѣ способность къ разносторонней культурной дѣятельности—съ другой,—основную цѣль сборника можно будетъ считать достигнутою!

Редакція сборника.

АРМЕНІЯ.

Есть древній край—о немъ давно забыли,
Но вспомнить вновь судьбу его пора!
О, тяжелы его страданья были...
Онъ смерти ждалъ—но дожилъ до утра.

Въ былые дни онъ зналъ иную долю,
Свободныхъ странъ извѣдалъ онъ удѣлъ.
Онъ велъ борьбу за вѣру, честь и волю,
Въ глухую ночь, какъ свѣточъ, онъ горѣлъ.

Тѣ дни прошли... Покоренъ и печаленъ
Сталъ древній край, тяжелымъ сномъ объятъ.
Онъ былъ теперь страной нѣмыхъ развалинъ,
Угасшихъ грезъ, разрушенныхъ палатъ.

Гдѣ прежде жизнь свободно расцвѣтала,
И бодрыхъ силъ исполненъ былъ народъ,
Склонивъ чело, все молча трепетало,
Снося враговъ тяжелый, грубый гнетъ...

Страна борцовъ, подвижниковъ, героевъ!
Ты скорбный крестъ, Арменія, несла...
Средь дикихъ звѣрствъ, пожаровъ и разбоевъ
Грозила смерть—но ты не умерла!

Пусть ты была безмолвна, какъ могила,
Угасла жизнь, не стало красоты,—
Но ты въ душѣ глубоко сохранила
Счастливыхъ лѣтъ порывы и мечты.

И въ дни борьбы великой и тревожной
Вновь надъ тобой разсѣялся туманъ,—
И стала вновь твоя мечта возможной,
Забытый край, печальный край армянъ!

Встрѣчая тѣхъ, кто несъ имъ избавленье,
Твои сыны рвались отважно въ бой,—
И тамъ, гдѣ жизнь сулила лишь мученье,
Тамъ новый путь открылся предъ тобой.

Пусть злобенъ врагъ,—и, какъ въ былые годы,
Твоихъ дѣтей несчастныхъ льется кровь:
Армянскій край, ты долго ждалъ свободы,—
Твой близокъ день... онъ не померкнетъ вновь!

Юрій Веселовскій.

ЮРІЙ ВЕСЕЛОВСКІЙ

Къ характеристикѣ новой армянской литературы

Мечты и дѣйствительность въ творчествѣ русско-армянскихъ писателей*).

...Не пора ли вновь вспомнить про далекую Арменію? Мы, вѣдь, такъ мало знаемъ эту вынесшую столько испытаній страну, „гдѣ, обнявшись, текутъ Тигръ и Евфратъ, гдѣ Араксъ катитъ свои волнующіяся воды, гдѣ вершина Арарата изъ за облаковъ смотритъ внизъ на землю". Для насъ безмолвны тѣ развалины, которыя невольно привлекаютъ вниманіе путешественника, посѣщающаго Русскую и Турецкую Арменію, и, повидимому, такъ краснорѣчиво говорятъ о былой культурѣ—въ пору національной независимости и самобытнаго существованія. Намъ такъ

*) Въ первоначальномъ видѣ—рѣчь, произнесенная въ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности при Московскомъ Университетѣ, 21 февраля 1915 г.

мало извѣстны и понятны идеалы и завѣтныя мечты народа, съ которымъ далеко не со вчерашняго дня связалъ насъ ходъ историческихъ событій. Арменія для насъ все еще—грустная, безмолвная и нѣсколько загадочная незнакомка. Мы не знаемъ ея души, не вполнѣ угадываемъ, что̀ даетъ ей силу бороться и страдать, быть „авангардомъ христіанской культуры на Востокѣ“, — какъ давало и въ теченіе длиннаго ряда минувшихъ вѣковъ. Мы могли бы обратиться къ ней съ тѣми словами, которыя вылились у одного изъ современныхъ поэтовъ: „куда ты стремишься? какое призванье тебя подкрѣпляетъ на трудномъ пути?“

А что путь этотъ былъ труденъ, по крайней мѣрѣ—всюду, гдѣ онъ соприкасался съ турецко-персидскимъ міромъ, это мы знаемъ, можетъ быть, даже лучше всего остального! Если что-нибудь властно заставляло время отъ времени вспоминать о томъ, что есть въ преддверіи Азіи народъ съ многовѣковымъ историческимъ прошлымъ и вполнѣ опредѣленною культурною миссіей, это были стоны и вопли погибающихъ жертвъ. Когда Западную Европу и Россію облетали подчасъ мрачныя вѣсти о турецкихъ звѣрствахъ, погромахъ и грабежахъ, о гибели десятковъ тысячъ людей, запустѣніи цѣлыхъ округовъ, всѣ волей-неволей вспоминали снова, хоть на время, о древнемъ восточномъ народѣ и его культурныхъ задаткахъ. Это такъ ярко, съ горечью

и душевной болью, изобразилъ лучшій армянскій поэтъ, Рафаэлъ Патканьянъ, въ стихотвореніи „Армянская кровь",—кстати сказать —одномъ изъ наиболѣе сильныхъ образчиковъ тенденціозной, боевой поэзіи, какіе только есть въ современной литературѣ,—да и не армянской только! Поэтъ говоритъ о Западной Европѣ, а не о нашей родинѣ, но, вѣдь, и у насъ было то-же самое. Мы также думали о загадочной незнакомкѣ только тогда, когда трупы сыновъ ея покрывали ея историческія равнины, берега ея рѣкъ и озеръ, когда вѣсть о томъ, что творилось во владѣніяхъ „больного человѣка", слишкомъ ужъ властно и настойчиво искала дороги къ нашему разсудку—если не къ нашему сердцу.

Всѣ забыли, что живъ и армянскій народъ,
Что въ груди нашей сердце тоскуетъ и ждетъ,—
Но, лишь кровью запахло въ несчастномъ краю,
Вдругъ вернула Европа намъ милость свою!
Слава Богу, армянская кровь пролилась*)!

Проходилъ, однако, острый періодъ избіеній, безчинствъ и вандализма, получались какія-то призрачныя гарантіи того, что все это якобы не повторится болѣе, наступала снова полоса мелкихъ, едва замѣтныхъ для посторонняго взора мытарствъ, поборовъ, оскорбленій,—и опять забывали о томъ народѣ, который съ давнихъ поръ исполнялъ

*) Переводъ пишущаго эти строки; сборникъ „Армянская муза" (М. 1907), стр. 41.

роль носителя культуры въ Передней Азіи, — забывали вплоть до слѣдующей трагической, кровавой страницы его безконечнаго и безнадежнаго мартиролога.

Теперь опять всѣмъ намъ пришлось вспомнить объ Арменіи, въ связи съ переживаемымъ нами историческимъ моментомъ. Да и какъ было не вспомнить, когда замелькали въ телеграммахъ и газетныхъ статьяхъ названія городовъ и мѣстностей съ армянскимъ населеніемъ, когда стало извѣстнымъ отношеніе армянъ къ начавшейся русско-турецкой войнѣ. Въ печать вскорѣ проникли свѣдѣнія о томъ, какія упованія связываются жителями Турецкой Арменіи съ этой войной, и объ энтузіазмѣ, который былъ вызванъ ею въ сердцахъ армянъ россійскихъ, сознававшихъ, что счастливый исходъ ея можетъ принести желанное освобожденіе ихъ страдающимъ братьямъ.

Но и на этотъ разъ обнаружилось, какъ мало, въ сущности, знакомы и теперь нашему обществу идеалы, мечты и запросы армянскаго народа и интеллигенціи. Война въ этомъ отношеніи застала насъ какъ бы врасплохъ. Многое пришлось заново и наскоро узнать и изучить. Политическая и національная идеологія армянскаго интеллигентнаго класса оказалась для многихъ — terra incognita. Правовое и экономическое положеніе турецкихъ вилайетовъ съ армянскимъ населеніемъ было инымъ знакомо только по

слухамъ. Роль литературы, будившей самосознаніе, напоминавшей о судьбѣ страждущихъ, рисовавшей картины будущаго строя, оставалась невыясненною. Точно рѣчь шла о какомъ-то вновь открытомъ, впервые привлекшемъ наше вниманіе, краѣ и племени, а не о томъ народѣ, который еще при Петрѣ Великомъ завязалъ политическія сношенія съ Россіей, а впослѣдствіи, въ той его части, которая вошла въ составъ русскихъ владѣній, подвергся сильному вліянію русской культуры и словесности и сталъ во многихъ отношеніяхъ духовно близкимъ къ намъ!

Когда-то можно было ссылаться на то, что съ творчествомъ армянскихъ писателей почти невозможно познакомиться, въ виду отсутствія переводовъ и недоступности подлинниковъ. Но, вѣдь, давно уже дѣло обстоитъ иначе. За послѣднія 25 лѣтъ не было недостатка въ попыткахъ популяризаціи у насъ армянской литературы. Многое, правда, осталось и теперь непереведеннымъ,—иныя вещи, можетъ быть, такъ и не дождутся перевода, такъ какъ ихъ языкъ слишкомъ своеобразенъ, и многія выраженія, часто—взятыя изъ мѣстныхъ діалектовъ, едва ли могутъ быть вообще переданы на другомъ языкѣ. Но сейчасъ есть все же достаточно обширный переводный матеріалъ, какимъ можетъ воспользоваться каждый, кто захочетъ изучить новую армянскую литературу, отражающуюся въ ней жизнь, наконецъ, ту мало знакомую

нашему среднему читателю *душу Арменіи*, которую удалось возсоздать отдѣльнымъ писателямъ. Многіе изъ лучшихъ нашихъ поэтовъ участвовали въ переводахъ многочисленныхъ армянскихъ стихотвореній на русскій языкъ. Есть уже и по-русски цѣлый рядъ критическихъ статей, посвященныхъ армянскимъ авторамъ: одною изъ первыхъ былъ очеркъ, содержавшій въ себѣ характеристику творчества романиста Раффи, вышедшій изъ подъ пера Е. С. Некрасовой и напечатанный 23 года тому назадъ въ журналѣ „Міръ Божій"*). Нѣтъ, въ наши дни армянская словесность уже не можетъ представляться русскому читателю заповѣднымъ, недоступнымъ міромъ!

Если въ творчествѣ армянскихъ писателей мы ищемъ, прежде всего, чего-то своеобразнаго, рисующаго незнакомую жизнь, отражающаго національные идеалы, то, въ частности, въ произведеніяхъ, создававшихся въ предѣлахъ Россіи, мы найдемъ и нѣчто другое, интересное въ совершенно иномъ отношеніи, лишній разъ указывающее на ту культурную миссію, какую наша литература неоднократно исполняла на окраинахъ. Рѣчь идетъ о вліяніи отдѣльныхъ нашихъ писателей, или цѣлыхъ направленій и школъ, на главныхъ представителей армянской словесности и пу-

*) Е. С. Некрасова, „Армянскій писатель Раффи" („Міръ Божій", 1892, 11)

блицистики. Русское общество долго не подозрѣвало даже той крупной роли, какую наши поэты, драматурги, романисты, критики, публицисты сыграли въ армянскомъ мірѣ. Я не буду здѣсь говорить о новѣйшихъ армянскихъ авторахъ,—они сами дали яркую картину своего отношенія къ русской словесности, отвѣчая на анкету о русскомъ вліяніи, предпринятую въ 1906-7 годахъ и давшую весьма краснорѣчивые результаты*). Но, если мы обратимся къ писателямъ старшаго поколѣнія, къ дѣятелямъ 60-70-ыхъ годовъ, мы столкнемся съ не менѣе любопытными фактами. Мы увидимъ, напримѣръ, что популярный армянскій беллетристъ Раффи, авторъ тенденціозныхъ романовъ, будившихъ національное самосознаніе, изображавшихъ жизнь армянъ въ Персіи и Турціи, находился подъ извѣстнымъ вліяніемъ Тургенева, подражалъ ему въ нѣкоторыхъ описаніяхъ природы, сдѣлалъ одного изъ своихъ героевъ, революціонера Дудукчьяна, весьма похожимъ на Нежданова изъ „Нови“ (это впервые отмѣчено было беллетристомъ, публицистомъ и историкомъ литературы г. Лео**); наконецъ, въ одномъ случаѣ сказывается знакомство романиста съ творчествомъ и міросозерцаніемъ Чернышевскаго.

---

*) „Русское вліяніе въ современной армянской литературѣ“ (на основаніи анкеты); М. 1909.

**) Лео, „Русско-армянская литература“ (Венеція, 1904); стр. 217.

Обратимся ли мы къ популярному поэту Патканьяну, имя котораго уже было упомянуто выше, мы встрѣтимся у него съ довольно сильнымъ вліяніемъ Некрасова, найдемъ стихотвореніе „Безвредный человѣкъ", навѣянное отчасти некрасовскимъ „Нравственнымъ человѣкомъ", равно какъ и напоминающую одновременно Некрасова и Гоголя антитезу *двухъ писателей* („Два поэта"*). Съ другой стороны, одно стихотвореніе Патканьяна нѣсколько напоминаетъ кольцовское „Что ты спишь, мужичекъ", другое, тѣсно связанное съ армянской дѣйствительностью, —„Казачью колыбельную пѣсню" Лермонтова **). Армянскій драматургъ-бытовикъ Габріэлъ Сундукьянцъ, изобразитель тифлисской буржуазіи, чиновничества, народнаго класса, почувствовалъ влеченіе къ театру вообще подъ вліяніемъ игры Щепкина, Мартынова, Каратыгина, началъ писать для сцены, вдохновляясь Пушкинымъ, Гоголемъ, Грибоѣдовымъ, въ одну чисто бытовую комедію ввелъ отголоски одного мѣста изъ „Горя отъ ума",—наконецъ, возсоздавая нравы тифлисскаго купечества, во многихъ случаяхъ подражалъ Островскому, напримѣръ, его пьесѣ „Свои люди—сочтемся".

*) Весьма любопытныя параллели между творчествомъ двухъ главныхъ армянскихъ поэтовъ—и Некрасова проведены въ изслѣдованіи Б. Ишханьяна „Общественныя идеи въ стихотвореніяхъ Патканьяна и Шахъ-Азиза" (1910).

**) Л. Мануэльянъ, „Исторія русско-армянской литературы", кн. 2-ая, стр. 58.

Поэтъ - шестидесятникъ С. Шахъ-Азизъ, скончавшійся въ Москвѣ въ 1907 году, наряду съ Байрономъ, которому онъ подражалъ, вдохновлялся также русскими писателями; одно изъ популярныхъ своихъ произведеній „Милый другъ, я умираю“ онъ создалъ подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ начинающагося тѣми же словами стихотворенія Добролюбова, прибавивъ къ нему, правда, въ дальнѣйшемъ много чисто армянскихъ чертъ. Поклонникъ Пушкина, какъ художника и мастера формы, онъ также не миновалъ и вліянія Некрасова, иногда сказывающагося въ его творчествѣ вполнѣ опредѣленно. Когда мы встрѣчаемъ у него эти характерныя слова: „Прежде—гражданинъ, а потомъ уже поэтъ“, намъ, конечно, тотчасъ же приходятъ на память стихи Некрасова:

„Поэтомъ можешь ты не быть,
Но гражданиномъ быть обязанъ“.

Любопытный примѣръ соединенія разнохарактерныхъ вліяній, исходившихъ опять-таки изъ русской литературы, представляетъ литераторъ и публицистъ 60-хъ годовъ, рано умершій въ Камышинѣ отъ чахотки, полученной имъ въ тюрьмѣ, Микаэлъ Налбандьянъ. Писатель и общественный дѣятель, завязавшій съ теченіемъ времени личныя отношенія съ Герценомъ и Бакунинымъ, что и отразилось гибельно на его судьбѣ, тенденціозный поэтъ, одно изъ лучшихъ своихъ стихотворе-

ній, прежде считавшееся оригинальнымъ, „Свобода“, написавшій въ подражаніе Огареву, онъ создалъ свою сатиру „Мнѣнія глупцовъ о просвѣщеніи“ подъ вліяніемъ сатиры Кантемира „Къ уму своему, или На хулящихъ ученіе“, а дѣятельность свою, какъ литературнаго критика, началъ послѣ основательнаго изученія статей Бѣлинскаго*)! Потребовалось бы очень много времени, чтобы прослѣдить подобно этому воздѣйствіе, оказанное Писаревымъ на армянскую молодежь и отдѣльныхъ публицистовъ, армянскіе отголоски русскаго *народничества*—и многое другое. Хочется вѣрить, что и приведенные факты достаточно краснорѣчиво говорятъ за себя. Литература, самое существованіе которой еще не такъ давно отнюдь нельзя было считать у насъ чѣмъ-то общеизвѣстнымъ и прочно установленнымъ, вотъ уже нѣсколько десятковъ лѣтъ воспринимаетъ и перерабатываетъ все лучшее, наиболѣе яркое, что есть въ нашемъ творчествѣ и умственной жизни.

Да, въ большинствѣ случаевъ именно *перерабатываетъ*, приспособляетъ къ мѣстнымъ нуждамъ и запросамъ, подвергаетъ иногда своеобразной арменизаціи! Не о простомъ копированіи идетъ въ данномъ случаѣ рѣчь. Если самый фактъ культурнаго

---

*) Л. Мануэльянъ, „Исторія русско-армянской литературы“, стр. 26—52.

воздѣйствія нашей словесности долженъ быть отраднымъ для нашего національнаго самолюбія, то еще болѣе отрадно видѣть, что вліяніе нашихъ писателей помогло армянскимъ литераторамъ откликаться на мѣстныя нужды, изображать родную жизнь,—выявлять по мѣрѣ силъ „душу Арменіи“. Не въ отдѣльныхъ только явно заимствованныхъ фразахъ или даже цѣлыхъ эпизодахъ проявилось это вліяніе. Во многихъ случаяхъ оно было гораздо болѣе глубокимъ, можетъ быть, только не сразу уловимымъ, зато безусловно прочнымъ и плодотворнымъ. Странное дѣло: иные писатели, особенно сильно затронутые этимъ воздѣйствіемъ русской словесности, всего болѣе сдѣлали для освѣщенія родной дѣйствительности или обличенія ея темныхъ сторонъ. Мы знаемъ, кто были ихъ вдохновители, знаемъ, кому они подражали, — и вотъ мы, однако, у нихъ же ищемъ отвѣта на вопросъ: что же такое Арменія, каковы ея нужды, мечты, порывы, что́ можетъ ее ожидать въ грядущіе дни... Кто хоть нѣсколько изучилъ, при помощи переводовъ, армянскую литературу, долженъ былъ сразу замѣтить ея характерныя особенности: стремленіе къ правдѣ, отсутствіе идеализаціи и подрисовки, тѣсную связь съ національною жизнью. Мы можемъ смѣло ей довѣриться и при ея помощи изучать мало знакомый намъ бытъ, потому что нѣтъ у ея дѣятелей склонности закрывать глаза на дефекты родной дѣйствительности, предаваться самообольще-

нію, все оправдывать, все объяснять въ выгодную сторону.

Какъ только зарождается новая армянская словесность, вначалѣ еще не располагающая даже приспособленною къ новымъ потребностямъ литературною рѣчью, дѣлающая только первые шаги, въ ней уже сказывается, наряду съ яркою, громко звучащею, патріотическою нотою и откликами національной скорби,— также элементъ обличительный, бичующій все, что есть кругомъ низменнаго, грубо эгоистическаго, невѣжественнаго, дышащаго лицемѣріемъ и алчностью. Одинъ изъ раннихъ писателей, теперь почти забытый, но въ свое время сыгравшій немаловажную роль, Тагіадьянъ (1803—58), уже нападалъ на эксплуататоровъ-купцовъ, недостойныхъ представителей духовенства, сторонниковъ невѣжества и застоя*). А въ дальнѣйшемъ обличительный, сатирическій, наконецъ, просто реалистическій элементъ, ничего не утаивающій, все называющій своимъ именемъ, занялъ почетное мѣсто въ литературѣ русскихъ армянъ. Даже писатели, не являвшіеся, прежде всего, сатириками по призванію, неоднократно дѣлали въ своихъ произведеніяхъ какъ бы смотръ родной жизни, затрагивая всѣ слои общества, изображая отсутствіе широкихъ умственныхъ интересовъ, преобладаніе въ общественной жизни богатой

*) Анализъ дѣятельности Месропа Тагіадьяна см. у Л. Мануэльяна, „Исторія", кн. I, стр. 34-61.

буржуазіи, полуобразованность молодежи, слабость національнаго чувства, или даже полное отреченіе отъ своей національности, матеріалистическіе вкусы духовенства, печальное положеніе народнаго класса. Патканьянъ, Раффи, Налбандьянъ, Шахъ-Азизъ, Сундукьянцъ, писатели слѣдующаго поколѣнія — въ родѣ Ширванзадэ, Наръ-Доса, Чубара, Папазьяна и др., всѣ они приняли участіе въ благородномъ дѣлѣ обличенія національныхъ недостатковъ или отрицательныхъ сторонъ отдѣльныхъ общественныхъ классовъ.

Но какъ умѣли въ то же время любить свою страну, гордиться ея прошлымъ, вѣрить въ ея будущее эти рѣзкіе подчасъ обличители, строгіе судьи! О многихъ изъ нихъ смѣло можно сказать словами поэта, что они „любили, ненавидя". И вмѣстѣ съ тѣмъ, обрисовывая неприглядную подчасъ дѣйствительность, они неизмѣнно отражали и мечты о лучшемъ будущемъ, о возрожденіи народа и общества, показывали своимъ читателямъ, быть можетъ, далекій, но свѣтлый и привлекательный идеалъ, къ которому нужно было стремиться, чего бы это не стоило. И, когда мы, русскіе, обращаемся къ современной армянской литературѣ, стараясь при ея помощи понять тотъ народъ, который ее создалъ и въ ней излилъ свою душу, наше вниманіе привлекаетъ, на ряду съ правдивыми, часто безпощадными въ своей правдивости, карти-

нами *дѣйствительности*, также и элементъ *мечты*, помогавшій писателямъ переносить несовершенство окружающаго, такъ какъ они вѣрили въ то, что рано или поздно „новая заря заблещетъ намъ свѣтло“. Они были убѣждены, вмѣстѣ съ романистомъ Раффи, что „книга можетъ спасти цѣлый народъ“,— вмѣстѣ съ поэтомъ Цатуріаномъ, что „пѣснь восторгомъ вдохновенья разсѣетъ прежній мракъ изъ дремлющихъ сердецъ, вернетъ надежды намъ и свѣтлыя стремленья“. „Оплакивая мертвыхъ“, выражая сочувствія погибающимъ жертвамъ, они въ то же время „призывали живыхъ“, поддерживали бодрость и энергію, умѣли и въ достопамятномъ прошломъ родины находить примѣры героизма, самоотверженія, любви къ народу, передъ которыми нужно было преклоняться—и которымъ нужно было слѣдовать! Длинная вереница *положительныхъ героевъ* (о нихъ будетъ итти рѣчь дальше) прошла черезъ новую армянскую литературу, словно показывая дорогу тѣмъ, кто хотѣлъ подобно имъ стремиться къ возрожденію и новой жизни. Эти положительные герои зачастую были двойниками тѣхъ писателей, которые ихъ создали и вложили въ ихъ уста свои негодующія или скорбныя рѣчи и отголоски своихъ мечтаній о лучшихъ дняхъ. И, если не всегда они были удачны въ художественномъ отношеніи, въ идейномъ они представляютъ нерѣдко выдающійся интересъ, такъ какъ даютъ намъ понятіе о томъ,

во что вѣрили и за что боролись лучшіе члены армянскаго общества и армянской интеллигенціи.

У современнаго поэта Ованнеса Туманьяна есть одно замѣчательное стихотвореніе, озаглавленное „Лампада Григорія Просвѣтителя“, являющееся обработкою народнаго преданія. Здѣсь говорится о таинственной лампадѣ, которая зажигается въ небѣ, какъ только его окутываетъ ночной мракъ, — и „виситъ безъ шнура“ надъ горами Арменіи, „сіяя звѣздъ свѣтлѣй, на высотахъ недостижимыхъ“*). Эта лампада, свѣтъ которой озаряетъ армянскій край, видима не всѣмъ, потому что не всѣ могутъ и достойны ее созерцать,—но тѣмъ, кто преданъ родинѣ и продолжаетъ вѣрить въ ея грядущее, будетъ неизмѣнно сіять этотъ свѣтъ съ небесной высоты.

„Кто не смыкалъ позорно вѣжды,
Но, вѣрой движимый одной,
Взиралъ, исполненный надежды,
Въ судьбу Арменіи родной,—
Увидитъ надъ собой, высоко,
Висящій надъ землею свѣтъ“.

Таинственная лампада, о которой говорится въ этомъ своеобразномъ и глубокомысленномъ народномъ преданіи, привлекшемъ вниманіе поэта нашихъ дней, имѣетъ аллегори-

*) Переводъ Эллиса—въ сборникѣ „Армянская Муза“.

ческій смыслъ, является, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы символомъ тѣхъ грезъ и упованій, которыя отражаются съ давнихъ поръ и въ армянской литературѣ. Крупнѣйшіе писатели, „взиравшіе съ надеждой" въ судьбу своего края и жаждавшіе для него лучшихъ дней, дѣйствительно, какъ бы видѣли яркій свѣтъ; исходящій отъ этой „лампады", которая олицетворяетъ благородныя мечты и высокіе порывы.

Никакая пошлость жизни, никакіе ужасы дѣйствительности не могли разбить этихъ мечтаній о новой, свободной и радостной долѣ, которая должна наступить для братьевъ, угнетенныхъ турецкимъ игомъ,—и о культурномъ возрожденіи, которое должно стать удѣломъ *всего армянскаго народа*, въ его цѣломъ, по какимъ бы странамъ ни были разбросаны его сыны. Черезъ всѣ испытанія и мрачныя эпохи пронесли русско-армянскіе писатели невредимою эту мечту о будущемъ своего народа. Сколько разъ рисовали они заманчивыя картины, столь непохожія на то, что они видѣли вокругъ себя, но именно вслѣдствіе этого—особенно привлекательныя и чарующія! И они старались привить своимъ читателямъ увѣренность, что не безпочвенны эти мечты, что онѣ могутъ стать дѣйствительностью, если всѣ дружно и единодушно будутъ стремиться къ намѣченной цѣли. „Братья, писалъ когда-то Патканьянъ, не

будемъ считать лишь мечтою то, что еще неосязаемо, но что воплотится и станетъ видимо вскорѣ, — только бы мы полны были увѣренности“! Такъ и герою другого армянскаго поэта, Шахъ-Азиза, хотѣлось вѣрить въ то, что „минуютъ дни скорбей, и станетъ легче злое бремя сыновъ страны моей“*). Десятками примѣровъ изъ новой и новѣйшей армянской словесности можно было бы подтвердить эту неослабѣвавшую вѣру самыхъ разнообразныхъ писателей въ лучшіе дни и въ жизненные задатки своего народа. Едва ли не всѣ главные поэты и романисты могли бы подписаться подъ этими, дышащими пламенной убѣжденностью словами современнаго автора, обращенными къ Арменіи: „Но нѣтъ, ты не умрешь! я вѣрю въ обновленье. Оно должно притти — оно къ тебѣ придетъ“**). Если въ наши дни, повидимому, занимается заря новой жизни для Турецкой Арменіи, то уже давно эту зарю страстно призывали дѣятели русско-армянской словесности. Грустно думать, сколько лицъ сошло съ жизненной арены, такъ и не дождавшись лучшихъ дней, о которыхъ они мечтали, вопреки всему. Нѣкоторымъ изъ нихъ пришлось жить въ особенно мрачную пору избіеній и звѣрствъ,

*) „Армянскій поэтъ С. Шахъ-Азизъ“, критич. этюдъ Ю. Веселовскаго и стихотворн. переводы (1905); перев. С. Головачевскаго (стр. 82).

**) Перев. К. Д. Бальмонта (изъ Ов. Ованнисьяна).

безправія и произвола, въ такую пору, когда турецкій режимъ казался несокрушимымъ, когда и въ области умственной жизни, культурной работы дѣлались, въ общемъ, только первые шаги, даже въ предѣлахъ Россіи, и старая азіатская закваска была еще слишкомъ сильна. И вотъ теперь, когда восходитъ солнце, невольно жалѣешь тѣхъ, кто тщетно ждалъ зари.

У иныхъ писателей мечты о свѣтлой участи родины облекались въ форму бурныхъ и страстныхъ рѣчей; иные прибѣгали вмѣстѣ съ тѣмъ къ формѣ чарующаго *сна*, который даетъ забвеніе и рисуетъ отрадныя картины, столь непохожія на то, что творится въ дѣйствительности. Вслѣдъ за такими снами, правда, наступаетъ тяжелое, возвращающее къ реальности, пробужденіе,—но, вѣдь, такіе сны все же дороги, такъ какъ помогаютъ отрѣшиться отъ заботъ и горестныхъ мыслей, рисуютъ то, что должно, рано или поздно, наступить; и, если бы ихъ не было, еще тяжелѣе было бы существованіе. Шахъ-Азизъ говоритъ въ одномъ стихотвореніи о томъ, какъ ему снилась яркая звѣзда, засіявшая надъ его родиной; эта звѣзда какъ бы принесла армянамъ объединеніе и взаимную любовь; казалось, былъ „растопленъ вражды вѣковѣчный гранитъ“. Самъ Христосъ „свергаетъ ярма властительный гнетъ“ съ истомившейся страны, осушаетъ слезы несчастныхъ лю-

дей, сглаживаетъ слѣды вынесенныхъ армянами страданій. Но, когда наступаетъ пробужденіе, неприкрашенная дѣйствительность напоминаетъ о себѣ съ большею опредѣленностью, чѣмъ когда-либо; обновленная, ожившая послѣ долгаго угнетенія страна оказывается лишь красивою и благородною мечтою, пригрезившеюся юному патріоту и другу народа. „Ахъ, плачьте, гайканы! звѣзда не горитъ! Нашъ край, какъ и прежде, во тьму погруженъ.... Что видѣлъ я, братья, то свѣтлый былъ сонъ“*). Такъ и одинъ изъ поэтовъ слѣдующаго поколѣнія, Ованнесъ Ованнисьянъ, отдаваясь грезамъ, видитъ „юную свободу, всю въ лучахъ“, которая улыбается армянамъ, принося имъ оливковую вѣтвь новой жизни,—видитъ общее единодушіе, энтузіазмъ, героическую борьбу, торжество лучшихъ завѣтовъ славнаго и бурнаго прошлаго. „Но то, увы! однѣ лишь только грезы! Еще не сходитъ ржавчина съ оковъ, намъ грудь еще не украшаютъ розы, и ночь надъ нами держитъ свой покровъ“**).

Наконецъ, — чтобы не умножать безгранично число примѣровъ,—классическимъ образцомъ этихъ лучезарныхъ сновъ, возсоздающихъ то, что было завѣтнымъ идеаломъ лучшихъ представителей армянскаго народа, является знаменитый „Сонъ Вардана“ изъ

*) Перев. И. А. Гриневской.

**) Перев. С. Головачевскаго—въ хрестоматіи „Современные армянскіе поэты“, М. 1903; стр. 18.

повѣсти Раффи „Хентъ“*). Въ пору русско-турецкой войны 1877-78 г. г. и связанныхъ съ нею репрессій и звѣрствъ, жертвою которыхъ стали заподозрѣнные въ сочувствіи Россіи армяне, главному герою снится волшебный сонъ, показывающій ему Арменію, какою она будетъ, по мнѣнію автора, черезъ двѣсти лѣтъ. Это—свободная и процвѣтающая страна, усвоившая главныя основы европейской культуры, отдавшаяся интенсивному и производительному труду, которому не грозитъ теперь ни произволъ, ни насиліе. Варданъ видитъ съ изумленіемъ въ той же самой мѣстности, гдѣ при немъ проливалась кровь и попиралось человѣческое достоинство, высокую культуру и торжество гражданственности; передъ нимъ разнообразныя просвѣтительныя учрежденія, университетъ, академія, музеи, усовершенствованныя среднія и низшія школы, театры, палата депутатовъ... Онъ слышитъ объ армянской газетѣ, съ тиражемъ въ 150000 экземпляровъ, объ участіи женщинъ въ литературной и научной дѣятельности; узнаетъ и объ общественныхъ мастерскихъ, которыя замѣнили собою прежнія частныя предпріятія, о совершенно новой организаціи труда и созданіи культурнаго, сознательнаго рабочаго класса. Но въ ту минуту, когда Варданъ собирается итти вмѣстѣ съ гражданами новой Арменіи на засѣданіе палаты депута-

*) Русскій переводъ этого отрывка только что вышелъ въ свѣтъ отдѣльною брошюрою. М. 1915.

товъ, гдѣ должна быть какъ разъ произнесена рѣчь на очень важную, животрепещущую тему, онъ внезапно пробуждается — и безотрадная дѣйствительность сразу предстаетъ передъ нимъ во всемъ своемъ ужасѣ; четыре сильныхъ руки схватываютъ его среди ночного мрака и влекутъ за собою,—очевидно, это — курды или турецкіе солдаты, лишній разъ напоминающіе юному мечтателю своимъ грубымъ насиліемъ о томъ, что еще много должна вынести Турецкая Арменія, прежде чѣмъ ей суждено будетъ дождаться лучшей участи.

Контрастъ между мечтами и *дѣйствительностью* въ подобныхъ случаяхъ особенно разителенъ, но — повторимъ то, что намъ пришлось высказать болѣе 20-ти лѣтъ тому назадъ, по поводу боевыхъ романовъ и повѣстей Раффи, — „слава тѣмъ, кому въ безотрадную ночь грезятся подобные сны! слава тѣмъ, кто, видя, какъ пламя пожаровъ истребляетъ цѣлыя деревни, какъ томится отъ голода и нужды въ своей жалкой хижинѣ забитый, истомленный лишеніями, армянскій крестьянинъ, какъ гибнутъ въ неравной борьбѣ съ грубою силою бойцы за народное дѣло, съ неизмѣнною энергіей трудятся на пользу своей страны, будя въ сердцахъ людей вѣру въ конечное осуществленіе этихъ сновъ, призывая народъ къ новой жизни".

Къ числу такихъ мечтателей и провидцевъ принадлежатъ многіе положительные герои,

выступающіе въ произведеніяхъ русско-армянскихъ писателей. Мы только что познакомились съ грезами одного изъ такихъ героевъ, Вардана, — но уже у литератора и культурнаго дѣятеля *40-хъ годовъ* Хачатура Абовьяна, одного изъ поборниковъ новаго литературнаго армянскаго языка и создателя новой словесности, въ его носящемъ національную окраску романѣ „Раны Арменіи" выведенъ былъ такого рода герой—юный Агаси, ранній предшественникъ патріотовъ и народолюбцевъ второй половины XIX вѣка. Въ эпоху персидскаго гнета, въ преддверіи войны 1828 - 29 г., которая должна была освободить отъ этого гнета значительную часть армянскаго населенія Персіи, Агаси является смѣлымъ борцомъ и высоко держитъ голову въ то время, какъ кругомъ него преобладаютъ приниженность и малодушная покорность. Онъ хочетъ поддержать чувство собственнаго достоинства въ своихъ соплеменникахъ, вступается за беззащитныхъ жертвъ произвола и насилія, освобождаетъ плѣнныхъ, привѣтствуетъ появленіе русскихъ войскъ, которыя должны избавить (и, дѣйствительно, избавили) Персидскую Арменію отъ невозможныхъ условій существованія, рвется самъ принять участіе въ великой борьбѣ и погибаетъ отъ руки враговъ. Охваченный патріотическимъ воодушевленіемъ, Агаси является вмѣстѣ съ тѣмъ поэтомъ, слагаетъ прочувствованныя пѣсни, горячо любитъ природу, ставитъ въ

области религіи духъ выше обрядовой стороны, вообще можетъ быть названъ идеаломъ автора.

Писатели, дѣйствовавшіе въ теченіе послѣдующихъ десятилѣтій, во многомъ шли по стопамъ Абовьяна. И, когда мы обращаемся къ стихотвореніямъ Патканьяна, имѣвшимъ цѣлью заступиться за турецкихъ армянъ, къ романамъ Раффи, къ творчеству тѣхъ, кто, подобно Папазьяну и Агароньяну, продолжая дѣло автора „Хента", въ новѣйшее время затрагивалъ тѣ же темы, мы опять сталкиваемся, на ряду съ представителями старшаго поколѣнія, также и съ новыми людьми, которые не только видятъ подчасъ красивые, благородные *сны*, но и стараются сдѣлать возможнымъ ихъ осуществленіе на дѣлѣ, готовы при случаѣ пожертвовать ради нихъ всѣмъ, даже своею жизнью.

Что касается, въ частности, „новыхъ людей" у Раффи, то теперь вполнѣ ясно, что во многихъ случаяхъ онъ не взялъ ихъ изъ подлинной дѣйствительности, какъ отрицательные свои типы, — а создалъ отвлеченнымъ, головнымъ путемъ, какъ извѣстные идеальные образы, которые должны были, по его мнѣнію, вызывать подражаніе. Не было еще тогда въ турецко-армянской жизни такихъ дѣятелей и борцовъ, какъ Варданъ, Сархатъ, Асланъ, Каро, Аво и другіе герои

Раффи*)! Но изреченіе романиста о книгѣ, которая „можетъ спасти цѣлый народъ“, какъ будто подтвердилось въ данномъ случаѣ, опровергая, по крайней мѣрѣ—въ извѣстныхъ предѣлахъ, — противоположный взглядъ, въ силу котораго словесность является лишь *отраженіемъ* жизни, и не можетъ вліять на нее. Когда въ реальной жизни стали образовываться кружки и группы, ставившіе себѣ цѣлью борьбу съ невыносимымъ турецкимъ режимомъ, они вдохновлялись нерѣдко романами Раффи и руководились тою программой дѣйствій, которую авторъ намѣтилъ исподоволь въ рамкахъ своихъ повѣствовательныхъ, беллетристическихъ произведеній, и которую другіе взялись осуществить на практикѣ, отчасти роководствуясь, такимъ образомъ, *книжнымъ* источникомъ и образцомъ...

Но не одно только политическое возрожденіе турецкихъ армянъ, въ видѣ коренныхъ реформъ или полной автономіи, составляло предметъ упованій и грезъ армянскихъ писателей, какъ и вообще представителей армянской интеллигенціи. Если когда-нибудь написано будетъ спеціальное изслѣдованіе на весьма любопытную и мало разработанную тему: „Положительные герои новой армянской литературы“, въ этомъ из-

---

[1]) Лео, „Русско-армянская литература“, стр. 215; ср. предисловіе пишущаго эти строки къ русскому переводу повѣсти „Джалалэддинъ“.

слѣдованіи, на ряду съ политическими борцами, будутъ, несомнѣнно, отмѣчены и дѣятели другого типа — поборники просвѣщенія, піонеры европейской культуры, противники невѣжества, сна и застоя. Подобно тому какъ въ самой армянской жизни энергично дѣйствовали подобные борцы за культурное возрожденіе, трудами которыхъ создана была армянская школа, литература, пресса, театръ, пробуждено было національное самосознаніе въ широкихъ кругахъ населенія, — среди героевъ армянскаго романа или драмы также занимаетъ опредѣленное мѣсто группа интеллигентныхъ работниковъ, у которыхъ есть свои особыя мечты, свои завѣтные идеалы! Иногда грезы о политическомъ возрожденіи турецкихъ армянъ тѣсно переплетаются съ мечтами о пріобщеніи всего армянскаго народа къ благамъ истинной, не показной только, цивилизаціи: мы уже видѣли, что въ „Снѣ Вардана“ будущая автономная Арменія представляется вмѣстѣ съ тѣмъ такою страною, гдѣ царитъ образованіе, гдѣ цѣлый рядъ культурныхъ начинаній свидѣтельствуетъ о высокомъ уровнѣ развитія и образованія, какимъ отличается освободившійся отъ турецкаго гнета древній народъ. Въ иныхъ случаяхъ положительные герои русско-армянской словесности совсѣмъ не принимаютъ участія въ активной политической работѣ и все свое вниманіе устремляютъ на чисто культурныя задачи.

Одинъ изъ раннихъ прогрессистовъ, выступающихъ въ произведеніяхъ армянской литературы, молодой патріотъ-гражданинъ Леонъ, герой байронической поэмы „Скорбь Леона“, вышедшей въ 60-хъ годахъ изъ подъ пера С. Шахъ-Азиза, только временно отдается, попавъ въ Турецкую Арменію и видя совершающіеся тамъ ужасы, воинственному, боевому настроенію. Вообще же онъ является, прежде всего, борцомъ съ „грозной тьмой“ невѣжества, съ остатками стараго варварства, схоластическою школою, безправіемъ женщины, національнымъ самообожаніемъ, равнодушіемъ къ общественнымъ интерасамъ, торжествомъ хищничества и грубо-матеріалистическихъ вкусовъ. И его устами авторъ, примыкавшій къ прогрессивному теченію, близкій по духу къ московскому передовому армянскому журналу 60-хъ годовъ „Сѣверное Сіяніе“, излилъ не только свое негодованіе по поводу всего того, что мѣшало его народу итти впередъ по пути истинной цивилизаціи, но и выразилъ свои пламенныя мечты о наступленіи такой поры, когда армянскій народъ пойдетъ рука объ руку съ культурными націями.

„Все же брошено сѣмя. Пусть крѣпнутъ, растутъ
Всходы мысли разумной и сильной!
Пусть армянскій народъ къ обновленью ведутъ
И дарятъ его жатвой обильной“!

А въ позднѣйшей армянской литературѣ сколько было яркихъ типовъ представителей интеллигенціи, вступающихъ въ борьбу со старымъ теченіемъ, нерѣдко выносящихъ преслѣдованія и гоненія отъ своихъ же соплеменниковъ, но твердо вѣрящихъ въ конечное торжество свѣта и культуры! Народные учителя, представители учащейся молодежи, общественные дѣятели, литераторы, всѣ они образуютъ среди положительныхъ героевъ русско-армянской словесности особую категорію, столь интересную для насъ, русскихъ, которые раньше склонны были подчасъ судить объ армянскомъ народѣ только на основаніи бѣглыхъ наблюденій надъ торговымъ, буржуазнымъ классомъ. У того же Раффи, у Ширванзадэ (которому принадлежитъ, между прочимъ, высоко-любопытный романъ изъ жизни армянской интеллигенціи „Арсенъ Димаксьянъ“), Наръ-Доса, Мурацана, Лео, Шанта (изображающаго въ своемъ творчествѣ почти исключительно интеллигентный классъ) и у многихъ другихъ мы встрѣтимъ этихъ „новыхъ людей“, которые явились поборниками просвѣщенія и культурныхъ идеаловъ, въ то время, какъ другіе представители молодежи обращали все свое вниманіе на вопросы политической жизни, содѣйствуя пробужденію чувства собственнаго достоинства въ забитыхъ и безгласныхъ раньше жителяхъ Турецкой Арменіи, подготовляя то, что происходитъ теперь на нашихъ глазахъ.

Мнѣ хотѣлось бы пожелать, въ заключеніе, чтобы *мечты* русско-армянскихъ писателей и ихъ любимыхъ героевъ поскорѣе стали *дѣйствительностью*,—или чтобы армянская дѣйствительность, прежде столь мрачная и безотрадная, приблизилась, наконецъ, къ ихъ благороднымъ мечтамъ.

Юрій Веселовскій.

К. КОСТАНЯНЦЪ

Краткій очеркъ исторіи Арменіи

Краткій очеркъ исторіи Арменіи.

Въ древности географическое положеніе Арменіи совпадало съ политическимъ ея положеніемъ. Нынѣ названіе это есть понятіе географическое, совмѣщающее въ себѣ представленіе о тѣхъ областяхъ древней Арменіи, которыя входятъ въ предѣлы Россійской имперіи, Азіатской Турціи и персидскаго государства.

Въ эпоху наибольшаго процвѣтанія Арменія занимала пространство около 6500 кв. м. Простираясь съ запада къ юго-востоку между 37°—48° восточной долготы и 37°—41° сѣверной широты, она представляетъ собою сплошной нагорный массивъ, поднятый на высоту, въ среднемъ, отъ 3000 до 6000 футовъ надъ поверхностью моря. Надъ этимъ массивомъ величаво воздымается высочайшая въ Передней Азіи вершина, такъ называемая „*mater mundi*“, гора Араратъ, пріютившая у себя, по словамъ Св. Писанія, Ноевъ ковчегъ.

Граничатъ съ Арменіей: съ сѣвера—долина Куры, съ востока — прикаспійскія степи у

сліянія Куры съ Араксомъ, съ юга—адербейджанская возвышенность, Загрошскій хребетъ и Сѣверная Месопотамія, съ запада—малоазіатская возвышенность по среднему теченію рѣкъ Галиса и Ликоса. Она состояла изъ двухъ частей: Малой и Великой Арменіи. Малая Арменія, по пространству меньшая (5/13), занимала земли къ западу отъ Евфрата вокругъ Скедизесскихъ горъ, по долинамъ верхняго теченія помянутыхъ рѣкъ. Въ ней извѣстны древніе города — Себастіа (Сивасъ) и Малатіа (Мелитине). Великая Арменія, занимавшая 8/13 всего пространства, была раздѣлена на 15 областей и обнимала какъ верхнія долины Чороха, Евфрата и Тигра, такъ и все теченіе Аракса, правобережную долину Куры и бассейны озеръ Севанскаго, Ванскаго и отчасти Урмійскаго.

Въ сравненіи съ сосѣдними странами, Малой Азіей и Ираномъ, Арменія, въ физикогеографическомъ отношеніи тѣсно связанная съ ними, представляетъ поверхность своеобразную, выраженную въ сильномъ скучиваніи горныхъ возвышеній и въ сравнительно ничтожномъ количествѣ равнинъ. Она вся изрѣзана узкими, глубокими оврагами и нескончаемыми извилинами крутыхъ ущелій. Отлогія подошвы массивныхъ горъ, уступообразно простираясь ввысь, образуютъ обширныя площадки (плато) на высотѣ 4000—6000 футовъ. Къ такимъ плато относятся эрзерумское, севанское, карсское, алашкертское и др..

Мѣстами высокіе горные хребты раздвигаются и открываютъ болѣе или менѣе широкій просторъ растянутымъ долинамъ, постепенно переходящимъ въ нагорныя равнины. Одной изъ такихъ является знаменитая въ Арменіи айраратская равнина, центръ древней армянской культуры, у подошвы двухъ вулканическихъ гигантовъ, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ, съ сѣвера—вершины Арагадзъ (13500′) и съ юга — Большого (16500′) и Малаго (12500′) Арарата. На протяженіи около 100 верстъ по теченію Аракса на высотѣ 3000 футовъ, простираясь съ запада къ юго-востоку, равнина эта окаймлена цѣпью горъ высотой 7000—8000′. Здѣсь въ древности процвѣтали города: Армавиръ, Арташатъ, Вагаршапатъ, Двинъ и др. Такія же равнины, хотя не въ томъ размѣрѣ, мы застаемъ по теченію Евфрата и Тигра и въ бассейнѣ помянутыхъ озеръ.

Своеобразность поверхности Арменіи находится въ зависимости и отъ характера построенія земли. Къ востоку отъ 41° простирается зона вулканическихъ возвышеній и конусовъ, изобилующихъ какъ въ Юго-восточной Арменіи, такъ и въ сосѣднемъ Адербейджанѣ, который составляетъ сѣверо-западную окраину обширной иранской возвышенности. Такимъ образомъ, горы и возвышенія Восточной Арменіи находятся въ соотвѣтствіи съ иранскими какъ по построенію, такъ и по направленію. Къ западу же отъ 41° преобладаютъ горы и возвышенія осадочнаго происхожденія.

Они получаютъ направленіе съ юго-запада къ сѣверо-востоку, находясь въ соотвѣтствіи съ мало-азіатскими возвышенностями, среди которыхъ извѣстны горы Тавра и Антитавра. Отроги послѣднихъ и составляютъ армянскій Тавръ, простирающійся между долинами Евфрата и Тигра и своими вѣтвями примыкающій къ Загрошскому хребту.

Съ вулканическими образованіями поверхности, очевидно, имѣютъ связь часто повторяющіяся въ странѣ землетрясенія. Объ этомъ сообщаютъ и лѣтописи, начиная съ 602 года по Р. Х. Изъ ряда многочисленныхъ вулканическихъ конусовъ Арменіи, нынѣ болѣе недѣйствующихъ, вершина Нимрудъ, на западѣ вулканическаго озера Ванъ, въ послѣдній разъ дѣйствовала въ 1439 году, огненной лавой причинивъ большія опустошенія въ окрестностяхъ. Печальныя послѣдствія подобной опустошительной дѣятельности земной коры можно видѣть въ тѣхъ нескончаемыхъ развалинахъ, которыми покрыта Арменія, и большинство которыхъ погребено подъ густымъ слоемъ наносной земли, образуя холмы и курганы, скрывающіе цѣнный археологическій матеріалъ. Къ числу жертвъ такой стихійной силы, между прочимъ, принадлежитъ городъ Ани, послѣдняя столица армянскихъ царей, въ Карсской области.

Въ связи съ горными возвышеніями сильно развита рѣчная система. Въ горахъ Капотеса къ сѣверо-западу берутъ начало Чорохъ и

Евфратъ, къ сѣверо-востоку—Кура; въ горахъ Абоса, въ центрѣ страны—Араксъ; въ горахъ Нифатеса, тамъ же, къ югу главный притокъ, или вѣрнѣе южный рукавъ Евфрата—Арацани, нынѣ Муратъ; въ горахъ Тавроса къ западу—Тигръ, къ востоку—его главный притокъ или восточный рукавъ, Шатъ; у отроговъ Загроша съ западной стороны притокъ Тигра—Завъ; въ горахъ Скедизеса къ западу — Ликосъ и Галисъ.

Отдѣльными водораздѣлами какъ бы изолированы отъ общей рѣчной системы вулканическія озера, воды которыхъ получаютъ сильный притокъ съ окружающихъ горъ помощью множества рѣкъ, не имѣющихъ связи съ другими бассейнами. Исключеніе составляетъ Севанское озеро, соединенное съ притокомъ Аракса, рѣкою Разданъ, нынѣ Зангу, помощью искусственнаго канала.

Несмотря на такое обиліе водныхъ сообщеній, Арменія лишена непосредственнаго доступа къ морю, такъ какъ устья помянутыхъ великихъ рѣкъ впадаютъ въ море въ предѣлахъ сосѣднихъ странъ. Араксъ, на востокѣ соединяясь съ Курою, впадаетъ въ замкнутое море—Каспійское. Бассейны Евфрата и Тигра обращены къ югу, къ Месопотаміи, черезъ которую они протекаютъ и, соединяясь, впадаютъ въ Персидскій заливъ. Рѣки же Чорохъ, Ликосъ и Галисъ, направляясь къ сѣверу, впадаютъ въ Черное море. Очевидно, что Арменія посредствомъ своихъ рѣкъ сообщается

съ помянутыми морями только черезъ чужія страны, къ важному же центру міровой культурной жизни, къ Средиземному морю, она водою никакого доступа не имѣетъ.

Обиліе горныхъ возвышеній въ Арменіи указываетъ на массу преградъ и препятствій, затрудняющихъ сообщеніе и являющихся природными средствами для защиты отъ нападенія враговъ. Обиліе же рѣкъ указываетъ на наличность огромнаго количества естественныхъ проводниковъ культуры, облегчающихъ сношенія частей населенія между собою и распространяющихъ мѣстныя произведенія въ сосѣднихъ странахъ. Исторія и культура Арменіи находятся въ тѣсной связи съ этими двумя факторами природы. Мало того, отъ нихъ зависитъ и разноплеменность населенія, и разнохарактерность двигателей жизни. Нѣтъ, кажется, другой страны, раздѣленной на такое количество отдѣльныхъ самостоятельныхъ частей, какъ Арменія, которая временами состояла изъ нѣсколькихъ царствъ и рѣдко была объединена подъ однимъ скипетромъ. Естественныя условія страны очень рано развили въ ней патріархальный строй жизни, перешедшій потомъ въ феодализмъ. Родовой бытъ лежалъ въ основѣ этого строя. Каждый старѣйшій членъ рода являлся царемъ и каждое загороженное пространство родового помѣстья—городомъ. Старѣйшіе члены рода назывались нахапетами или чаще танутерами, что означаетъ: госпо-

динъ дома. Изъ нихъ и вышли потомъ армянскіе владѣтельные князья—нахарары, которые въ своемъ владѣніи пользовались прерогативами царя, находясь въ вассальномъ отношеніи къ великому царю. Число нахарарствъ, по преданію, достигало до 400. Но по послѣднимъ достовѣрнымъ спискамъ ихъ было не менѣе 70. Каждый изъ нахараровъ былъ обязанъ во время войны являться на службу во главѣ своей конницы, которую они содержали на свои средства. Численность конницы, выставленной всѣми нахарарами, по одному списку, достигала 63350. Царь же является, какъ первенствующій нахараръ, во главѣ своей конницы и многочисленной арміи изъ вассальныхъ странъ.

* * *

Первоначальная исторія Арменіи носитъ легендарный характеръ. Судя по скуднымъ остаткамъ народныхъ сказаній, собраннымъ отцомъ армянской исторіи, Моисеемъ Хоренскимъ*), начало сему міру положили „виновники величайшихъ благъ въ мірѣ, страшные и дивные боги, отъ которыхъ пошло поколѣніе исполиновъ". Одинъ изъ этихъ исполиновъ, Хайкъ (Наук), и названъ прародителемъ армянскаго народа. Это былъ мужъ „статный, рослый, быстроногій, съ божественными кудрями, съ крѣпкими мышцами, славившійся между исполинами храбростью". Въ образѣ исполина-охотника, мощнаго стрѣлка, обладавшаго необычайной физической силой, умнаго и энергичнаго, Хайкъ является соперникомъ титанида Бэла, стремившагося быть властителемъ міра. Не желая покоряться его тираніи, Хайкъ возсталъ противъ него и, преслѣдуемый имъ, убилъ его на войнѣ и избавилъ свой родъ отъ позора рабства.

*) Исторія Арменіи, М. Хоренскаго, переводъ Н. О. Эмина. Москва 1893. I. 3. 10.

„Или умремъ, сказалъ онъ своимъ сыновьямъ, и домочадцы наши поступятъ въ рабство Бэла, или же, показавъ на немъ мѣткость перстовъ нашихъ, разсѣемъ его полчище и явимся побѣдителями". Въ образѣ такого миѳическаго героя Хайкъ причисленъ къ созвѣздію Оріона, которое по-армянски называется Хайкъ. Древній армянскій календарь тоже носитъ наименованіе Хайка шрджанъ, что означаетъ: циклъ Хайка. По преданію, циклъ этотъ начинается въ 2492 году дохристіанской эры и обновляется черезъ каждые 1461 годъ. Эра эта установлена въ память торжества Хайка надъ Бэломъ, но, очевидно, имѣетъ связь съ наблюденіями надъ Оріономъ. И армянскіе мѣсяцы названы именами сыновей и дочерей Хайка.

Отъ такого привлекательнаго образа поборника народной свободы, Хайка, сказаніе приводитъ насъ къ не менѣе симпатичному миѳическому герою, Араму, проникнутому горячей любовью къ отечеству и живой мстительностью къ его врагамъ. Онъ очистилъ страну отъ иноплеменныхъ тирановъ, захватилъ разныя области и расширилъ предѣлы своего государства далеко къ западу. Къ числу его противниковъ принадлежалъ и сирійскій полубогъ, Баршамъ, который погибъ на войнѣ отъ его руки. По имени прародителя, Хайка, армяне себя называютъ *хай* (нау), а свою родину Хайкъ или Хайастанъ. Сосѣдніе же, чужіе народы называютъ армянъ именемъ

Арама, такъ какъ только черезъ него они познали хаевъ.

Такимъ образомъ, Хайкъ является основателемъ рода и родового имѣнія, Арамъ же представленъ организаторомъ государства и спасителемъ отечества.

Къ образу двухъ миѳическихъ героевъ примыкаетъ милый обликъ сына Арама, Арайя Прекраснаго, принесшаго себя въ жертву для защиты семейной святыни. Вѣрный своей любимой женѣ, Нуардѣ, и не соблазнившійся посулами сладострастной царицы Семирамиды (Шамирам), которая долго домогалась его любви, Арайя былъ убитъ въ сраженіи съ ея воинами, ассирійцами, явившимися насильственно взять его. По его смерти Арменія была завоевана ассирійской царицею, которая на берегу Ванскаго озера построила лѣтнюю резиденцію, Шамирамакертъ, нынѣ Ванъ, и управляла страною черезъ своихъ намѣстниковъ. Для увѣковѣченія памяти о своихъ предпріятіяхъ въ Арменіи, говорится въ армянскомъ эпосѣ, Семирамида „по всей поверхности (ванской) скалы, какъ перомъ по воску, начертала множество письменъ“ и „во многихъ мѣстахъ страны армянской воздвигла столпы и подобными же письменами приказала начертать какія-то надписи“.

Представленія о Хайкѣ, Арамѣ и Арайѣ, не теряя миѳическаго характера, служатъ олицетвореніемъ историческихъ явленій, идеализированныхъ въ образѣ миѳическихъ ге-

роевъ. Имена ихъ суть эпонимы. Ими выражена народная борьба противъ враждебныхъ силъ. Очевидно, Арменія очень дорого цѣнила свою народную свободу, долгое время пользовалась самостоятельностью и послѣ непрерывной упорной борьбы съ преобладающими силами внѣшняго врага была принуждена къ сдачѣ. Это подтверждается указаніями достовѣрныхъ памятниковъ, дошедшихъ до насъ, а именно—тѣхъ клинописныхъ надписей, о которыхъ упомянуло вышеприведенное сказаніе. Изъ нихъ мы узнаемъ, что первоначально Арменію населяли хальды, народъ, по всей вѣроятности, родственный съ хаттами, долгое время господствовавшими въ Малой Азіи. Хальды занимали почти всю центральную полосу Арменіи вокругъ Ванскаго озера, образуя нѣсколько мелкихъ государствъ. Къ востоку простиралась Біайна (Ванъ) съ городомъ Туспа (Тоспъ), къ западу по среднему теченію Арацани—Мусасиръ (Мушъ), западнѣе въ долинѣ Евфрата—Militta (Малатіа), къ сѣверу у верховьевъ Арацани—Милдишъ (Алашкертъ), къ сѣверо-востоку въ долинѣ Аракса—Урарту (Айраратъ) и др.. Эту группу странъ ассирійцы называли Наири, подъ этимъ разумѣя земли, лежащія къ сѣверу отъ Месопотаміи. Занимая возвышенныя долины, командующія, если можно такъ выразиться, надъ болѣе низменными частями Сѣверной Месопотаміи, страны Наири очень рано обратили на себя взоры нине-

війскихъ царей-завоевателей. Но характерно, что всѣ набѣги, направленные съ юга на сѣверъ противъ странъ Наири, населенныхъ хальдами, всегда энергично отражались, несмотря на превосходство силъ противника. Иногда хальды принуждены бывали подчиниться верховной власти ниневійскихъ царей, но при первой же возможности они опять возстановляли свою независимость.

Въ XII вѣкѣ до Р. Х. царь ниневійскій Туклат-абал-асаръ I (1130—1080) впервые напалъ на Наири. Тридцать царей этой страны объединились и заключили между собою союзъ. Несмотря на ихъ упорное сопротивленіе, Туклатъ послѣ трехкратнаго набѣга наконецъ покорилъ западныя страны и обложилъ данью. По уходѣ его данники отложились. До IX вѣка хальды были оставлены въ покоѣ. Въ это время Асур-назир-абалъ I (880), совершивъ набѣгъ на Наири, покорилъ 250 городовъ, но внутрь страны проникнуть не могъ. Одинъ изъ его преемниковъ, Салманасаръ II, начиная съ 860 года, неоднократно нападалъ на Урарту. Царь этой страны, Арамэ, въ союзѣ съ царемъ Мусасира и Милдиша, удачно отражалъ его набѣги. Но въ 845 году Салманасару удалось добраться до истоковъ рѣки Арзаніаса. Въ 841 году онъ взялъ тамъ крѣпость Субанига, городъ Арніэ на рѣкѣ Туратъ и резиденцію Арзаску. Обложивъ урартійцевъ данью, Салманасаръ возвратился въ Ниневію. По смерти Арамэ сынъ его,

Сардурисъ I, „царь наирскихъ странъ“, „царь земли“, „царь Урарту“, отложился. Его выступленіе противъ Ниневіи является знаменательнымъ въ томъ отношеніи, что отнынѣ борьба принимаетъ характеръ организованнаго сопротивленія, которое почти непрерывно продолжалось, начиная съ 833 до 640 года. Сардурисъ оставилъ древнюю резиденцію, Хубускіа, что на р. Завѣ, и перешелъ въ городъ Туспу, нынѣ Ванъ. Тамъ онъ соорудилъ новыя укрѣпленія и объединилъ остальныя области подъ гегемоніею Біайны.

Сыну его, Испуинису I (825—811), принадлежитъ иниціатива сооруженія искусственныхъ пещеръ въ Ванѣ, уцѣлѣвшихъ и понынѣ. Эти оригинальные памятники архитектуры хальдовъ замѣняютъ дворцы и жилыя помѣщенія. Сынъ Испуиниса, Минуасъ, украсилъ городъ посадкою садовъ, и провелъ большой водопроводный каналъ (искусственную рѣку—Шамирамагетъ), а его преемникъ, Аргистисъ I, основалъ на Араксѣ городъ Армавиръ. Противъ Ниневіи Аргистисъ предпринялъ 14 походовъ и отнялъ у нея нѣсколько областей. Аргистисъ и вообще ванскіе цари, начиная съ Сардуриса, охотно покровительствовали наукамъ и искусству. Они выписывали изъ Ниневіи ученыхъ и художниковъ, съ помощью которыхъ они ввели у себя письменность, принимая къ употребленію сперва ниневійскую клинопись, которую потомъ усовершенствовали въ національномъ духѣ. Сынъ Аргистиса,

Сардурисъ II, силою оружія подчинилъ князей, вассальныхъ Ассиріи къ западу отъ Евфрата. Въ его время въ предѣлы ванскаго государства вошли почти всѣ земли армянскаго нагорья отъ истоковъ Аракса и Евфрата до Урмійскаго озера. Воодушевленный этими успѣхами, Сардурисъ II называетъ себя „царемъ царей“. Противъ него поднялъ оружіе Туклат-абал-асаръ II (745—727), который напалъ на Біайну, дошелъ до города Туспы и, не находя сопротивленія со стороны Сардуриса, который заперся въ крѣпости, опустошилъ страну. Въ это время нѣкоторыя области отпали отъ Сардуриса. Когда Туклатъ удалился, Сардурисъ, не теряя времени, немедленно приступилъ къ дѣлу. Онъ перенесъ резиденцію въ Армавиръ и, укрѣпивъ его, готовился къ новой борьбѣ. Но ему не суждено было начать кампанію. Сынъ его, Рузасъ I, мужъ умный, энергичный и храбрый, долженъ былъ воевать съ ниневійскимъ царемъ, Саргономъ, но онъ не выдержалъ сильнаго натиска его наступленій, и, потерявъ союзниковъ и нѣсколько областей, въ 714 году удалился въ горы въ ожиданіи ухода непріятеля. Но пока Саргонъ возвратился въ Ниневію, Рузасъ скончался.

Сынъ его, Аргистисъ II, пользуясь тѣмъ, что Саргонъ былъ занятъ подавленіемъ смутъ въ отдаленныхъ областяхъ, успѣлъ снова объединить бывшихъ союзниковъ и въ 708 году овладѣлъ тѣми землями, которыя въ 714 году

отошли отъ него. Вскорѣ Саргонъ былъ убитъ (704). Его преемникъ Син-аке-ирибъ царствовалъ 25 лѣтъ. Сыновья его, Нергаль-саразуръ и Адаръ-маликъ (Санасаръ и Адра-меликъ) во время жертвоприношенія убили отца и убѣжали въ Урарту въ 681 году. Послѣ этого событія какъ ниневійскому, такъ и урартійскому царству не суждено было долго просуществовать, такъ какъ нашествіе арійцевъ положило имъ конецъ.

* * *

Въ VII в. до Р. Х. господствующее положенiе въ Передней Азiи стали занимать арiйцы. Раса эта изъ первобытнаго состоянiя перешла къ осѣдлой жизни и къ политическому господству сравнительно позднѣе семитовъ и другихъ племенъ. Выступленiе ея на историческую арену равносильно торжеству высококультурныхъ началъ. Арiйцы получили распространенiе и извѣстность, благодаря своимъ высокимъ природнымъ качествамъ. Это, по наружному типу, люди стройные, съ красивыми чертами лица и со свѣтлой кожею, а по духовнымъ качествамъ глубоко сознающiе свое превосходство надъ чуждыми имъ по крови народами и назвавшiе себя арiями, что означаетъ благородный. Подобное отношенiе къ самимъ себѣ направляло ихъ къ покоренiю или вытѣсненiю туземцевъ, хотя въ отношенiи къ культурнымъ ихъ достоянiямъ они соблюдали замѣчательную терпимость, охотно

воспринимая и усовершенствуя ихъ въ своемъ духѣ. Языкъ ихъ отличается гибкостью, благозвучіемъ и богатствомъ. Характерныя черты этой расы вообще—благородство души, несокрушимая воля, настойчивость, вѣчное стремленіе къ самосовершенствованію и къ достиженію прогресса.

Къ народамъ этой расы принадлежатъ въ Европѣ древніе греки и латиняне и современные народы романскіе, германскіе и славянскіе, а въ Азіи индусы, персы, афганы, курды и др. Съ этой же расой родственны нынѣшніе армяне, которые въ VII в. до Р. Х., покоривъ или вытѣснивъ хальдовъ, стали занимать населенныя ими мѣста. Армяне до земли хальдовъ дошли по разнымъ направленіямъ. Пока извѣстно только движеніе слѣдующихъ элементовъ, которые вошли въ составъ армянскаго народа: саки, ѳрако-фригійцы и иранцы.

Саки двинулись съ сѣвера черезъ Каспійскія ворота. Часть ихъ заняла правобережную долину средняго теченія Куры, названную ихъ именемъ Сакасена, по-армянски Шакашенъ, нынѣ Шаки. Другая часть овладѣла нагорнымъ пространствомъ между Севанскимъ озеромъ и долиною Аракса. Это—древне-армянская область Сисаканъ или Сюникъ.

Ѳрако-фригійскіе народы явились вмѣстѣ съ киммерійцами съ запада черезъ Константинопольскій проливъ и Малую Азію и, истребивъ или вытѣснивъ сидѣвшихъ въ послѣд-

ней хаттовъ, заняли ихъ земли. Очевидно, изъ родовъ ѳрако-фригійцевъ армены прошли до долины Евфрата, частью засѣли въ такъ называемыхъ армянскихъ Таврахъ, частью же проникли въ долину Аракса.

Съ востока двинулись народы иранской расы, родственные съ мидянами и персами. Народы эти, съ незапамятныхъ временъ кочуя по иранской возвышенности, должно быть, еще при господствѣ хальдовъ проникли въ Арменію по сѣверо-восточнымъ отрогамъ Загроша. Часть ихъ устроилась къ западу отъ Урмійскаго озера, другая часть, продолжая свой путь дальше къ сѣверу, расположилась на юго-восточномъ прибрежьѣ Ванскаго озера. Они, очевидно, дѣлились на кланы или роды, одинъ изъ которыхъ, хаи, заняли земли, населенныя хальдами. Эта новая ихъ родина называлась хайоцъ-дзоръ, что означаетъ долина хайевъ. Благодаря родству съ мидянами они очень скоро съ ними подружились и дѣйствовали совмѣстно съ ними. Дружба ихъ выражена въ той вооруженной помощи, которую хаи оказали мидійскому царю, Кіаксару, при его нападеніи, въ союзѣ съ вавилонскимъ царемъ, Набуполасаромъ, на Ниневію и при разрушеніи въ 606 году ассирійскаго царства. Въ это время глава хайскаго рода, Паруйръ, помогавшій Кіаксару, и былъ провозглашенъ царемъ. Это „первый вѣнценосецъ Арменіи“.

Молодое хайское государство съ того времени состояло въ союзѣ съ Мидіею, а послѣ

ея паденія съ Персіею, получившими перевѣсъ въ рѣшеніи судебъ Передней Азіи вслѣдъ за исчезновеніемъ съ горизонта Ниневіи, этой гордой повелительницы міра. Въ территоріальномъ отношеніи она стала быстро развиваться. Въ ея предѣлы вошли земли къ сѣверу и къ западу отъ Ванскаго озера, точно такъ же и страна Урарту. Названіе послѣдней было присвоено этому новому государству иноземцами. На это указываетъ изреченіе пророка Іереміи (1.27): „созовите араратское царство и воинство аскеназское"; подъ именемъ послѣдняго разумѣлись мидяне.

Овладѣвъ хальдскими землями, арійцы, такимъ образомъ, не пренебрегали именемъ ихъ государства Урарту, которое въ армянскомъ звучитъ Айраратъ (вар. Араратъ) и равносильно наименованію Алароды, данному этой странѣ Геродотомъ. Въ позднѣйшей клинописи оно названо Урасту. Очевидно, это есть искаженіе имени Арастъ (вар. Ерастъ), которымъ арійцы-переселенцы назвали свое новое отечество, именуя его „арья-ста", что означаетъ стоянка арійцевъ. Древнее сказаніе связываетъ съ этимъ и имя Араксъ (вар. Ерасхъ). Оказывается, что наименованіе великой рѣкѣ дано арійцами, которые считали ее „арья-кша",—охраною арійцевъ. Вообще говоря, Араксъ для арійцевъ имя родное. Съ этимъ именемъ упоминаются рѣки въ Персіи, въ Малой Азіи, въ Греціи и пр.

Айраратское царство продержалось отъ 606 до 518 года до Р. Х. Состоя въ союзѣ съ Мидіею и Персіею, оно было обезпечено отъ внѣшнихъ нападеній. Въ началѣ оно находилось въ союзѣ и съ Вавилономъ. При взятіи Іерусалима (593-586) Новуходоносоромъ среди его союзниковъ, участвовавшихъ въ походѣ, былъ сынъ Паруйра, Храчя.

Окончательно вытѣснивъ хальдовъ на сѣверо-западъ, гдѣ они расположились у отроговъ Капотеса и Паріадреса, цари айраратскіе, очевидно, старались развить въ странѣ арійскую культуру. Оставивъ столицу Армавиръ, что на Араксѣ, они возвели новый городъ у южной подошвы Арагадза, недалеко отъ нынѣшняго Эчміадзина. Городъ этотъ назывался Артимедъ, вѣроятно, въ честь богини Артемиды. Сохранился цѣнный отрывокъ изъ народнаго эпоса, въ которомъ упоминается царь Ервандъ, занятый постройкою новаго дворца. Къ нему на службу является Вардгесъ, женившійся на сестрѣ Ерванда. Отрывокъ гласитъ такъ.

„Отдѣлился-пошелъ Вардгесъ-юноша
Изъ области Туховъ къ Касах-рѣкѣ.
Онъ пришелъ и сѣлъ на Шреш-холмѣ,
Близъ Артимед-города у Касах-рѣки,
Тесать да ваять врата Еруанда царя“.

Сынъ Ерванда, царь Тигранъ, другъ и союзникъ персидскаго царя Кира, помогъ послѣднему въ сверженіи въ 549 году мидійскаго владычества. Мудрой политикою Тигранъ

обезпечилъ миръ въ своемъ государствѣ и много способствовалъ его процвѣтанію. Народные пѣвцы при звукахъ „бамбирна“, національнаго инструмента, горячо воспѣвали его, какъ „насадителя и зиждителя мира“.

Но наступили для айраратскаго царства и смутныя времена. По смерти Кира (529) въ Персіи нарушенный порядокъ былъ возстановленъ только въ 522 году, когда воцарился Дарій Гистаспъ. Его власти отказывались подчиняться, между прочими, и армяне. Они четыре раза, упорно сопротивляясь, разбивали войска персовъ. Наконецъ въ 518 году они силою оружія были приведены къ покорности. Часть Арменіи была завоевана и вошла въ составъ XIII и XVIII сатрапій персидскаго государства. Сатрапами назначались туземцы или персы. Какъ полунезависимые правители, они управляли страною по мѣстнымъ обычаямъ, но обязаны были ежегодно платить дань и въ военное время являться на службу со своей конницей. Кромѣ дани, они должны были доставлять ежегодно и 20 тысячъ жеребцовъ въ видѣ дара въ честь годового праздника Митры. Во время своего отступленія въ сопровожденіи 10 тысячъ грековъ Ксенофонтъ былъ пораженъ обиліемъ запасовъ, богатствомъ народа и пышной жизнью сатраповъ Арменіи.

Какъ извѣстно, Александръ Македонскій положилъ конецъ персидскому царству въ 330 году. Въ это время и сатрапы Арменіи

перешли подъ власть его намѣстниковъ, господствовавшихъ тамъ около ста лѣтъ. Но часть Арменіи оставалась свободною и управлялась независимыми царями. Это извѣстно изъ указаній монетъ, чеканенныхъ этими царями Арменіи въ разныхъ областяхъ. Судя по нимъ, въ 230 году царствовалъ Арсамесъ (Аршамъ), вѣроятно, основатель города Арсамосата въ Софенѣ, въ 200 году царствовалъ Абдисаресъ, въ 190 году—Заріадресъ, въ 170 году — Ксерксесъ, въ 150-140 году — Морфилигъ и пр., цари малоизвѣстные въ исторіи, но, въ виду существованія ихъ монетъ, не подлежащіе сомнѣнію. Одинъ изъ такихъ царей, Арташіасъ, который былъ намѣстникомъ Антіоха III Великаго въ Восточной Арменіи, послѣ его пораженія въ 189 году при Магнесіи, отложился и сталъ управлять самостоятельно. Онъ построилъ на рѣкѣ Араксѣ городъ Арташатъ, который сдѣлался столицею Арменіи. Его примѣру послѣдовалъ Заріадресъ въ Софенѣ. Впослѣдствіи обѣ части были объединены. Внуку Арташіаса, Тиграну III Великому, выпала доля развить новое государство и поднять его на степень первенствующей державы.

* * *

Тигранъ III Великій (95—56), мужъ умный и съ большою энергіею, но честолюбивый и гордый, при вступленіи на престолъ быстро сообразилъ общее положеніе окружающихъ Арменію государствъ и, находя благопріятнымъ, немедленно приступилъ къ приведенію въ исполненіе своихъ завоевательныхъ плановъ, которые его занимали, быть можетъ, съ того времени, когда онъ былъ отданъ въ качествѣ заложника въ руки пареянскаго царя, Митридата II. Его завоеванія заняли около двадцати пяти лѣтъ времени (95—70). Первымъ его дѣломъ было присоединеніе къ своему государству царства Софены (Цопац-ашхаръ), естественными узами связаннаго съ остальной Арменіею въ долинѣ Евфрата. Тщетны были протесты царя Артанеса, потомка Заріадреса, лишеннаго престола. Этимъ актомъ Тигранъ закончилъ объединеніе Арменіи, начатое дѣдомъ его, Арташіасомъ I.

Затѣмъ для обезпеченія себя отъ какихъ-либо посягательствъ со стороны понтійскаго царя, Митридата VI Евпатора Великаго, воевавшаго тогда съ Римомъ, Тигранъ В., слѣдуя желанію, выраженному Митридатомъ, заключилъ съ нимъ договоръ, которымъ опредѣлялась сфера вліянія и дѣйствій обоихъ царей. Между ними состоялось соглашеніе предоставить Митридату свободу дѣйствій для образованія одного великаго государства изъ земель Малой Азіи съ берегами Чернаго моря, царю же армянскому Тиграну не препятствовать присоединять къ своему государству Каппадокію, Сирію, Месопотамію и пр. Соглашеніе это еще болѣе укрѣплялось выходомъ дочери Митридата, Клеопатры, замужъ за Тиграна В.

Первое выступленіе армянскаго царя было вызвано внутренними смутами, возникшими въ пареянскомъ царствѣ. Считая моментъ весьма благопріятнымъ, онъ двинулъ свои войска противъ пареянъ, которые были побѣждены и поспѣшили просить мира. На основаніи мирнаго договора къ Тиграну отошли отъ пареянъ вассальныя государства Сѣверной Месопотаміи. Кромѣ того, пареянское царство было низведено на второе мѣсто, Тиграну же было присвоено право чеканить золотую монету съ надписью „царь царей“, право, которымъ пользовались до того времени пареяне. Что касается до вассальныхъ государствъ, отошедшихъ къ Арменіи, то въ ихъ положеніи ничего не измѣнилось, напро-

тивъ, вырванныя изъ подъ гнета парѳянъ, они почувствовали себя болѣе счастливыми. При этомъ городъ Низибисъ со своими окрестностями, въ виду благопріятнаго въ торговомъ отношеніи положенія, получилъ отдѣльнаго царя въ лицѣ брата Тиграна, Гура (Горъ), и вошелъ въ кругъ другихъ вассальныхъ государствъ Месопотаміи.

Пораженіе парѳянъ и переходъ Месопотаміи къ царю Арменіи подняли престижъ послѣдняго въ глазахъ другихъ народовъ Востока. Къ нему были обращены и взоры сирійцевъ, земли которыхъ были раздираемы внутренними смутами. Для возстановленія порядка и мира они просили Тиграна принять корону сирійскихъ царей-селевкидовъ. Въ 84 году состоялось присоединеніе Сиріи къ армянскому царству въ лицѣ Тиграна В., который не замедлилъ объявить второю столицею своего государства городъ Антіохію.

Затѣмъ, Тигранъ обратилъ свое оружіе противъ Каппадокіи. Стратегическое и экономическое значеніе этой страны отлично знали парѳяне и римляне, прилагавшіе много стараній, чтобы изолировать ее отъ вліянія понтійскаго царя. Но въ 91 году между Тиграномъ и Митридатомъ состоялось особое соглашеніе. На основаніи этого Тигранъ завоевалъ Каппадокію, территорія которой перешла, по условію, къ понтійскому царю, а движимость, въ томъ числѣ и жители, къ царю армянскому, который выселилъ послѣднихъ въ Арменію.

Въ это же время была завоевана Киликія, непосредственно примыкавшая къ границамъ Арменіи.

Благодаря завоеваніямъ Тиграна, Арменія стала великой державой, но въ культурномъ отношеніи она оставалась совершенно замкнутой страной. Тигранъ В. рѣшилъ преобразовать ее, открывъ ей широкій доступъ къ эллинской культурѣ. Для достиженія своей цѣли онъ насильственно выселилъ городское населеніе завоеванныхъ странъ, главнымъ образомъ—грековъ или эллинизированныхъ сирійцевъ и каппадокійцевъ, которымъ предоставилъ жить въ городахъ Арменіи. Кромѣ того, онъ въ центрѣ государства въ долинѣ одного изъ притоковъ Тигра (Батмансу) у южныхъ отроговъ Тавра основалъ новую столицу, Тигранакертъ, куда стекались со всѣхъ концовъ лучшіе люди времени, частью добровольно, въ большинствѣ случаевъ насильственно переселенные греки, сирійцы, каппадокійцы, арабы, евреи и пр., главнымъ образомъ изъ среды ученыхъ, художниковъ, актеровъ, мастеровъ, купцовъ и ремесленниковъ. Возникла пышная столица, укрѣпленная стѣнами, которая въ короткое время по красотѣ и по богатству превзошла всѣ города Арменіи. Но этой столицѣ не суждено было долго просуществовать. Въ то время, когда Тигранъ В., готовился торжественно отпраздновать основаніе первой столицы, римскіе легіоны совершено неожиданно напали на Тигранакертъ и, не взирая на

храбрость гарнизона и упорное его сопротивленіе, Тигранакертъ былъ ими взятъ 6 октября 68 года, только благодаря измѣнѣ жителей —выходцевъ, насильственно переведенныхъ сюда. Съ этого времени и до 51 года армянскій царь невольно былъ вовлеченъ въ войну съ Римомъ.

Дѣло въ томъ, что Митридатъ В., пораженный римлянами, спасаясь бѣгствомъ въ Арменію, разсчитывалъ найти помощь у зятя и союзника своего, Тиграна. Несмотря на то, что послѣдній не принялъ его и долгое время держалъ его вдали отъ себя, римскій полководецъ, Лукуллъ, потребовалъ у Тиграна выдачи Митридата, желая такимъ образомъ создать поводъ для войны. Царь армянскій отказалъ ему въ удовлетвореніи требованія, но не вѣрилъ въ возможность наступленія римлянъ. Между тѣмъ Лукуллъ, не имѣя еще санкціи со стороны сената о начатіи войны съ Тиграномъ, стремительно перешелъ границу, и, находя время очень благопріятнымъ, чтобы парализовать вмѣшательство армянъ въ защиту побѣжденнаго Митридата, открылъ военныя дѣйствія, не предупредивъ Тиграна. Война эта продолжалась около семи лѣтъ, съ перемѣннымъ счастьемъ. Римскій военачальникъ въ началѣ же дѣла выпустилъ на свободу и разрѣшилъ возвратиться на родину тѣмъ, которыхъ Тигранъ В., преимущественно изъ грековъ, насильственно водворилъ въ Арменіи. Точно такъ же отпали

отъ армянскаго царя нѣкоторыя вассальныя области. И парѳянскій царь воспользовался моментомъ для вмѣшательства въ угоду римлянамъ. При всемъ томъ, Тигранъ В. съ несокрушимой волею держался въ своемъ трудномъ положеніи, отстаивая независимость и честь своей родины.

Но, неожиданно для него и на радость врагамъ, вскорѣ отложился отъ него сынъ его, Тигранъ Юный, зять парѳянскаго царя, поддерживавшаго царевича-измѣнника противъ отца. Хотя престарѣлый царь царей два раза разбилъ войска своего сына, но наконецъ, очевидно, утомленный отъ долгой боевой жизни и не выдержавъ послѣдняго позора семейной неурядицы, рѣшился лично обратиться къ римскому полководцу, Помпею, который тѣмъ временемъ замѣнилъ Лукулла, съ просьбою о мирѣ. Обращеніе это произошло во внушительной обстановкѣ. Царь армянскій въ знакъ покорности снялъ царскіе знаки, держа въ рукѣ тіару, и подошелъ къ римскому военачальнику, дѣлая низкій поклонъ. Умный Помпей быстро сообразилъ, до чего политика армянскаго царя измѣнилась въ благопріятную сторону. Онъ принялъ его почтительно и возложилъ ему на голову тіару. Миръ былъ заключенъ, и армянскій царь, сохраняя полное владѣніе своими коронными землями, былъ признанъ другомъ и союзникомъ Рима.

Но въ 56 году скончался Тигранъ В. въ возрастѣ 85 лѣтъ, оставивъ свой престолъ младшему сыну, Артавазду, который съ 63 года управлялъ уже страною совмѣстно съ своимъ отцомъ.

* * *

Несмотря на печальный исходъ царствованія Тиграна В., Арменія осталась сильной державой на Востокѣ. Сила ея выражалась въ союзѣ съ Римомъ. Въ виду чрезвычайныхъ обстоятельствъ Тигранъ В. согласился на такой союзъ, навязанный ему Помпеемъ въ критическую минуту. Но, очевидно, въ армянскомъ народѣ союзъ этотъ не пользовался популярностью. Помимо того немаловажнаго обстоятельства, что восточные армяне, такъ называемые иранцы-хаи, всегда чувствовали влеченіе къ родственнымъ парѳянамъ, къ тому же большею частью связаннымъ съ ними и семейными узами, не могло не имѣть значенія и то, что царевичъ Тигранъ Юный, женатый на парѳянской царевнѣ и открыто поддерживаемый парѳянскимъ дворомъ, широко пользовался расположеніемъ родовитой знати, всегда придерживавшейся антиримскаго направленія, въ особенности, — во

время войнъ Митридата В. съ Римомъ и въ виду неожиданнаго нападенія Лукулла на Арменію. Быть можетъ, путемъ отдѣленія Софены отъ остальной Арменіи и возстановленія тамъ царства въ лицѣ Тиграна Юнаго Помпей разсчитывалъ парализовать анти-римское движеніе среди армянской знати. Но ожиданія его не оправдались. Тигранъ Юный и на софенскомъ престолѣ не угомонился. Помпей лишилъ его престола, и самонадѣянному царевичу съ семьею выпало на долю быть подъ конецъ украшеніемъ тріумфальнаго вступленія Помпея въ Римъ. Подобный исходъ авантюры Тиграна Юнаго не могъ не вызвать враждебнаго настроенія въ отношеніи къ Риму. Отголоскомъ такого настроенія является вызовъ на войну, брошенный пареянскимъ царемъ Артавазду II (55—33) за союзъ съ Римомъ. Военныя дѣйствія начались весною 53 года. Царь Ородъ, направляя въ Арменію часть своихъ войскъ, чтобъ предотвратить соединеніе армянъ съ римскими легіонами, конницу свою выдвинулъ противъ римлянъ, которые послали вспомогательный отрядъ подъ предводительствомъ Красса. На предварительномъ совѣщаніи относительно маршрута армянскій царь, хорошо знакомый съ мѣстностью, по извѣстнымъ стратегическимъ соображеніямъ требовалъ, чтобы римскій отрядъ пошелъ черезъ Арменію и Атропатену. Но Крассъ, внявъ совѣту пареянскаго шпіона, выдававшаго себя за друга римлянъ, Абгара II, царя

Осроэны, выбралъ путь черезъ песчаныя степи Сиріи и, неожиданно настигнутый сильно вооруженной конницею пареянъ, погибъ съ своимъ отрядомъ. Отрядъ же пѣхоты, отправленный противъ армянъ, производилъ опустошенія, но серьезнаго столкновенія не имѣлъ, такъ какъ послѣ позорнаго пораженія Красса Ороду легко удалось склонить Артавазда II къ союзу съ пареянами. Какъ обыкновенно водится на Востокѣ, и на этотъ разъ залогомъ прочности мира явился брачный союзъ сестры Артавазда съ пареянскимъ царевичемъ, Пакоромъ, сыномъ Орода.

Послѣ этого пареяне получили возможность преслѣдовать римлянъ въ Сиріи и, не встрѣчая сопротивленія, дошли до Палестины. Однако въ 38 году В. Бассъ во главѣ римскихъ легіоновъ выступилъ противъ нихъ и недалеко отъ Антіохіи разбилъ ихъ войско. Здѣсь былъ убитъ соправитель Орода, царевичъ Пакоръ. При видѣ такого сильнаго пораженія своей арміи Ородъ вынужденъ былъ отказаться отъ престола въ пользу другого сына, Фраата IV. Лѣтомъ 37 года Маркъ Антоній отправилъ римскіе легіоны противъ пареянъ черезъ Арменію. Артаваздъ II почему-то не воспрепятствовалъ этому. Но римляне были разбиты пареянами въ Атропатенѣ. Приписывая это пораженіе, какъ и гибель Красса, коварной политикѣ Артавазда II, Антоній рѣшилъ, во чтобы то ни стало, наказать армянскаго царя, но, боясь открытаго выступленія,

онъ два раза черезъ пословъ вызывалъ его на свиданіе. А такъ какъ Артаваздъ II упорно отказывался, то римскій военачальникъ прибѣгъ къ злодѣйской мѣрѣ. Онъ выдвинулъ свои легіоны противъ Арташата и послалъ къ армянскому царю своихъ приверженцевъ изъ армянъ, которые, обманувъ Артавазда, убѣдили его явиться къ Антонію. Послѣдній вѣроломно лишилъ его свободы и потребовалъ выдачи царскихъ сокровищъ.

Это вызвало возмущеніе среди армянскаго войска. Въ знакъ единодушнаго протеста армяне немедленно провозгласили сына Артавазда, Арташіаса II, царемъ Арменіи (33—20). Послѣдній во главѣ своего войска выступилъ противъ римлянъ, но будучи побѣжденъ, спасся бѣгствомъ къ пареянамъ. Антоній же поспѣшилъ покинуть Арменію и возвратиться въ Александрію, чтобъ поднести царицѣ Клеопатрѣ въ даръ закованнаго въ серебряныя цѣпи Артавазда съ женою и дѣтьми, и тѣ сокровища, которыя онъ захватилъ изъ армянскихъ храмовъ и между которыми находилась золотая статуя богини Анаиты. Очевидно, Антоній искалъ лишь утоленія порывовъ жадности и тщеславія, а не дѣйствительной побѣды надъ врагомъ путемъ проявленія величія духа и благородной отваги, двухъ важныхъ факторовъ при борьбѣ двухъ неравныхъ между собою сторонъ. Побѣжденный путемъ измѣны и обмана, Артаваздъ II, несправедливо преслѣдуемый и опозоренный Антоніемъ, въ

своемъ несчастіи стойко сохранилъ самообладаніе и величіе духа.

По удаленіи Антонія Арташіасъ II съ помощью пареянъ напалъ на Атропатену и покорилъ ее. Имъ руководилъ, главнымъ образомъ, духъ мщенія за родителей и за разореніе страны жаднымъ Антоніемъ. Атропатенскій царь, Артаваздъ, союзникъ Рима и сторонникъ злодѣйскихъ предпріятій римскаго полководца, проигралъ сраженіе и самъ попалъ въ плѣнъ. Изъ Атропатены царь армянскій въ 30 году побѣдоносно вступилъ въ Арменію и сталъ тамъ царствовать самостоятельно. Онъ поспѣшилъ очистить страну отъ римлянъ, которыхъ онъ поголовно велѣлъ казнить, въ отмщеніе за то, что Антоніемъ былъ невинно казненъ его отецъ. Судя по монетамъ Арташіаса II, чеканеннымъ съ надписью „царь царей", можно сказать, что онъ возстановилъ положеніе, господствовавшее при дѣдѣ его, Тигранѣ В.. Его царству не угрожала опасность извнѣ, такъ какъ пареянское государство было раздираемо внутренними неурядицами, Римъ же переживалъ не менѣе смутное время. Но опять возникли внутреннія усобицы среди армянской знати. Арташіасъ II, вѣроятно, подъ давленіемъ антипареянъ заключилъ союзъ съ Римомъ въ 29 году. Это имѣло для него роковое значеніе. Недовольные князья антиримской партіи выступили противъ него и стали домогаться его низложенія. Въ борьбѣ двухъ пар-

тій Арташіасъ II былъ убитъ въ 20 году и на престолъ былъ возведенъ кандидатъ антипарѳянъ, его братъ, Тигранъ IV (20 — 6), воспитаный въ Римѣ. Такимъ образомъ, въ минуту ослабленія парѳянъ восточная политика Рима восторжествовала. Тигранъ IV былъ торжественно коронованъ въ присутствіи армянской знати и римскихъ легіоновъ рукою императорскаго принца, Тиберія, весною 20 года. На монетахъ, вычеканенныхъ въ память этого событія, красуется бюстъ Октавія Августа съ надписью „Armenia recepta". Это еще болѣе раздражало сильную антиримскую партію, не остававшуюся безразличною. Хотя при Тигранѣ IV миръ не былъ нарушенъ, но съ царствованіемъ послѣднихъ представителей изъ династій Арташіаса, Тиграна V и сестры Эрато, наступилъ конецъ самостоятельной Арменіи въ 5 году до Р. Х.

* * *

Борьба двухъ сосѣднихъ державъ за политическій перевѣсъ на Востокѣ вступаетъ въ новый фазисъ. Арменія вслѣдствіе внутреннихъ неурядицъ совершенно ослаблена. Настало время, когда вопросъ о престолонаслѣдіи всецѣло зависѣлъ отъ римскаго императора или парѳянскаго царя. Это было въ періодъ времени отъ 5 года до Р. Х. и до 54 года по Р. Х., когда царей назначали на армянскій престолъ то изъ мидянъ, то изъ парѳянъ, то изъ понтійцевъ, то изъ иберійцевъ, но очень рѣдко изъ среды природныхъ армянъ. Очевидно, подобное положеніе еще болѣе разжигало партійныя страсти. Наконецъ парѳянскій царь, Вологезъ I (51—77), вѣроятно, при сильной поддержкѣ антиримской партіи короновалъ брата своего, Тиридата, царемъ Арменіи. Послѣдній вступилъ въ сопровожденіи парѳянскаго отряда въ Арменію въ 52 году и занялъ столицу Арташатъ. Анти-

пареянская партія, недовольная этимъ, въ 56 году отправила посольство въ Римъ просить помощи для изгнанія пареянъ. Но въ Римѣ иначе смотрѣли на дѣло. Личностью царя тамъ не интересовались, а рѣшили возстановить права верховенства Рима въ Арменіи. Корбулонъ во главѣ легіоновъ явился въ Арменію. Здѣсь въ 58 году начались военныя дѣйствія при неблагопріятныхъ для Тиридата условіяхъ. Корбулонъ съ одной стороны далъ послѣднему понять, что онъ можетъ разсчитывать на милость императора, если желаетъ остаться царемъ Арменіи, а съ другой стороны выдвинулъ свои войска и, овладѣвъ Арташатомъ и другими городами, сталъ выселять изъ страны главарей антиримской партіи, которыхъ онъ считалъ виновниками войны. Эта мѣра сильно подѣйствовала. Рѣшили начать переговоры. Съ этою цѣлью Тиридатъ лично явился въ лагерь Корбулона, снялъ съ головы тіару и положилъ передъ статуею императора, давъ обѣщаніе принять ее обратно изъ рукъ Нерона.

Такимъ образомъ, состоялось соглашеніе утвердить Тиридата царемъ Арменіи съ наслѣдственными правами на престолъ въ качествѣ вассала Рима. Былъ разработанъ планъ путешествія. Согласно маршруту Тиридатъ выступилъ изъ Арменіи въ 66 году въ сопровожденіи царской семьи, многочисленной свиты и 3000 всадниковъ. Поѣздка продолжалась 9 мѣсяцевъ. Съ императоромъ

Нерономъ Тиридатъ впервые имѣлъ свиданіе въ Неаполѣ, но торжество признанія его царемъ Арменіи имѣло мѣсто въ Римѣ въ очень роскошной обстановкѣ. Въ предѣлахъ римской имперіи всѣ расходы по путешествію армянскаго царя въ Римъ и обратно были возмѣщены за счетъ римской казны, изъ которой было ассигновано для этой цѣли по 800 сестерцій въ день. Это въ общемъ составило сумму около 40 милліоновъ рублей.

* * *

Тиридатъ I или Тиритъ, родоначальникъ аршакидовъ въ Арменіи, принялъ имя Арташіаса, перваго царя изъ древней національной династіи, а сыновей своихъ назвалъ именами первыхъ царей, Артавазда и Тиграна. Онъ немедленно приступилъ къ реставраціи разоренной римлянами столицы Арменіи, Арташата, при помощи художниковъ и мастеровъ, спеціально приглашенныхъ изъ Рима. Очевидно, съ перваго же времени новый царь стремился добрымъ расположеніемъ къ національнымъ традиціямъ армянъ заслужить довѣріе народа и укрѣпить за своимъ потомствомъ права на престолъ. Мраморная статуя во весь ростъ перваго армянскаго царя - аршакида, Тиридата-Арташіаса, красуется въ Луврскомъ музеѣ въ Парижѣ. Это статный, величественный, красивый мужчина въ типичномъ восточномъ одѣяніи и съ шлемомъ на головѣ. Судя по дошедшимъ до насъ остаткамъ на-

роднаго эпоса, его наружности соотвѣтствовали и внутреннія черты умнаго, доблестнаго и миролюбиваго правителя—любимца народа. По преданію, онъ царствовалъ 41 годъ, что въ самомъ дѣлѣ соотвѣтствуетъ тому времени, когда Арменія, по воцареніи Тиридата, пользовалась миромъ и внутреннимъ спокойствіемъ (64—114). Какъ передаютъ народныя сказанія „во время Арташеса не было невоздѣланной земли въ Арменіи—ни на горахъ, ни на поляхъ".

Однако мирное теченіе жизни снова нарушилось вслѣдствіе новыхъ столкновеній, возникшихъ между Римомъ и парѳянами, опять—по вопросу о престолонаслѣдіи въ Арменіи. Дѣло кончилось тѣмъ, что императоръ Траянъ во главѣ сильной арміи сперва разгромилъ Арменію и обратилъ ее въ римскую провинцію въ 115 году, затѣмъ завоевалъ и Месопотамію и завладѣлъ Ктезифономъ. Несмотря на это, въ разныхъ мѣстахъ возникли возстанія. Преемникъ Траяна, императоръ Адріанъ (117—138) въ виду новыхъ осложненій поспѣшилъ возстановить прежнія отношенія. Между прочимъ было возстановлено армянское царство въ лицѣ бывшаго парѳянскаго царя, Парѳамаспата, назначеннаго на престолъ на вассальныхъ къ Риму началахъ (118). Мирное положеніе продолжалось до 152 года. Въ это время парѳянскій царь безъ вѣдома Рима устранилъ армянскаго царя Соэма-Тиграна, и назначилъ

другого аршакида. Это и дало поводъ къ новымъ столкновеніямъ. Соправитель императора Марка Аврелія (151—180), Луцій Веръ, направилъ римскіе легіоны противъ пареянъ. Римляне въ 163 году взяли и разорили городъ Арташатъ и возстановили на престолѣ Соэма. И на этотъ разъ римскія войска побѣдоносно дошли до Ктезифона и заставили пареянъ заключить міръ въ 165 году. Разоренный римлянами Арташатъ, какъ центръ сильной антиримской партіи, былъ совершенно оставленъ въ сторонѣ. Сѣвернѣе его, тамъ, гдѣ стояла древняя столица, Артимедъ, выросъ новый городъ, Кайнополисъ, по-армянски Нор-Кагакъ, впослѣдствіи названный Вагаршапатъ (нынѣ Эчміадзинъ). Съ этого времени Кайнополисъ сдѣлался центромъ антипареянскаго теченія подъ усиленнымъ надзоромъ римскихъ властей.

Война эта повлекла за собою печальныя послѣдствія. Моровая язва стала свирѣпствовать на Востокѣ. Римъ и вся имперія задрожали отъ ужасовъ эпидеміи, занесенной участниками войны. Одновременно начался голодъ, который еще болѣе усилилъ ужасы эпидеміи. Общее положеніе ухудшилось и возбужденіемъ гоненія на христіанъ.

Въ исходѣ II вѣка одинъ за другимъ царствовали въ Арменіи Санатрукъ и Вагаршъ при болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Особенно популярнымъ былъ Санатрукъ (176—191), если считать его тождественнымъ съ царемъ

того же имени, который возстановилъ разрушенный отъ землетрясенія городъ Низибисъ. Краткую его характеристику даетъ греческій писатель Свидасъ. Будучи роста небольшого, говоритъ онъ, армянскій царь Санатрукъ имѣлъ однако влеченіе ко всему великому, онъ былъ первымъ въ дѣлахъ военныхъ, строгимъ блюстителемъ правосудія и такимъ воздержнымъ, какъ лучшіе изъ грековъ и римлянъ. Армянскія сказанія знаютъ одного только Санатрука. Въ городѣ Ани-Камахѣ еще въ IV в. стоялъ грандіозный памятникъ очень большихъ размѣровъ, который былъ извѣстенъ какъ надгробный мавзолей Санатрука (Фавстъ; IV, 24), извѣстнаго своими гоненіями на христіанъ, между которыми находилась и первая мученица Арменіи, дочь его Сандухтъ. Преемникъ Санатрука, Вагаршъ (191 — 217), укрѣпилъ Кайнополисъ стѣнами, потому и городъ сталъ называться Вагаршапатъ. Ему же приписывается основаніе еще двухъ городовъ: Вагаршавана, нынѣ Хасанъ-Калэ, въ долинѣ Аракса, и Вагаршакерта, нынѣ Алашкертъ или Топрахъ-Калэ въ долинѣ Арацани. Онъ же выступилъ противъ алановъ-басловъ, напавшихъ съ сѣвера на Арменію въ 196 году. Вагаршъ ихъ преслѣдовалъ далеко за Каспійскія ворота. Вскорѣ затѣмъ императоръ Каракалла, занятый войнами въ Месопотаміи и рѣшившій обратить всѣ вассальныя области въ римскую провинцію, подъ предлогомъ примиренія Вагарша съ

его сыновьями, вызвалъ ихъ къ себѣ, и, вѣроломно лишивъ ихъ свободы, отправилъ въ Римъ, гдѣ Вагаршъ скончался въ заточеніи (211—217). Одинъ изъ его сыновей, Тиридатъ, убѣжалъ изъ плѣна и явился въ Арменію. Здѣсь онъ былъ провозглашенъ царемъ (218—222). Раздраженные вѣроломнымъ поступкомъ императора, армяне выступили противъ римскихъ легіоновъ и, разбивъ ихъ, возстановили свою независимость. Тиридатъ II былъ послѣднимъ царемъ изъ потомства Тиридата I, Арташіаса. Послѣ него армянскій престолъ занялъ въ 222 году братъ пареянскаго царя, Артабана V, и сынъ Вологеза IV, Аршакъ, который принялъ имя Хосрова (222—241). Съ него начинается рядъ царей армянскихъ аршакидовъ, господствовавшихъ до 432 года при новыхъ политическихъ условіяхъ, какъ увидимъ далѣе.

* * *

Въ 226 году по Р. Х. Арташиръ Бабеканъ убилъ парѳянскаго царя, Артабана V, и основалъ ново-персидское царство династіи Сасанидовъ съ тенденціею снова отвоевать то міровое положеніе, какое занимали ахемениды, основатели древне-персидскаго царства. Братъ Артабана, Аршак-Хосровъ, царь армянскій, по естественному праву родства выступилъ съ вооруженными силами противъ Арташира. Онъ стремился возстановить аршакидское царство парѳянъ. Завязалась сильная борьба, длившаяся десятки лѣтъ. Несмотря на успѣхъ оружія армянскаго царя, сасаниды въ концѣ концовъ утвердились на престолѣ. Имъ удалось даже путемъ измѣны и подкупа убить армянскаго царя и завладѣть Арменіею въ 279 году. Наслѣдникъ Аршака, Тиридатъ, принужденъ былъ искать убѣжища у римлянъ,

между тѣмъ какъ его приверженцы упорно продолжали борьбу въ ожиданіи помощи со стороны Рима. Императоръ Діоклетіанъ (284—305) наконецъ отправилъ сильное войско противъ персовъ и въ 297 году заставилъ ихъ очистить Арменію и заключилъ почетный миръ. Въ томъ же году былъ утвержденъ на престолѣ Арменіи, въ качествѣ вассала Рима, Тиридатъ III, прозванный Великимъ (297—327). Съ его воцареніемъ начинается эпоха возрожденія Арменіи и переустройства государства на новыхъ началахъ.

Новый царь, доблестный воинъ, умный и дальновидный, воспитанный въ Римѣ и въ душѣ ненавидѣвшій персовъ, виновниковъ гибели своего отца, пылалъ желаніемъ окончательно изолировать Арменію отъ вреднаго вліянія персовъ, домогавшихся путемъ распространенія тамъ ученія Зороастра разжигать страсти антиримской партіи. Для достиженія своей цѣли онъ первоначально примѣнялъ строгія мѣры, чтобы поднять религіозный духъ армянъ усиленіемъ культа древнихъ боговъ. Но языческая религія армянъ была, какъ и многія стороны ихъ внутренняго быта, сильно иранизирована. Народъ и родовитая знать почти неразрывно были связаны узами религіозныхъ традицій съ народами древняго Ирана. Армянскія божества, однако, многимъ отличались отъ иранскихъ, болѣе соотвѣтствуя западно-арійскимъ типамъ. Во главѣ боговъ у армянъ стоялъ Арамаздъ,

„отецъ боговъ“ и творецъ неба и земли. Отъ него происходятъ „великая матерь“ Анаита, богиня мудрости, Астхикъ (Звѣздочка), богиня красоты, богъ солнца Михръ, армянскій Геркулесъ—Вахагнъ, олицетвореніе наукъ и искусствъ, снотолкователь и писецъ Арамазда, Тиръ и др.. Почитанію ихъ были посвящены капища въ Арташатѣ, въ Багаванѣ, въ Ани-Камахѣ, въ Эрезнаванѣ, въ Багаяриджѣ, въ Аштишатѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ. Богамъ были посвящены идолы изъ драгоцѣннаго меттала, возводились жертвенники съ дорогими сосудами и другими жертвенными предметами, въ жертву приносились животныя бѣлаго цвѣта, именно, быки, козы, лошади и мулы, въ даръ храмамъ подносились золотые и серебряные вѣнки, украшенія, дорогія ткани и одѣянія. Храмы и жертвенники находились подъ наблюденіемъ жрецовъ изъ древняго рода Вахуникъ, главный центръ которыхъ былъ въ Аштишатѣ (недалеко отъ Муша). Центромъ жреческой учености былъ храмъ Арамазда въ Ани-Камахѣ (недалеко отъ Эрзинджана). Здѣсь упоминается жрецъ Угюпъ, который содержалъ храмовыя книги съ записями.

Несмотря на такую опредѣленность и типичность религіозныхъ представленій армянъ, иранская культура оказывала свое воздѣйствіе, выраженное въ почитаніи большого множества добрыхъ и злыхъ духовъ. При столкновеніи же армянъ съ другими народами

Востока и Запада религіозныя понятія ихъ стали ослабѣвать, въ особенности послѣ того, какъ на Востокѣ на ряду съ другими ученіями стало распространяться и ученіе христіанскихъ апостоловъ. По преданію, въ Арменіи ученіе это нашло много послѣдователей въ южныхъ областяхъ еще въ первомъ вѣкѣ. Но, очевидно, въ царствованіе Санатрука (165—190) уже проникли туда лучи христіанскаго ученія. Оно получило постепенное распространеніе, когда въ Римѣ и во всей имперіи повторялись гоненія на христіанъ, и послѣдніе искали себѣ спасенія въ отдаленныхъ отъ Рима странахъ. Первые годы царствованія Тиридата совпадаютъ именно съ этой эпохою, когда сталъ вѣять новый духъ времени, и духовныя нужды народа заставляли царя все чаще и чаще обращать свои взоры въ другую сторону.

Дѣло въ томъ, что, когда Тиридатъ В. утвердился на престолѣ и, обезпечивъ границы своего государства, сталъ заниматься внутреннимъ устройствомъ страны, онъ неожиданно столкнулся лицомъ къ лицу съ новымъ ученіемъ, получившимъ уже негласное распространеніе въ разныхъ слояхъ армянскаго населенія. Мы имѣемъ въ виду христіанство. Главнымъ проповѣдникомъ этого ученія въ Арменіи оказался Св. Григорій, представитель знатнаго пареянскаго рода, служившій при царскомъ дворѣ, по преданію, сынъ Анака-измѣнника, убившаго отца Тири-

дата. Приказавъ заключить Св. Григорія въ арташатскую темницу, гдѣ онъ 15 лѣтъ долженъ былъ томиться въ заточеніи, Тиридатъ разсчитывалъ путемъ открытаго гоненія на христіанъ пріостановить распространеніе новаго ученія. Изданные имъ одинъ за другимъ указы напрасно возвѣщали волю царя усилить торжественные обряды почитанія боговъ и преслѣдованіе христіанъ. Убѣжденная борьба послѣднихъ и самоотверженное стремленіе ихъ жертвовать жизнью ради торжества истины окончательно обезсилили Тиридата и его сотрудниковъ. Въ царской семьѣ царевна Хосровидухтъ, сестра Тиридата, и нѣсколько знатныхъ представителей оказались въ средѣ тайныхъ сообщниковъ Св. Григорія. Въ 301 году послѣ мученической смерти группы святыхъ дѣвъ, невинныхъ жертвъ царскаго гнѣва, называемыхъ Рипсимянкъ, какъ гласитъ преданіе, царь Тиридатъ впалъ въ какое-то странное недомоганіе. Отъ неизлѣчимой болѣзни исцѣлилъ его Св. Григорій, стараніями и распоряженіемъ Хосровидухтъ освобожденный изъ темницы. Къ этому времени и пріурочивается преданіемъ обращеніе армянъ въ христіанство.

Вскорѣ сдѣлалось очевиднымъ, что новымъ ученіемъ охвачены почти всѣ области римской имперіи. Необычайно жестокія гоненія Діоклетіана въ 303 году оказались безсильными. Преемникъ его, Константинъ В. послѣ торжества надъ врагами наконецъ издалъ въ

313 году миланскій эдиктъ, которымъ христіанское ученіе признавалось терпимымъ. Такимъ образомъ и на Востокѣ и на Западѣ христіанство восторжествовало.

Тиридатъ поручилъ Св. Григорію организовать христіанскую церковь, которая отнынѣ должна была служить главнымъ факторомъ духовнаго преуспѣянія армянъ. Св. Григорій при энергичной поддержкѣ царя и князей вскорѣ могъ покрыть страну сѣтью церквей, монастырей и школъ для воспитанія юношества. За неимѣніемъ тогда національныхъ письменъ было введено преподаваніе греческаго и сирійскаго языковъ подъ руководствомъ ученыхъ христіанъ, сирійцевъ и грековъ, дабы возможно было читать Священное Писаніе и совершать христіанское богослуженіе.

Обративъ Арменію въ христіанство, Тиридатъ тѣсно связалъ ее съ христіанскимъ Западомъ. Чтобы обезпечить это новое положеніе, онъ заключилъ союзъ съ Константиномъ В. (323 — 37). Это, очевидно, раздражало персовъ, которые черезъ своихъ агентовъ возбуждали противъ грознаго царя нѣкоторыхъ князей. Тиридату пришлось противъ послѣднихъ принять крутыя мѣры. Такъ, по его приказанію былъ истребленъ родъ князей Слкуни, такъ какъ ихъ глава, Слукъ, „сопротивляясь государю, возмущалъ всю страну“. Тогда образовалось организованное сопротивленіе, жертвою котораго палъ, наконецъ,

самъ царь Тиридатъ, отравленный тѣми нахарарами, которые „противились волѣ царя въ дѣлѣ христіанской вѣры, слѣдуя волѣ женъ и наложницъ“.

* * *

По смерти Тиридата В. среди нахараровъ, очевидно, преданныхъ Персіи, возникли смуты и возмущенія. Но вскорѣ при помощи римскаго императора воцарился сынъ Тиридата В., Хосровъ-Котакъ (330—344). Онъ немедленно водворилъ спокойствіе и сталъ заниматься внутренними дѣлами. Онъ выбралъ столицею городъ Двинъ, недалеко отъ Эривани, и на рѣкѣ Азатѣ построилъ новую резиденцію, Хосровакертъ, вокругъ котораго посадилъ рощи. Между тѣмъ въ 338 году истекъ срокъ мирнаго договора, заключеннаго съ персами въ 297 году. Шапухъ II (309—372), царь персидскій, пользуясь этимъ, своими набѣгами сталъ тревожить Арменію съ цѣлью ослабить ее и лишить самостоятельности. Армяне отчаянно сопротивлялись, ведя неравную борьбу съ лютымъ врагомъ иногда при помощи римлянъ, большею же частью—предоставленные самимъ себѣ. Въ такой борьбѣ

въ 353 году палъ жертвою вѣроломства царь Тиранъ, сынъ Хосрова, а въ 367 году царь Аршакъ II, сынъ Тирана. Защищали страну и престолъ аршакидовъ, главнымъ образомъ, лучшіе представители рода Мамиконянъ. Этимъ послѣднимъ принадлежало право воспитывать царевичей. Они же пользовались наслѣдственнымъ правомъ главнаго командованія армянскою конницею. Проникнутые сознаніемъ долга и преданностью церкви и престолу, нѣкоторые изъ нихъ самоотверженно сражались, не жалѣя жизни. Персидская же враждующая политика выдвинула отступниковъ, преданныхъ интересамъ врага. Къ числу такихъ отступниковъ принадлежитъ Меружанъ изъ рода Арцруни, который вмѣстѣ съ Ваганомъ Мамиконяномъ принялъ ученіе маговъ и служилъ убійственнымъ орудіемъ въ рукахъ Шапуха. Во главѣ персидскаго войска они совершали набѣги, разрушали церкви, предавали огню священныя книги, убивали священниковъ и распространяли въ Арменіи ученіе Зороастра и персидскій языкъ. Императоръ Валентъ, наконецъ, отправилъ въ Арменію войско, съ которымъ соединилась и армянская конница съ Мушегомъ Мамиконяномъ во главѣ. Персидское войско подъ предводительствомъ Меружана было разбито и вытѣснено изъ страны. И въ 370 году сынъ Аршака II, Папъ, былъ утвержденъ на престолѣ аршакидовъ. Но послѣдній обнаружилъ наклонность дружить съ персами, чѣмъ и

возбудилъ гнѣвъ Валента. Папъ былъ убитъ во время царской трапезы на глазахъ у армянскихъ нахараровъ и римскаго легіона въ 374 году, очевидно, по сигналу, данному изъ Византіи. Затѣмъ, въ 378 году состоялось соглашеніе между Шапухомъ и Валентомъ раздѣлить Арменію между собою. Соглашеніе это было приведено въ исполненіе въ 387 году императоромъ Ѳеодосіемъ В.. Аршакъ III, сынъ Папа, не желая остаться въ персидской части, перешелъ къ римлянамъ. Послѣ его смерти престолъ въ римской части былъ окончательно упраздненъ. Въ персидской же части царствовали Хосровъ III (389—393) и Врамшапухъ (394—415). Въ царствованіе послѣдняго былъ изобрѣтенъ армянскій алфавитъ въ 406 году, и сдѣланъ переводъ Библіи. Къ тому же времени относится золотой вѣкъ армянской литературы. Католикосъ св. Саакъ (389—439) и его вѣрный сотрудникъ, св. Месропъ († 440), покрыли Арменію сѣтью школъ, въ которыхъ армянская молодежь стала воспитываться на родномъ языкѣ. Лучшіе изъ учениковъ отправлялись для усовершенствованія въ наукахъ въ Александрію, Аѳины, Византію, Эдессу и пр. Возвращаясь на родину, они обогащали армянскую литературу переводными и оригинальными произведеніями.

Тѣмъ временемъ армянскіе нахарары антиримскаго направленія, очевидно, подозрѣвая, что путемъ такого культурнаго сближенія съ

Западомъ можетъ быть опять возстановлено римское (византійское) господство въ Восточной Арменіи, обратились къ персидскому царю съ просьбою лишить престола Арташеса II, сына Врамшапуха, и управлять страною черезъ марзпановъ-намѣстниковъ. Такимъ образомъ, въ 432 году былъ упраздненъ царскій престолъ и въ Восточной Арменіи.

При господствѣ аршакидовъ въ Арменіи съ 64 до 432 года страна находилась въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Риму, но пользовалась свободою въ управленіи внутренними дѣлами. Настало время, когда она лишилась и этой свободы.

Съ утратою политической самостоятельности, Арменія, благодаря дѣятельности церкви, сохранила свою духовную независимость. Персидскіе цари помышляли отнять у нихъ и эту свободу. Царь царей, Язкертъ II (438 — 456), обезпеченный договоромъ отъ возможнаго вмѣшательства Византіи, организовалъ сильное гоненіе съ цѣлью обратить Арменію къ ученію Зороастра. Объединенные подъ руководствомъ церкви армянскіе нахарары въ 451 году выступили противъ полчищъ персидскаго царя и оказали энёргичное сопротивленіе. Глава и предводитель армянскихъ войскъ,Варданъ Мамиконянъ, со своими доблестными сподвижниками, палъ на полѣ Аварайра, недалеко отъ Маку. Они имѣли противъ себя не только враговъ-персовъ, но и своихъ сородичей-отступниковъ.

во главѣ которыхъ стоялъ намѣстникъ Язкерта, Васакъ Сюни, владѣтельный князь армянской области Сисаканъ. Отпоръ, данный армянами на аварайрскомъ полѣ, былъ рѣшительный. Между тѣмъ какъ армяне потеряли тамъ 1036 воиновъ, потери персовъ были въ семь разъ больше. Язкерту пришлось торжественно отказаться отъ плана насильственнаго совращенія. Онъ взвалилъ вину на своихъ совѣтниковъ. Васакъ Сюни въ 453 году былъ лишенъ должности, почестей и всего имущества, и присужденъ къ пожизненному заточенію въ темницѣ.

Въ 481 году опять вспыхнуло въ Арменіи возстаніе въ защиту свободы совѣсти. Главою возстанія на этотъ разъ былъ племянникъ св. Вардана, Ваганъ Мамиконянъ, который съ горстью своей дружины нѣсколько разъ преслѣдовалъ и вытѣснялъ изъ страны персовъ. Въ 487 году царь Вахаршъ принялъ условія Вагана, обезпечивавшія свободу армянской церкви и неприкосновенность христіанъ, и осуждавшія совращеніе. Послѣ этого Ваганъ былъ назначенъ намѣстникомъ Арменіи, и установились нормальныя отношенія армянъ къ персидской власти.

* * *

Въ VI вѣкѣ наступили тревожныя времена. Гунны, не встрѣчая сопротивленія со стороны персидской пограничной стражи, начиная съ 515 года, два раза прошли черезъ Каспійскія ворота и своими дикими набѣгами наводняли почти всю Арменію. Въ то же время частыя войны, повторявшіяся, начиная съ 502 года, въ теченіе десятковъ лѣтъ между персами и византійцами, сильно разстроили внутреннее благосостояніе страны. Между тѣмъ правители страны, назначенные изъ среды персовъ, своимъ пренебрежительнымъ отношеніемъ къ вѣрѣ и къ семейнымъ традиціямъ армянъ сильно раздражали нахараровъ. Хотя царь персидскій, Хосрой I Нуширванъ (531—579), по договору, заключенному съ византійцами въ 562 году, обезпечилъ христіанамъ свободу религіи и церковныхъ обрядовъ, но правитель Арменіи, Суренъ, не считаясь съ этимъ, побуждалъ армянъ путемъ

насилія къ принятію ученія маговъ и самъ лично часто не стѣснялся даже посягать на честь нахарарскихъ женъ. Раздраженіе было такъ велико, что дѣло дошло, наконецъ, до открытаго возстанія. Глава недовольныхъ, Варданъ Мамиконянъ, въ 572 году убилъ Сурена и, поднявъ знамя возстанія въ своей родовой области Таронъ (Мушъ), обратился къ византійскому императору съ просьбою о принятіи армянъ подъ покровительство Византіи. Для подавленія возстанія Хосрой I отправилъ въ Таронъ нѣсколько отрядовъ, которые были разбиты дружинами Мамиконяновъ. Такъ продолжалось нѣсколько лѣтъ. Наконецъ, въ 591 году персидскій царь, Хосрой II Парвизъ (591—628), возстановленный на престолѣ помощью византійскаго императора Маврикія (582—602), по договору уступилъ большую часть Арменіи вмѣстѣ съ Тарономъ своему покровителю. Но Маврикій, подозрѣвая, что армяне, чувствуя влеченіе къ Персіи, нарушатъ спокойствіе государства, прибѣгъ къ оригинальной мѣрѣ. Онъ приступилъ къ выселенію нахараровъ съ ихъ дружинами изъ Арменіи во Ѳракію, гдѣ и назначилъ имъ мѣста постояннаго жительства. Это первый случай насильственнаго выселенія изъ Арменіи коренныхъ жителей. Маврикій поспѣшилъ при этомъ посовѣтывать и персидскому царю выселять армянъ въ Гирканію, къ востоку отъ Каспійскаго моря. „Это народъ строптивый и непокорный, пишетъ

онъ*), живутъ между нами и мутятъ. Дай, я соберу своихъ и отправлю во Ѳракію, ты собери тоже своихъ и прикажи повести ихъ на востокъ. Ибо, если они умрутъ, то умрутъ непріятели, и если они кого-нибудь убьютъ, то убьютъ непріятелей, а мы будемъ жить въ мирѣ. Пока они будутъ жить въ странѣ своей, до тѣхъ поръ намъ нельзя отдыхать". Но большинство нахараровъ со своими дружинами не пожелали подчиниться распоряженію Маврикія и разбѣжались. Многіе изъ нихъ рѣшили перейти въ предѣлы Хосроя, который ихъ принялъ съ открытыми объятіями, и планъ Маврикія потерпѣлъ крушеніе въ самомъ же началѣ. Нѣсколько лѣтъ спустя, императоръ Ираклъ (610-540), покоривъ Арменію въ 629 году, пристроилъ нахараровъ на своихъ родовыхъ земляхъ, желая окончательно упрочить за Византіею владычество въ Арменіи.

Между тѣмъ съ юга надвигалась туча арабскаго нашествія. Въ 661 году Арменія окончательно подпала подъ власть арабскаго халифата. Армянскіе нахарары, съ Ѳеодоромъ Рштуни во главѣ, недовольные византійскимъ правленіемъ, охотно подчинились владычеству мусульманъ, предварительно обезпечивъ себѣ свободу армянской церкви и внутренняго самоуправленія. Халифатъ для упроченія своего господства въ Арменіи даже создалъ отдѣльныя царства на вассальныхъ началахъ,

---

*) Себеосъ. Исторія Иракла, VI.

утвердивъ на престолѣ армянскихъ владѣтельныхъ князей изъ болѣе вліятельныхъ родовъ. Такъ въ 885 году былъ назначенъ первымъ царемъ Ашотъ изъ древняго рода Багратуни. Князьямъ этого рода въ древности было присвоено право возлагать корону на голову армянскаго царя при торжествѣ коронаціи. Они назывались тагадир-аспетъ. Багратиды господствовали до 1045 года, пользуясь совершенной независимостью съ 913 года. Они очень много способствовали мирному преуспѣянію страны. Ихъ столица, городъ Ани, въ Карсской области, въ отношеніи торговли и промышленности пользовалась значеніемъ мірового города. Они же укрѣпили и украсили этотъ городъ гигантскими стѣнами, великолѣпными церквами и дворцами, покровительствуя вмѣстѣ съ тѣмъ наукамъ и искусству, которыя процвѣтали въ X и XI в. в. въ стѣнахъ армянскихъ монастырей, возведенныхъ на средства князей. Другія вѣтви Багратидовъ царствовали въ Грузіи, Албаніи и въ Карсѣ, въ центрѣ второго армянскаго царства.

Въ X вѣкѣ въ бассейнѣ Ванскаго озера было образовано другое армянское царство, такъ называемое Васпураканское. Основателемъ его былъ Гагикъ (908), князь изъ древняго рода Арцруни. Сосредоточивалось оно вокругъ Ванскаго озера, гдѣ процвѣтали города Ванъ (или Шамирамакертъ), Востанъ и на одномъ изъ острововъ—Ахтамаръ. Одинъ изъ царей особенно укрѣпилъ островъ Ахта-

маръ, гдѣ онъ построилъ одинъ изъ великолѣпныхъ соборовъ, славившихся своими скульптурными орнаментами. Въ 1021 году, при нашествіи сельджуковъ, Васпураканскій царь Сенекеримъ передалъ свои земли византійскому императору и, взамѣнъ получивъ городъ Себастію съ окрестностями, переселился изъ Васпуракана со всѣмъ дворомъ и со своими крестьянами. Его примѣру послѣдовали и другіе цари. Четвертое армянское царство образовалось въ долинѣ Севанскаго озера въ X вѣкѣ. Оно основано княземъ Сисакана (Сюни), Смбатомъ, въ 964 году. Въ виду возвышеннаго, мало доступнаго положенія этой области цари Сисакана держались на престолѣ до 1169 года.

Послѣ нашествія сельджуковъ переселенческое движеніе армянъ стало усиливаться. Часть армянъ перешла Кавказскій хребетъ и распространилась по южнымъ степямъ Россіи. Они образовали тамъ разныя колоніи. Изъ нихъ одна находилась на Таврическомъ полуостровѣ подъ покровительствомъ генуэзцевъ близъ Ѳеодосіи. Эта колонія отличалась богатствомъ и распространялась вглубь полуострова. Она называлась Приморской Арменіею, Armenia maritima.

Большая часть армянъ-переселенцевъ направлялась на западъ и занимала мѣста въ Анатоліи. Эти то переселенцы и положили основаніе новому царству въ Киликіи въ 1080 году подъ властью князя Рубена, очевидно,

изъ родственниковъ царей Багратуни. Здѣсь армяне вскорѣ завоевали страну, подчинивъ себѣ коренныхъ жителей. Ихъ успѣху способствовало то обстоятельство, что они оказывали много услугъ крестоносцамъ и сблизились съ представителями западныхь державъ, разсчитывая на поддержку послѣднихъ. Леонъ II въ 1198 году получилъ корону отъ императора Генриха VI послѣ того, какъ онъ уже пользовался покровительствомъ императора Фридриха Барбаруссы. Центромъ киликійскаго армянскаго царства былъ городъ Сисъ, нынѣ резиденція киликійскаго армянскаго католикоса. Во все время своего существованія царство это много способствовало сближенію Востока съЗападомъ. Армяне являются главными посредниками въ дѣлѣ торговыхъ сношеній съ Венеціею, Генуей и др. Царство это пало жертвой набѣговъ египетскихъ мамелюковъ. Царь Леонъ VI въ 1375 году послѣ упорнаго героическаго сопротивленія долженъ былъ сдать послѣднюю крѣпость и удалиться въ Испанію искать помощи для возстановленія государства. Но въ 1391 году онъ скончался въ Парижѣ,—и вмѣстѣ съ нимъ угасъ послѣдній лучъ политической самостоятельности Арменіи.

К. Костанянцъ.

АРШАКЪ ЧОБАНЬЯНЪ

Турецкіе армяне

и

ихъ культурная дѣятельность

Турецкіе армяне и ихъ культурная дѣятельность*).

I.

Начиная съ XV вѣка, послѣ того, какъ армянскій народъ окончательно потерялъ последнюю часть своихъ владѣній въ Киликіи, у армянъ, разсѣянныхъ по обширной странѣ, которая была раздѣлена между Персіей и Турціей и часть которой впослѣдствіи должна была отойти подъ русское владычество, сталъ сильно замѣчаться моральный и интеллектуальный упадокъ. Мусульманскія власти запрещали христіанамъ служить въ арміи, почему они разучились обращаться съ оружіемъ и ощущали, какъ мало-по-малу ихъ энергія ослабѣвала. Христіанская религія, которую они исповѣдывали, и которая въ дни борьбы являлась для нихъ возбудительной силой, пріучала ихъ къ покорности и страданіямъ.

*) Archag Tchobanian, „L'Arménie, son histoire, sa littérature son rôle en Orient" (1897); chapitre III; „Chants populaires arméniens" 1903) préface; chapitre I.

И, исключая нѣсколькихъ гористыхъ округовъ, въ родѣ Сасуна и Зейтуна, гдѣ народъ все же сохранилъ свои воинственныя наклонности, армяне обратились въ рабочій и покорный народъ, въ особенности, въ Турціи, гдѣ гнетъ былъ наиболѣе тяжелымъ, а среда—наименѣе развитою. Это былъ грустный періодъ почти полнаго рабства. И тѣмъ неожиданнѣе показалось внезапное и лихорадочное пробужденіе этого народа, послѣ трехвѣкового летаргическаго сна!

Но это былъ только сонъ. Армяне были лишены политической свободы, ихъ военныя силы были уничтожены, у нихъ оставалось только одно: церковь. Она сохранила свою власть и очарованіе; воспоминанія прошлаго были связаны съ нею, славныя имена звучали въ ея области, и языкъ предковъ развивалъ свою яркую звучность въ торжественности гимновъ. Она была священнымъ звеномъ, которое соединяло армянъ, разсѣянныхъ по ихъ собственной странѣ и по цѣлому міру; народъ хранилъ ее съ любовью, готовъ былъ страдать за нее, несмотря на искушеніе обезпеченной жизни и могущества, которыя предоставляло имъ обращеніе въ магометанство. Она была также прибѣжищемъ для интеллектуальной жизни народа. Въ стѣнахъ монастырей хранились древнія рукописи, полныя воспоминаній о прошломъ и прежнихъ умственныхъ трудахъ, въ ожиданіи любознательныхъ рукъ, которыя принесли бы

на ихъ пожелтѣвшія страницы сѣмена воскресенія.

Монахъ изъ Сиваса принялся первымъ за это дѣло. Его звали Мхитаромъ, и это имя сдѣлало эпоху въ современной исторіи Арменіи. Онъ понялъ, что только одно интеллектуальное движеніе можетъ вывести націю изъ ея моральнаго упадка; и, такъ какъ было невозможно образовать такой очагъ возрожденія въ Турціи, гдѣ господствовалъ тираническій режимъ, онъ рѣшилъ устроить его въ Европѣ,—откуда онъ сіялъ бы армянамъ не только всей Арменіи, но и всего міра. Онъ уѣхалъ въ Италію, увезъ съ собою большой запасъ рукописей и основалъ мхитаристскій монастырь въ Венеціи.

Немногія учрежденія оказывали народу столь важныя услуги. Монастырь былъ типографіей, школой и академіей. Со всѣхъ сторонъ молодые армяне стекались къ этому новому центру. Началась обширная работа по изслѣдованію и изученію. Община монаховъ принялась за разборку рукописей, заново открывала имена, подтверждала даты, возстанавливала исторію и литературу. Она принялась печатать серію армянскихъ классическихъ писателей и распространять ихъ по всему народу, сопровождая ихъ критическими изслѣдованіями.

Венеціанская академія, знакомя армянскій народъ съ сокровищами его прошлаго, оказывала ему еще другую важную услугу. При

помощи переводовъ армянскихъ произведеній и благодаря научнымъ трудамъ она познакомила Европу съ Арменіей, и только ей мы обязаны появленіемъ европейскихъ арменистовъ, которые вносили свѣтъ западной науки въ изученіе языка и исторіи Арменіи. Она имѣла въ числѣ своихъ членовъ знаменитостей и принимала знатныхъ гостей: лордъ Байронъ передъ тѣмъ, какъ пожертвовать своей жизнью за Грецію, вздумалъ провести нѣсколько времени въ венеціанскомъ монастырѣ, чтобы изучить армянскій языкъ и бесѣдовать объ Арменіи съ мхитаристами.

Но самой большой заслугой венеціанской академіи передъ армянскимъ народомъ было исправленіе серьезной ошибки, которую допускали всегда древніе армянскіе писатели, ограничивая себя рамкою духовной литературы. Мхитаристы захотѣли расширить сферу армянской литературы. Находясь на итальянской почвѣ, проникнутой всецѣло искусствомъ и историческими воспоминаніями, они поняли великую моральную силу, которая существуетъ въ свѣтской поэзіи, въ свободномъ искусствѣ, въ выраженіи красоты––во всѣхъ ея формахъ. Они принялись переводить поэмы Гомера, Виргилія, Мильтона, сочиненія Геродота, Ѳукидида, Ксенофонта, Плутарха, Демосѳена, Тацита—и произведенія Байрона, Шиллера, Альфьери, Корнеля, Расина, Данте и Тассо. Эта величественная поэзія, говорящая о героизмѣ и красотѣ, вну-

шала молодому поколѣнію, читавшему ее, понятіе о человѣческой энергіи и о высшемъ очарованіи эстетическихъ понятій.

Одинъ изъ наиболѣе знаменитыхъ мхитаристовъ, отецъ Чамчіанъ, составилъ по документамъ обширную и полную исторію Арменіи. Монахъ Арсенъ Багратуни послѣ того, какъ перевелъ Гомера, Виргилія, Софокла и Мильтона, захотѣлъ подарить армянскую словесность національной эпопеей и написалъ эпическую поэму *Хайкъ*, въ которой, на ряду съ подражаніями великимъ классическимъ эпопеямъ онъ воспѣлъ въ величественной формѣ битву родоначальника Арменіи съ первымъ тираномъ. Болѣе субъективный поэтъ, отецъ Алишанъ, прославилъ въ трогательной прозѣ и звучныхъ стихахъ героическія воспоминанія и эпическія легенды армянской исторіи и напечаталъ нѣсколько обширныхъ трудовъ по исторіи и топографіи главныхъ провинцій Арменіи.

Движеніе развивалось. Одна часть мхитаристовъ уѣхала и основалась въ Вѣнѣ, гдѣ былъ учрежденъ второй монастырь, который обратился въ другой очагъ армянской науки, спеціально посвященный научной критикѣ языка и національной исторіи. Ученики, окончившіе мхитаристское училище въ Венеціи, уѣзжали въ Константинополь и тамъ проявляли обширную умственную и національную дѣятельность. Въ Европѣ это была побѣдная пора романтизма; и всѣ эти молодые люди,

носители западныхъ идей, были охвачены крайнимъ энтузіазмомъ передъ прекрасными и благородными идеями. Это была также пора, когда тронъ Стамбула былъ занятъ добрыми и безпечными султанами, такъ что цензуры не существовало, и царила почти полная свобода дѣйствій для тѣхъ, кто желалъ проповѣдывать доброе слово армянскому народу.

Армянское населеніе въ Константинополѣ, которое представляло въ умственномъ смыслѣ самую развитую часть турецкихъ армянъ, было уже подготовлено для столь широкаго эстетическаго и національнаго образованія. Во время этихъ трехъ вѣковъ мрака и рабства армянскій народъ въ Константинополѣ и даже въ провинціяхъ, хотя и раздавленный и презираемый господствующей расой, имѣлъ возможность составить себѣ положеніе въ имперіи; онъ взялъ въ свои руки торговлю, финансы, все, что было по части индустріи въ Турціи, и, въ особенности, онъ былъ главнымъ элементомъ, который вложилъ немного искусства и поэзіи въ то исключительно воинственное учрежденіе, каковымъ была оттоманская имперія. Армяне были общественными пѣвцами и музыкантами; и это именно они почти создали то, что извѣстно подъ названіемъ турецкой музыки; они были актерами, и, прежде, чѣмъ разыгрывать армянскія пьесы, они долгое время играли турецкіе фарсы; они были архитекторами и худож-

никами: главные дворцы и мечети въ Константинополѣ были построены по планамъ армянскихъ архитекторовъ и созданы армянскими рабочими. Это трудоспособное населеніе, дружески настроенное по отношенію къ искусствамъ и поэзіи, было достаточно подготовлено для того, чтобы получить сознательную и широкую культуру. Ему недоставало только чувства независимости и болѣе свободнаго понятія о жизни.

Движеніе, которое зародили молодые люди, пріѣхавшіе изъ Европы, вызвало чувство гордости въ застывшей душѣ народа. Національная литература, развиваясь, измѣнила его умъ и характеръ. И это движеніе тѣмъ скорѣе распространялось въ народѣ, что инціаторы его начинали употреблять, какъ литературный языкъ, современный армянскій, взамѣнъ древняго, который употреблялся до тѣхъ поръ.

Одинъ изъ бывшихъ учениковъ мхитаристовъ, Дзеренцъ, написалъ романы изъ древней армянской исторіи, отличавшіеся здоровымъ и смѣлымъ критическимъ духомъ, который уже раскрывалъ новыя перспективы передъ глазами націи. Бывшій мхитаристъ, архіепископъ Хоренъ Нарбей, который, въ бытность свою въ Парижѣ, былъ другомъ Гюго и Ламартина, перевелъ *Гармоническія стихотворенія*, напечаталъ нѣсколько стихотворныхъ лирическихъ сборниковъ, проникнутыхъ восторженнымъ патріотизмомъ. Бешикташлянъ, бывшій ученикъ венеціан-

ской академіи, литераторъ, отличавшійся обширной эрудиціей и вкусомъ, утонченнымъ благодаря долгому изученію иностранныхъ литературъ, оставилъ послѣ себя поэтическое творчество, полное глубины, нѣжности и чувства. Терзіанъ писалъ разнообразные стихи, дышавшіе восточнымъ вдохновеніемъ, и употреблялъ все болѣе и болѣе современную форму. Одинъ молодой поэтъ изъ Константинополя, Туріанъ, имя котораго стало популярнымъ среди армянъ, внесъ печальный оттѣнокъ въ свою, словно умирающую отъ чахотки, поэзію. На ряду съ лирической поэзіей начинала развиваться и драматическая литература; тѣ же самые поэты основали въ Константинополѣ національный театръ, гдѣ они ставили переводы драмъ Шекспира, Шиллера, Дюма, Гюго, Альфьери, Корнеля и оригинальныя пьесы, посвященныя великимъ эпохамъ армянской исторіи, и составленныя по классическимъ и романтическимъ образцамъ драмы. Народъ съ большимъ восторгомъ шелъ навстрѣчу этому драматическому движенію, которое не только приносило ему большое моральное образованіе, но и указывало ему пути къ художественной и интеллектуальной жизни. Тогда уже замѣчались нѣкоторые артисты съ большимъ талантомъ и нѣсколько, дѣйствительно, оригинальныхъ художниковъ и музыкантовъ.

Въ то же самое время группа мыслителей, получившихъ образованіе преимущественно во

Франціи, пропитанныхъ благородными идеями романтизма, уже предприняла моральное и гражданское воспитаніе армянскаго народа. Эта группа, въ которой выдѣлялись Осканьянъ, Русиньянъ, Одіанъ, Дзеренцъ и другіе, состояла изъ людей, преданныхъ чувствамъ справедливости и свободы. Нѣкоторые изъ нихъ принимали участіе въ борьбѣ революціонеровъ 1848 года въ Парижѣ; они приносили съ собой на порабощенные берега Босфора свободную душу парижской улицы. Они были распространителями идей и подстрекателями. Они уничтожили полуфеодальные нравы, царившіе еще среди армянъ, они прекратили господство „амира̀“, нотаблей и духовныхъ лицъ, и учредили армянскую конституцію, сообразно съ свободными принципами, которые они вывезли изъ Франціи. Они научили народъ сознанію своего достоинства и силы, и національное собраніе, которое было тогда учреждено, создало нѣсколько краснорѣчивыхъ ораторовъ.

Это либеральное движеніе распространялось все сильнѣе и сильнѣе; несмотря на среду, испорченную восточными началами, вліяніе Европы на армянскій умъ оказывало свое дѣйствіе съ удивительной быстротой. Литература слѣдовала шагъ за шагомъ за эстетическими и интеллектуальными фазами развитія Европы.

Въ Смирнѣ группа писателей, среди которыхъ выдѣлялся Мамуріанъ, культивировала

историческую критику, хронику, романъ; они переводили произведенія Гюго, Ламартина, Эжена Сю, Дюма-отца и сына, Вальтеръ-Скотта, Гете, Байрона. Среди этихъ произведеній наибольшее вліяніе на армянскій народъ оказала книга Виктора Гюго *Несчастные*, а *Вѣчный Жидъ* Эжена Сю сильно поколебалъ господство духовенства среди армянъ. Создалась свободная и борющаяся пресса, которая насчитывала, въ особенности, въ Константинополѣ, нѣсколько воинствующихъ публицистовъ. Всѣ виды литературы были испробованы; Одіанъ, одинъ изъ вожаковъ національнаго армянскаго движенія, написалъ страницы, которыя отличаются возвышенною мыслью и благородствомъ замѣчательнаго стиля; Пароніанъ, съ острымъ умомъ, ученикъ Лукіана, Аристофана и Мольера, создалъ очень оригинальное сатирическое творчество, нѣчто въ родѣ памфлета; Демирджибашьянъ, умъ, поклонявшійся школѣ Леопарди, Шопенгауера и Бодлэра, внесъ въ армянскую литературу философскія влеченія и болѣзненную погоню за стилемъ. Начинался интересъ къ соціальнымъ вопросамъ. Одна писательница, госпожа Дюсапъ, напечатала романы въ духѣ Жоржъ Сандъ, въ которыхъ проповѣдывала женскую эмансипацію. Писатель съ возмущеннымъ умомъ, врагъ всѣхъ условностей и предразсудковъ, Арпіаръ Арпіаріанъ, съ большой настойчивостью развивалъ соціальную литературу; онъ былъ художникомъ нравовъ, пол-

нымъ волненія и юмора, ѣдкимъ критикомъ и однимъ изъ главныхъ освободителей армянскаго духа.

Эта интеллектуальная дѣятельность привела къ основанію нѣсколькихъ среднихъ школъ въ Константинополѣ и къ общей реформѣ школьныхъ системъ. Группа профессоровъ и журналистовъ основала общество для пропаганды образованія въ армянскихъ провинціяхъ. Большое число школъ было основано во всѣхъ городахъ Арменіи.

Провинція была уже подготовлена своей внутренней работой, медленной и скрытой, но находившейся въ постоянномъ движеніи. Она произвела поэтовъ и нѣкоторыхъ духовныхъ ораторовъ; она дала крупную фигуру Хриміана, голосъ котораго прозвучалъ по всей Арменіи, точно громкій колоколъ, и который прославился описательными и поэтическими трудами, посвященными армянской странѣ, прекрасно ему извѣстной; она произвела также епископа Срвантціана, который предпринялъ большую работу по собиранію легендъ и народныхъ пѣсенъ армянскихъ областей; провинція имѣла даже нѣсколько маленькихъ литературныхъ центровъ, какъ патріаршій монастырь въ Эчміадзинѣ, Варакскій монастырь въ Ванѣ, монастырь св. Іакова въ Іерусалимѣ, которые печатали историческія, литературныя и духовныя книги. Затѣмъ, армянское населеніе въ провинціяхъ отличалось консервативной силой моральнаго му-

жества и поэтической живостью; подъ тяжелымъ гнетомъ мистицизма народъ втайнѣ культивировалъ сѣмена здоровой и простой жизни; во всякое время, въ пору господства древней, церковной литературы, и даже въ эпоху интеллектуальнаго мрака трехъ вѣковъ упадка, народная пѣсня существовала. Народные пѣвцы, *ашуги*, продолжали потихоньку дѣло древнихъ языческихъ поэтовъ. Эти люди лиры и улицы сохранили цвѣтокъ жизни — подъ мистической розой. Они воспѣвали любовь, воспѣвали тѣло; они прославляли красоту цвѣтовъ и сладость вина, храбрость и силу. Въ ихъ скромныхъ пѣсняхъ трепетали скрытыя, героическія чувства, и фигуры неизвѣстныхъ рыцарей проходили тамъ въ ярко выраженной народной обстановкѣ...

Зейтунскій армянинъ, вѣчный воинъ, распѣвалъ охотничьи и воинственныя пѣсни; армянинъ изъ Сасуна, рыцарскаго происхожденія, создалъ миѳъ о героѣ Мхэрѣ, чудесномъ воинѣ, который, послѣ того, какъ всю жизнь защищалъ страну отъ чудовищъ и вражескихъ народностей, былъ поглощенъ землей по какому-то священному указу, и оставался тамъ вѣчно живымъ, въ ожиданіи момента, предназначеннаго для того, чтобы выйти и спасти свой народъ. Остатки свободы всегда чувствовались въ порабощенной душѣ народа; и подобно стальному оружію, которое грубо согнули, этотъ народъ, сохранившій подъ всякими стѣсненіями свою непокорную и жа-

ждущую свободы душу, поднялся по первому зову освободительнаго духа. Съ какимъ-то бѣшенымъ волненіемъ армянская провинція приняла новую и могучую струю цивилизаціи, принесенную мыслящимъ меньшинствомъ константинопольской колоніи. Появилась молодежь, которая по своему моральному воспитанію очень отличалась отъ молодежи прежнихъ поколѣній. Она лучше знала прошлое Арменіи и она имѣла представленіе о либеральныхъ принципахъ современнаго міра. Она чувствовала себя интеллигентной, способной на высшую и свободную жизнь; она сознательно страдала, видя, что ей угрожаетъ въ ея порывахъ къ жизни варварское правительство и низшіе народы — паразиты и грабители. Она хотѣла жить и развиваться вполнѣ свободно. Она протестовала противъ несправедливаго правительства, которое угнетало и эксплуатировало ее, противъ кровавой тираніи курдовъ. Ея жалобы дошли до Константинополя. И, такъ какъ Европа тогда уже заинтересовалась судьбой другихъ христіанскихъ народностей, страдавшихъ подъ тѣмъ же игомъ, армяне придумали изъ Константинополя познакомить Европу съ горькимъ положеніемъ ихъ соотечественниковъ. Патріархъ Нерсесъ послалъ делегацію на Берлинскій конгрессъ. Это было началомъ „армянскаго вопроса“. Европа обѣщала на Берлинскомъ конгрессѣ заставить турецкое правительство гарантировать неприкосновен-

ность турецкихъ армянъ. Обѣщаніе осталось мертвой буквой. Турецкое правительство не предприняло никакой реформы; напротивъ, возмутившись смѣлостью армянъ, изъ за ихъ обращенія къ Европѣ, оно усилило преслѣдованія.

И вотъ на тронъ Стамбула взошелъ большой хищникъ, безуміе котораго должно было вызвать по всей Арменіи ужасный кровавый потопъ. Начался режимъ пытокъ. Гамидъ видѣлъ опасность въ пробужденіи армянскаго народа; онъ понялъ, что это пробужденіе явилось результатомъ интеллектуальнаго движенія. Онъ захотѣлъ вырвать зло съ корнемъ. По его приказу театральныя армянскія представленія были отмѣнены, изученіе армянской исторіи было строго запрещено, цѣлая инквизиторская цензура обрушилась на прессу и литературу, — празднества, лекціи, собранія впредь не разрѣшались. Послѣ свободнаго порыва, охватившаго армянскіе умы, это показалось чѣмъ-то чудовищнымъ. Къ моральному угнетенію прибавился все усиливавшійся политическій гнетъ. Людей сажали въ тюрьмы за то, что находили у нихъ какую-нибудь національную пѣсню — изъ числа тѣхъ, которыя такъ недавно распѣвались на улицахъ. Въ провинціи преслѣдованія усилились. Гамидъ одобрялъ избіенія и грабежи, совершавшіеся курдами надъ армянскимъ народомъ; онъ офиціально вооружилъ ихъ и составилъ полки кавалеріи

Гамидіэ. Армянскій народъ, едва вышедшій изъ состоянія тяжелаго рабства, ощутивъ впервые восторги цивилизаціи, вдругъ почувствовалъ себя снова въ цѣпяхъ—и еще болѣе тяжелыхъ, чѣмъ когда-либо!

Но столь сильно начатое движеніе не могло сразу прекратиться; оно приняло другую форму, стало скрываться; гибкій духъ армянскаго народа нашелъ средство выражаться и подъ этимъ гнетомъ; и, если онъ потерялъ въ силѣ и блескѣ, онъ выигралъ въ глубинѣ и тонкости; на мѣсто горячо патріотической и открыто либеральной литературы явилась литература сдержанная, болѣе научная, основанная на вопросахъ общечеловѣческихъ и устремляющаяся къ идеалу искусства. Этотъ послѣдній литературный періодъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ французской натуралистической школы и русскихъ романистовъ, затѣмъ парижской прессы и современной французской поэзіи. Явились храбрые публицисты, какъ Арпіаріанъ и Шахназаръ, романисты и авторы разсказовъ, съ мѣстнымъ колоритомъ и большой оригинальностью, какъ Пашальянъ, Зорабъ, Севаджьянъ, Хрантъ и нѣсколько поэтовъ*). Очень освѣдомленная

*) Аршакъ Чобаньянъ не счелъ, конечно, возможнымъ присоединить къ этому списку свою фамилію,—между тѣмъ онъ является писателемъ съ выдающимся литературнымъ именемъ. Родомъ изъ Турціи, эмигрировавъ во Францію, онъ дѣйствуетъ въ Парижѣ какъ даровитый поэтъ, публицистъ, редактирующій журналъ „Анахитъ“, лекторъ, популяризаторъ армянской словесности.

Ю. В.

пресса постоянно знакомила съ литературнымъ, драматическимъ, художественнымъ и соціальнымъ движеніемъ Европы, въ частности —Франціи. Все шло черезъ опасности и ужасныя, тираническія препятствія. Цензура запрещала отдѣльныя слова, сюжеты, жанры: въ концѣ концовъ *она запретила писать стихи...* И тѣмъ болѣе замѣчательнымъ и ненормальнымъ кажется то, что, несмотря на всѣ эти препятствія и весь гнетъ, турецкіе армяне могли создать современную литературу, которая, наряду съ нѣсколькими страницами, созданными современными греческими писателями, одна только могла считаться *настоящей литературой* въ этой обширной оттоманской имперіи,—не имѣвшей *такой* литературы со времени прихода турокъ.

II.

Трагическія событія, которыя залили кровью Арменію съ 1894 по 1896 годъ, въ настоящее время извѣстны всему міру. Всѣ знаютъ, что послѣ того, какъ армяне протестовали противъ невозможнаго порабощенія, въ которомъ ихъ держало турецкое правительство, послѣ того, какъ они потребовали примѣненія 61-ой статьи Берлинскато трактата, по которому Высокая Порта формально приглашалась ввести реформы въ армянскихъ провинціяхъ имперіи, наконецъ, послѣ того, какъ они защищали свои неотъемлемыя права, узаконенныя шестью державами Европы, столько же, сколько и турецкимъ правительствомъ,— они были предоставлены огню и мечу по приказу самого султана. Абдулъ-Гамидъ захотѣлъ разрѣшить армянскій вопросъ, примѣняя знаменитую формулу турецкаго дипломата, т. е. пытаясь подавить совсѣмъ армянъ

Всѣмъ извѣстно, какимъ ужаснымъ способомъ былъ осуществленъ этотъ планъ: мирныя селенія были сожжены сотнями, триста тысячъ человѣкъ, вполнѣ безоружныхъ, были убиты курдами, оффиціально вооруженными, и регулярными войсками; дѣти были пронзаемы штыками; женщины были похищены, изнасилованы, убиты; старики замучены въ пыткахъ; съ священниковъ сдирали живьемъ кожу—или сжигали ихъ на медленномъ огнѣ; имущество было разграблено, земли отняты, церкви и монастыри разрушены. Все это произошло тотчасъ вслѣдъ за тѣмъ днемъ, когда правительства Франціи, Англіи и Россіи представили султану проэктъ реформъ для Турецкой Арменіи, торжественно подтверждая этимъ законность армянскихъ требованій. Султанъ одной рукой подписывалъ этотъ проэктъ реформъ, а другой отдавалъ приказъ къ избіенію, на глазахъ всей Европы, которая молчала... Всѣмъ это извѣстно. Отзывчивые люди во всѣхъ странахъ Европы и Америки знакомили съ этими фактами весь міръ въ цѣломъ рядѣ газетныхъ статей, книгъ, лекцій, петицій въ парламентахъ, и истина, которая въ первую минуту могла быть затуманена, даже совсѣмъ измѣнена при помощи нѣкоторой, преданной султану прессы, теперь уже никѣмъ не оспаривается.

Всѣмъ извѣстно, что это ужасное положеніе вещей нисколько не перестало существовать и дальше, несмотря на протесты самыхъ

выдающихся людей во всѣхъ странахъ, несмотря на недовольство общественнаго мнѣнія всего міра; всѣ знаютъ, что, если система массовыхъ избіеній, ужасныхъ жестокостей, какъ погромъ въ Орфѣ, когда три тысячи человѣкъ, спрятавшихся въ церкви, были сожжены, больше не возобновляется, то уничтоженіе народа продолжается до настоящаго времени болѣе медленными, скрытыми, но вѣрными и непрерывными средствами: таковы—запрещеніе армянамъ переѣзжать изъ провинціи въ провинцію, и, слѣдовательно, остановка всякой коммерческой дѣятельности; полная свобода, предоставленная курдамъ и туркамъ убивать армянъ, занимать ихъ жилища, отбирать у нихъ скотъ, земледѣльческія орудія, земли; въ зависимости отъ этого бѣдность, голодъ, болѣзни, смерть; незамѣтный возвратъ къ системѣ массовыхъ избіеній, хотя и въ болѣе скромныхъ размѣрахъ: такъ, въ 1900-1 годахъ были задушены двѣсти человѣкъ въ Хасдурѣ, триста въ Сбаханкѣ, затѣмъ произошли избіенія въ Пертакѣ, Шушнамаркѣ, Мушѣ,—и, наконецъ, Сасунъ былъ оцѣпленъ войсками, и опасность стала грозить Зейтуну!...

Всѣмъ это извѣстно,—но что̀ знаютъ вплоть до настоящей минуты гораздо меньше, это—самый армянскій народъ! Этотъ народъ, который въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ боролся и страдалъ, защищая западную цивилизацію на Востокѣ, оказался, наканунѣ великихъ избіеній,

совершенно забытымъ Европою; исключая небольшого круга оріенталистовъ и дипломатовъ, цивилизованный міръ даже не зналъ о существованіи армянскаго народа, или, если онъ слышалъ о немъ что-нибудь, то сливалъ его съ нѣкоторыми полудикими народами Азіи. Избіенія, по сильному впечатлѣнію, которое они произвели на всѣхъ, привлекли всеобщее вниманіе къ армянскому народу и наградили его именемъ страдальца. Однако, добрые люди, потрясенные разсказомъ объ ужасахъ, совершенныхъ въ Арменіи, испустили крикъ негодованія и протянули сострадательную руку, но заинтересовались, въ общемъ, скорѣе страданіями этого народа, чѣмъ имъ самимъ, котораго они знали только по его несчастьямъ. Странныя легенды, распространенныя въ Европѣ поверхностными умами или же придуманныя и пущенныя въ обращеніе публицистами, за плату отъ султана, представляли армянъ то въ видѣ кучки мошенниковъ и ростовщиковъ, то въ видѣ банды возмутителей, подкупленныхъ Россіей или Англіей для безпорядковъ въ Турціи; всѣ эти наговоры, которые, такъ какъ они были брошены въ лицо ужасно страдающей націи, становились тѣмъ болѣе отвратительными, что могли добиться довѣрія въ довольно обширной, къ сожалѣнію, части западной публики только благодаря невѣдѣнію, въ которомъ находились европейскіе народы по отношенію къ армянскому народу: они ничего

не знали о нравахъ, исторіи, настоящемъ характерѣ армянъ.

Мы не хотимъ утверждать, что армянскій народъ не имѣетъ недостатковъ; нѣтъ совершеннаго народа; у каждаго народа есть свои недостатки, и тѣ народы, которые лишены независимости и терпятъ иго презрѣннаго деспотизма, поневолѣ отличаются бо̀льшими недостатками, чѣмъ свободные. Но самымъ большимъ недостаткомъ является склонность приписывать цѣлому народу пороки одной категоріи мало симпатичныхъ типовъ, неизбѣжныхъ продуктовъ долгаго рабства,—которые никто не укорялъ съ такой суровостью, какъ армянскіе сатирики, публицисты и романисты!

Тѣ, кто хорошо знакомъ съ армянскимъ народомъ, знаютъ прекрасно, что этотъ народъ далекъ по темпераменту отъ того, чтобы быть факторомъ разрушенія, а постоянно и всюду является полезнымъ, плодотворнымъ и продуктивнымъ элементомъ; онъ превращался въ разрушительную силу только передъ лицомъ крайняго варварства, грубой и циничной несправедливости, но все это говоритъ только къ его чести. Пока этотъ народъ могъ сохранить свою независимость, часть его разсѣялась по сѣверу и основала колоніи въ различныхъ иностранныхъ государствахъ; эти эмигранты составляли для ихъ новой родины интеллигентную и дѣятельную силу, служа посильно интересамъ народовъ, гостями

которыхъ они состояли. Даже подъ тяжелымъ игомъ азіатскихъ деспотовъ армяне всегда преслѣдовали свою задачу вѣчныхъ работниковъ цивилизаціи; это они вмѣстѣ съ греками развили въ Турціи земледѣліе, промышленность, торговлю. Матеріи, вышивки, золотыхъ дѣлъ мастерство, турецкіе ковры, которыми восторгается Европа, почти исключительно—дѣло рукъ армянъ. Музыканты, пѣвцы и актеры въ Турціи большею частью состоятъ изъ армянъ. Архитектурныя красоты Константинополя, въ большинствѣ случаевъ,—работа армянскихъ талантливыхъ людей: чудесная мечеть Сулейманіэ—произведеніе архитектора Синана, который былъ армянскаго происхожденія; армянскіе архитектора, Баліаны, строили дворцы Бейлербея, Чргана и Долмабахче; „послѣдній", по словамъ Теофиля Готье, „можно принять за венеціанскій дворецъ, болѣе богатый, болѣе обширный, болѣе чеканный, перенесенный съ Большого канала на берега Босфора"*); руками армянъ былъ возведенъ дворецъ Ильдизъ-Кіоскъ, гдѣ жилъ тотъ, кто позволилъ убить триста тысячъ армянъ...

Знаменитые люди Европы и Америки оцѣнили по достоинству всѣ тѣ лживые разсказы, они выразили свое уваженіе армянскому народу и заявили, что Европа должна помѣшать уничтоженію армянской расы не только потому, что это было бы преступленіе, которое оскор-

---

*) Теофиль Готье—„Константинополь"

бляло бы человѣчество и которое было бы стыдно допустить, но также и потому, что это уничтоженіе внесло бы замѣтный упадокъ въ моральныя силы человѣчества.

„Армяне, сказалъ Гладстонъ*), представители одной изъ самыхъ древнихъ христіанскихъ цивилизованныхъ расъ, являются сами по себѣ, въ этомъ нельзя сомнѣваться, одной изъ наиболѣе интеллигентныхъ и продуктивныхъ расъ, которыя только существуютъ на свѣтѣ". „Мы покажемъ, говорилъ въ 1897 г. Анатоль Франсъ, предсѣдательствуя на одной лекціи по армянской исторіи и литературѣ, что армяне являются дѣйствительно *народомъ* — по общности языка и религіозныхъ вѣрованій, по общимъ воспоминаніямъ и одинаковымъ надеждамъ, по братскимъ чувствамъ, по сильной волѣ, говорящей о желаніи жить одинаковой жизнью духа. И мы подтвердимъ, что этотъ народъ, умный и героическій, способенъ схватывать самыя высокія идеи западнаго міра и имѣетъ право, по своимъ талантамъ и по своимъ страданіямъ, на симпатіи другихъ народовъ, работающихъ во имя идей справедливости и свободы".

Русскій публицистъ Гольмстремъ высказывалъ въ „*Петроградскихъ* (тогда — „С.-Петербургскихъ") *Вѣдомостяхъ*", при разборѣ „Братской помощи армянамъ", столь же благопріятное мнѣніе, хотя говорилъ съ чисто рус-

---

*) Рѣчь въ Честерѣ 6-го августа 1895 г.

ской точки зрѣнія: „Ничто такъ не способствуетъ междуплеменной розни, зависти и враждѣ, какъ невѣжество, цитируются въ введеніи къ сборнику слова Ламартина. Съ цѣлью познакомить русское общество съ армянами, въ книгѣ приведенъ цѣлый рядъ статей спеціально объ этомъ народѣ, о разныхъ сторонахъ его жизни, объ его исторіи, литературѣ, объ его значеніи для Россіи, которое признавалъ еще Петръ Великій. Культурное единеніе съ армянскимъ народомъ (съ его богатой исторіей, съ его свѣтлымъ здоровымъ міровоззрѣніемъ, съ его испытанной духовной силой) является вкладомъ въ сокровищницу русскаго духовнаго бытія и самосознанія. Вообще, знакомый съ этими элементами силы армянскаго духа не удивится, что изъ подобнаго народа вышли Лазаревы, Тергукасовы и Шелковниковы".

Х.-Ф.Б.-Линчъ, послѣ тщательнаго изученія Арменіи, напечаталъ знаменательный трудъ, посвященный странѣ и націи, характеризуя армянъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Армяне, въ частности, очень пригодны для того, чтобы быть посредниками въ дѣлѣ проведенія новой цивилизаціи. Они исповѣдуютъ нашу религію, охвачены нашими самыми возвышенными идеалами, и свыкаются быстро со всѣми новыми открытіями европейской культуры съ такой охотой и такимъ умѣньемъ, какъ ни одна другая раса, живущая между Индіей и Средиземнымъ моремъ. Они обнаруживали свои способности въ самыхъ не-

благопріятныхъ условіяхъ, такъ какъ они являются расой, подвластной мусульманскимъ владыкамъ.

„Около тысячи лѣтъ они находятся въ подчиненномъ положеніи, и было бы безуміемъ предполагать, что ихъ характеръ не пострадалъ отъ того порабощенія, въ которомъ они должны были находиться... Съ другой стороны, они отличаются достоинствами, которыя имъ рѣдко приписываютъ. Тотъ фактъ, что въ Турціи имъ строго запрещено ношёніе оружія, привелъ къ тому, что поверхностные наблюдатели считаютъ ихъ трусами. Получилось бы совсѣмъ иное мнѣніе, если бы они были сравнены въ этомъ отношеніи съ ихъ врагами, курдами! Во всякомъ случаѣ, когда явилась возможность, они сейчасъ же выказали военные таланты въ области высшей стратегіи, какъ и въ дѣлѣ личной храбрости. Побѣдоносный главнокомандующій русской арміи, во время ея азіатской кампаніи 1877 г., былъ армянинъ изъ Лори—Лорисъ-Меликовъ. Въ той же кампаніи самымъ блестящимъ дивизіоннымъ генераломъ русской арміи былъ армянинъ Тергукасовъ. Храбрый молодой офицеръ генеральнаго штаба, Тарнаевъ, который придумалъ и выполнилъ безумную атаку форта Азиза, противъ Эрзерума, и руководилъ ею, за что поплатился своею жизнью, былъ тоже армяниномъ. Въ настоящее время для охраны русской границы, наблюденія за

курдами, живущими на турецкой территоріи, набираются лица изъ армянъ".

Въ одномъ, очень документальномъ трудѣ (Pour l'Arménie, mémoire et dossier) Пьера Кильяра, проведшаго три года въ Константинополѣ и узнавшаго близко армянскій народъ, говорится слѣдующее: „Изъ того обстоятельства, что большинство „сарафовъ" (мѣнялъ) —армяне, они (европейцы) заключаютъ быстро, что всѣ армяне торгаши; что касается честности посредниковъ Базара, принадлежатъ ли они къ грекамъ, армянамъ, евреямъ или католическимъ обитателямъ Востока, она очень сомнительна; но это очень странный пріемъ—судить о всемъ народѣ по нѣсколькимъ индивидуумамъ, которые отличаются недостатками ихъ профессіи, а не недостатками, присущими ихъ расѣ. Даже въ городахъ армяне скорѣе походятъ, даже въ настоящее время, на образъ, нарисованный Гюи въ его *Письмахъ о Греціи* въ концѣ XVIII вѣка: „Они составляютъ самую многочисленную, самую богатую и умную націю. Эти люди,—трудолюбивые, работящіе, здоровые, довольствующіеся малымъ и плохимъ, —занимаются всѣми тяжелыми ремеслами. Привыкнувъ жить въ глубинѣ провинціи, они любятъ лошадей и хорошо знаютъ ихъ; они составляютъ почти всѣ караваны и держатъ въ своихъ рукахъ часть торговли Персіи и Индіи". Мѣнялы составляютъ только слабое меньшинство націи; ремесленники гораздо

болѣе многочисленны. *Хамалы* (носильщики) въ Константинополѣ—почти всѣ армяне, такъ же, какъ и большинство булочниковъ; во время избіеній 1896 года въ городѣ не было хлѣба въ теченіе трехъ дней, такъ какъ армяне-булочники были или убиты, или попрятались.

„Портные, столяры, башмачники, золотыхъ дѣлъ мастера, кузнецы въ большинствѣ случаевъ—армяне. То же самое происходитъ и въ Смирнѣ: если въ высшей коммерціи, банкахъ и судахъ можно найти тамъ многихъ, очень богатыхъ армянъ, то землекопы, носильщики, портные, мясники и пр. тоже всѣ армяне. Армяне, живущіе внутри страны, большею частью, — земледѣльческій народъ: это виноградари въ Ванѣ, Арджешѣ, Ангорѣ, Бруссѣ, Сегердѣ; знаменитые пчеловоды въ Ванѣ и Ангорѣ; повсюду—хлѣбопашцы и пастухи! Въ Сивасѣ они занимаются земледѣліемъ даже—съ примѣненіемъ всѣхъ новѣйшихъ техническихъ пріемовъ, въ Гафирѣ и Кочтери они употребляютъ самыя лучшія машины. Въ Египтѣ Богосъ-Паша, сынъ Нубаръ-паши, руководитъ сельско-хозяйственными предпріятіями; онъ придумалъ очень хорошія машины.

„Это они ввели и спасли въ Бруссѣ шелководное дѣло: съ 1849 года Билезикджи, изъ Константинополя, устроилъ тамъ заведенія для разводки шелковистыхъ червей, а въ слѣдующіе года его примѣру послѣдовали

Овагимъ-ага и Папазіанъ; они первые сумѣли примѣнять пастеровскіе методы и излѣчивали шелковистыхъ червей.

„Они выдѣлываютъ оружіе, кожи и занимаются золотыхъ дѣлъ мастерствомъ, въ особенности, въ Ерзинджанѣ, Байбуртѣ, Ванѣ, Діарбекирѣ, Сивасѣ, Ангорѣ, почти повсюду они—ткачи, кузнецы, мѣдники. Они были бы, казалось, самыми пригодными въ промышленности, если бы промышленность развивалась въ Турціи; кожевенные заводы и красильни Эрзинджана принадлежатъ имъ, и въ Арсманъ-бей-Кёѣ, около Исмидта, императорская фабрика ватнаго сукна и фесокъ руководится всецѣло ими".

Габріель Мурэ закончилъ одну изъ своихъ лекцій, которую онъ читалъ объ армянской поэзіи и искусствѣ, слѣдующими словами: „Раса, столь способная въ интеллектуальной и матеріальной цивилизаціи, какъ армянская раса, отличающаяся такимъ тонкимъ умомъ и владѣющая моральными рессурсами, выставила въ прошломъ и въ настоящемъ столько доказательствъ своихъ симпатій къ западной мысли, выказала столь прекрасную и благородную дѣятельность въ борьбѣ за прогрессъ, что имѣетъ право на существованіе не только съ точки зрѣнія собственной судьбы, но и съ точки зрѣнія судьбы всего человѣчества. Армяне были и останутся создателями мысли и искусства; они были и останутся героическимъ и прекраснымъ народомъ.

Роль, которую они сыграли въ прошломъ, они должны будутъ выполнять и въ будущемъ; дѣйствительно, я не знаю ничего болѣе трогательнаго, болѣе благороднаго, чѣмъ упорство, энергія, которыя употребляетъ этотъ небольшой народъ, чтобы напомнить о себѣ и завоевать себѣ обратно свое мѣсто въ цивилизованномъ мірѣ"....

Перев. М. Веселовской.

А. ДЖИВЕЛЕГОВЪ

Будущее Турецкой Арменіи

Будущее Турецкой Арменіи.

I.

Когда Мкртичъ Хримьянъ, въ то время еще простой архіепископъ, собирался на Берлинскій конгрессъ, чтобы ратовать тамъ за своихъ соотечественниковъ, у него спрашивали:

— На какомъ же языкѣ ты будешь говорить тамъ, Гайрикъ? Вѣдь, кромѣ армянскаго ты не знаешь никакого.

Хримьянъ отвѣчалъ:

— Я буду говорить на языкѣ слезъ...

Когда онъ вернулся, удрученный безплодностью своей миссіи, онъ пробовалъ объяснить причину неудачи:

— На конгрессѣ сидѣли за столомъ люди и ѣли хавицъ (родъ винограднаго киселя). У всѣхъ ложки были желѣзныя. Только у насъ была бумажная. Оттого намъ ничего не попало.

Такъ получилъ Гайрикъ, неискушенный до тѣхъ поръ въ дипломатіи, предметный урокъ реальной политики. Онъ понялъ, что, когда рѣчь идетъ о дѣлежкѣ реальныхъ благъ, „языкъ слезъ“ не помогаетъ: нужно запасаться аргументами иного порядка.

Что Хримьянъ въ 1878 году вѣрилъ въ могущество „языка слезъ“,—совсѣмъ не удивительно. До тѣхъ поръ онъ дѣлалъ чудеса со своей паствой, именно говоря языкомъ слезъ. Въ простотѣ своей онъ думалъ, что и Биконсфильдъ съ Бисмаркомъ, и Андраши съ Горчаковымъ сдѣланы изъ такого же матеріала, какъ васпураканскій крестьянинъ. Онъ былъ убѣжденъ въ несокрушимой правдѣ своего горя. Онъ вѣрилъ, что холодныя сердца дипломатовъ растаютъ, согрѣтыя огнемъ сочувствія. Для Хримьяна, повторяемъ, это было только естественно.

Гораздо менѣе понятно, что та же вѣра въ могущество „языка слезъ“ продолжаетъ царить и до сихъ поръ у многихъ армянскихъ дѣятелей: политиковъ и журналистовъ. Стоитъ, —думаютъ эти люди,—поднять голосъ о страданіяхъ армянъ въ Турціи, о кровавомъ туманѣ, который стелется по полямъ и долинамъ Арменіи, напоеннымъ кровью ея сыновъ, о безчинствахъ младотурецкаго чиновника, о насиліяхъ лютаго курда,—Европа дрогнетъ отъ негодованія, скажетъ свое грозное „довольно!“, и воцарится въ Арменіи гражданскій порядокъ.

Вся исторія армянскаго вопроса, начиная съ Берлинскаго конгресса, показываетъ, что эта вѣра не лучше и не хуже всякой другой вѣры—credo quia absurdum. Ибо что было у армянъ за этотъ періодъ, кромѣ кровавыхъ разочарованій? Параграфъ 61 Берлинскаго трактата—все, чего могъ добиться Хримьянъ —былъ съ самаго начала обреченъ остаться пустымъ звукомъ. Султанъ Гамидъ прекрасно понималъ, что изъ-за такихъ пустяковъ, какъ сочувствіе крошечному народу, затерявшемуся въ горахъ Передней Азіи, Европа не станетъ дѣлать ему непріятностей. И дѣйствовалъ такъ, какъ будто въ текстѣ Берлинскаго трактата не было объ армянахъ ни слова. Нужно было, чтобы злодѣйства гамидовыхъ клевретовъ заставили вопіять камни, нужно было, чтобы армянскій народъ оказался на грани полнаго искорененія,—только тогда взволновалась Европа. Но не офиціальная, дипломатическая Европа. Нѣтъ! Европейское общественное мнѣніе! Съ одра болѣзни всталъ великій старецъ, чтобы заклеймить преступленія вѣнценоснаго турецкаго бандита.

Но, вѣдь, не всегда среди друзей армянскаго народа найдется Гладстонъ, чтобы поднять противъ турецкихъ звѣрствъ общественное мнѣніе Европы. И, къ счастью, не всегда въ Арменіи повторяются тѣ ужасы, которымъ міръ былъ свидѣтелемъ въ 1895 и 1896 годахъ. Въ обыкновенное время, когда армяне страдаютъ невидно, европейское обществен-

ное мнѣніе интересуется ими мало: интересъ возбуждаютъ они только въ дипломатіи державъ, чуждой идеалистическихъ порывовъ, трезвой, холодной.

Международная политика великихъ европейскихъ державъ уже давно, съ тѣхъ поръ, какъ наступила капиталистическая эра, руководствуется экономическими интересами. Голосъ капитала больше, чѣмъ какой-нибудь другой мотивъ, двигаетъ ходами дипломатіи. А съ тѣхъ поръ, какъ европейскій финансовый капиталъ денаціонализировался, съ тѣхъ поръ, какъ политическія границы перестали для него существовать, съ тѣхъ поръ, какъ онъ, вообще, сталъ болѣе подвиженъ,—онъ въ еще большей мѣрѣ подчинилъ себѣ дипломатію. И, разумѣется, чѣмъ болѣе развита страна въ смыслѣ капиталистической техники, чѣмъ болѣе руководящую роль играетъ въ ней капиталистическая буржуазія, тѣмъ сильнѣе испытываетъ давленіе капитала дипломатія: германская — больше, чѣмъ русская, французская — больше, чѣмъ германская.

Такія страны, какъ Турція, гдѣ при политическомъ, или, вѣрнѣе, международномъ безсиліи, мало мѣстныхъ капиталовъ, и имѣются большія экономическія перспективы, должны играть для европейскаго капитала и для подчиняющейся ему дипломатіи роль открытаго рынка: подобно тому, какъ заатлантическія страны притягиваютъ избытокъ населенія старой Европы, такъ страны, вродѣ Турціи и Персіи — неудержимо привлекаютъ къ себѣ

избытокъ европейскихъ капиталовъ. Это — колоніи для капитала; именно для капитала, не для людей. Тамъ капиталу легче работать, чѣмъ въ Европѣ, потому что тамъ меньше конкуренціи и, слѣдовательно, обезпечена болѣе высокая прибыль.

Вотъ тотъ фактъ, на которомъ будутъ строиться грядущія судьбы армянъ. Не сострадание къ участи „единовѣрнаго христіанскаго народа“ опредѣлитъ отношеніе Европы къ армянамъ. Капиталъ — величайшій атеистъ; онъ цинично демонстрируетъ свое безбожіе, не боясь никакихъ религіозныхъ преслѣдованій. Опредѣлитъ это отношеніе интересъ.

Какія же перспективы сулитъ армянамъ этотъ фактъ? Намъ представляется, что онъ можетъ быть только благопріятенъ для армянъ. Капиталъ не можетъ работать въ пустынѣ. Ему безконечно трудно работать въ малокультурной, неподвижной, лишенной предпріимчивости средѣ. Ему нужно содѣйствіе мѣстныхъ культурныхъ силъ. Армяне въ Турціи представляютъ какъ разъ ту среду, которая нужна европейскому капиталу.

Позволить истребить этотъ, наиболѣе культурный, наиболѣе предпріимчивый слой населенія Анатоліи или даже просто обезсилить его экономически — европейскій капиталъ не можетъ. Это для него значило бы обречь себя на такую безплодную, ненужную работу, какую приходится производить гдѣ-нибудь въ Африкѣ, среди дикихъ племенъ. Наоборотъ,

европейскій капиталъ долженъ стараться увеличить сумму гражданскихъ правъ, которыми владѣютъ армяне въ Турціи, долженъ содѣйствовать созданію для нихъ достойнаго людей существованія. Потому что этимъ онъ облегчитъ свою работу.

Съ середины XIX вѣка, съ Крымской кампаніи, такой реалистическій взглядъ на Арменію и ея будущее сталъ мало-по-малу устанавливаться въ Европѣ. Въ 1887 году онъ установился окончательно. Когда Биконсфильдъ оттягалъ у Россіи на Берлинскомъ конгрессѣ Баязетъ и Алашкертскую равнину, уступленную Турціею по Санъ-Стефанскому договору, стало ясно, что Арменія сдѣлалась настоящимъ объектомъ большой дипломатической игры. Дальнѣйшая судьба ея въ 80-хъ, 90-хъ и 900-хъ годахъ, когда султанъ Гамидъ рѣшилъ истребить своихъ армянскихъ подданныхъ, а державы робко протестовали противъ гамидовыхъ игръ, — вся эта кровавая полоса погромовъ, не прекратившаяся съ крушеніемъ гамидова деспотизма и переходомъ власти къ младотуркамъ,— медленно, но неуклонно убѣждала Европу, что дать Портѣ перебить армянъ—явно невыгодно.

Вѣнцомъ установившагося новаго отношенія была программа рефомъ, представленная въ 1913 году русскимъ правительствомъ и урѣзанная стараніями нѣмецкой дипломатіи до размѣровъ такъ называемаго „протокола“ 26 января 1914 года.

Война, вспыхнувшая лѣтомъ 1914 года, помѣшала проведенію въ жизнь протокола. Благодаря войнѣ всѣ вопросы, которые опредѣлятъ будущее Турецкой Арменіи, рѣшатся мечомъ, и все, что приходилось говорить въ протоколѣ 26 января въ замаскированной формѣ, будетъ сказано открыто. Какія же перемѣны необходимо будетъ внести въ статьи протокола 26 января *).

*) Мнѣнія, высказываемыя ниже, принадлежатъ лично автору этой статьи. Никакая національная армянская огранизація не несетъ за нихъ отвѣтственности. Точка зрѣнія, здѣсь изложенная, складывалась постепенно, частью въ полемикѣ съ представителями другихъ мнѣній, и нѣсколько отклоняется, какъ увидятъ, въ деталяхъ отъ взглядовъ, высказанныхъ авторомъ раньше въ періодической печати.

II.

Идея автономной Арменіи опирается на два твердыхъ предположенія.

Первое,—что Германія и Австрія будутъ побѣждены и что Турція, связавшая свою судьбу съ судьбою этихъ двухъ державъ, должна будетъ отдаться на милость побѣдителей.

Второе,—что по соображеніямъ высшаго дипломатическаго порядка державы-побѣдительницы признáютъ лучшимъ исходомъ по отношенію къ Турціи не полный и окончательный раздѣлъ, а сохраненіе Оттоманской имперіи въ очень ослабленномъ видѣ, въ такомъ, чтобы восточный вопросъ уже не могъ въ будущемъ мутить международныя отношенія. Мы не касаемся того, что будетъ при такомъ рѣшеніи съ Константинополемъ, проливами и правомъ Турціи держать военный флотъ въ Черномъ морѣ. Съ точки зрѣнія занимающаго насъ вопроса важно другое:

что на территоріи Турціи будутъ выкроены по крайней мѣрѣ три новыя автономныя области: Аравія съ Месопотаміей, Сирія и Арменія.

Когда говорятъ о территоріи, исходятъ либо изъ историческаго принципа, либо изъ этнографическаго. Если, говоря объ Арменіи, исходить изъ принципа историческаго,—намъ придется сильно расширить географическія границы автономной области: на территоріи Турціи имѣются старыя армянскія земли, въ которыхъ совсѣмъ почти не осталось армянъ. Мы будемъ исходить изъ принципа этнографическаго.

Въ серединѣ XVII вѣка, когда Оттоманская имперія не дошла еще до зенита своего могущества, отношеніе султановъ къ покореннымъ христіанскимъ народамъ было несравненно болѣе терпимое и гуманное, чѣмъ въ XIX вѣкѣ, и нѣтъ ничего удивительнаго, что въ наиболѣе густо населенныхъ частяхъ Великой Арменіи, армяне составляли 90% всего населенія*). Относительно Малой Арменіи, Киликіи, теперешняго вилайета Адана съ прилегающей къ нему сѣверной частью вилайета Алеппо, у насъ нѣтъ такихъ точныхъ старыхъ свѣдѣній, но нѣтъ основаній думать, что тамъ соотношеніе національныхъ эле-

*) Французскій путешественникъ Тавернье, проѣхавшій Арменію въъ 30-хъ годахъ XVII в., свидѣтельствуетъ, что между Токатомъ и Тавризомъ изъ 10 человѣкъ 9 говорятъ по-армянски.

ментовъ было менѣе благопріятно для армянъ, чѣмъ на сѣверѣ.

Намъ думается, что до середины XVIII вѣка такое соотношеніе держалось, не подвергаясь большимъ измѣненіямъ. Вопросъ этотъ совершенно не изслѣдованъ, но въ пользу нашего предположенія говорятъ всѣ данныя. До середины XVIII вѣка Турція почти не несла территоріальныхъ потерь. Если не считать Венгріи, мало тюркизованной, она сохраняла всѣ свои завоеванія въ Европѣ. Это важно въ томъ отношеніи, что исконно-турецкіе элементы не были вынуждены иммигрировать обратно въ Малую Азію. Съ середины XVIII вѣка Турція начинаетъ неудержимо терять куски своей территоріи: Крымъ, Новороссія, Трансильванія отошли въ XVIII вѣкѣ, Сербія, Греція, дунайскія княжества—въ первую половину XIX вѣка, остальные позднѣе. И по мѣрѣ того, какъ гяуры отбирали турецкія земли, въ остальную часть турецкой территоріи переселялись вѣрные мусульмане. „Восточная Анатолія",—таково офиціальное названіе Великой Арменіи, — должна была принимать все больше и больше переселенцевъ. Численная пропорція между армянскимъ и мусульманскимъ населеніемъ стала измѣняться, а вмѣстѣ съ этимъ стали появляться откровенно враждебныя отношенія. Приходилось дѣлиться, а дѣлежъ всегда, при такихъ условіяхъ,—прелюдія къ ссорѣ. Ссоры стали особенно часты послѣ

того, какъ балканскіе христіане въ началѣ XIX в. возстали противъ падишаха и завоевали себѣ свободу. За освобожденіе балканскихъ христіанъ заплатили христіане анатолійскіе. Начались погромы, а вслѣдъ за погромами—эмиграція. Къ фактамъ, уменьшающимъ количество армянскаго населенія относительно, прибавились факты, уменьшающіе его абсолютно. Особенно сильно сказалось вліяніе погромовъ и эмиграціи послѣ русско-турецкой войны 1877 года, въ царствованіе Кроваваго Гамида. Съ 1892 по 1912 годъ армянское населеніе Великой Арменіи убыло на 612.000 человѣкъ.

Географическими границами Турецкой Арменіи по протоколу 26 января 1914 года считаются границы семи вилайетовъ: Ванъ, Битлисъ, Трапезундъ, Эрзерумъ, Сивасъ, Харпутъ (Мамуретъ-уль-Азисъ) и Діарбекиръ. Это—историческая Великая Арменія, на которую на одну должны были распространяться реформы, вынужденныя Россіей у Турціи прошлой зимой. Армяне не возражали противъ ограниченія армянской территоріи одной Великой Арменіей. Вопросъ разрѣшался мирнымъ путемъ. За Турціей стояла Германія. Требовательность могла многое испортить. Теперь — другое. Вѣковой споръ рѣшаетъ мечъ. Армяне отъ мала до велика кинулись въ борьбу за освобожденіе отъ турецкаго ига: кто чѣмъ можетъ. Въ Турціи, какъ и въ Россіи. И уже теперь требованія по отно-

шенію къ Турціи могутъ быть предъявлены въ полномъ объемѣ, такъ какъ они подсказываются исторіей и вѣковыми національными чаяніями.

Къ Великой Арменіи должна быть присоединена и Малая Арменія, т. е. Киликія. Это—вилайетъ Адана, увеличенный, какъ уже указано, узкой сѣверной полосой вилайета Алеппо (Айнтабъ, Марашъ, Килисъ). Вся территорія будетъ тянуться отъ Чернаго моря до Средиземнаго, будетъ имѣть портъ и на на Черномъ морѣ (Трапезундъ) и на Средиземномъ (Александретта, Юмуръ-Таликъ, Мерсина) и будетъ имѣть всѣ шансы быстраго культурнаго развитія.

Какъ будетъ складываться соотношеніе населенія армянскаго и неармянскаго въ этихъ географическихъ предѣлахъ? Если держаться границъ турецкихъ вилайетовъ, то мы будемъ имѣть:

Ванъ	379,800
Битлисъ	398,700
Эрзерумъ	645,700
Сивасъ	1,057,500
Харпутъ	575,200
Діарбекиръ	471,500
Трапезундъ	1,265,500
Адана	422,400
Всего	5,215,800

Изъ этихъ пяти съ небольшимъ милліоновъ нѣсколько больше двухъ составляетъ армянское населеніе. Въ Ванѣ, Битлисѣ и Аданѣ армяне составляютъ абсолютное боль-

шинство, въ другихъ — относительное. Изъ всѣхъ народностей, населяющихъ территорію Арменіи, армяне—наиболѣе многочисленный народъ. Этнографическая пропорція совершенно достаточна для того, чтобы служить основой политическому соединенію. Особенно въ Турціи. Не забудемъ, что до Балканской войны турецкое населеніе Оттоманской имперіи не превышало 9 милліоновъ душъ изъ 30 слишкомъ милліоновъ всего населенія. Да и теперь оно составляетъ 8 милліоновъ изъ 21 мил. Кромѣ того, мы беремъ пропорцію, наиболѣе неблагопріятную для армянъ.

При установленіи территоріи автономной Арменіи можно будетъ отрѣзать отъ нея крайнія части, гдѣ армянъ мало, а другихъ національностей много. Таковы западъ Трапезундскаго вилайета до Іешиль-Ирмака съ Самсуномъ, западъ и сѣверо-западъ Сивасскаго вилайета, пограничныя съ Месопотаміей южныя части Битлисскаго и Діарбекирскаго вилайетовъ. Это уменьшитъ пятимилліонную цифру общаго населенія по крайней мѣрѣ на полмилліона, почти не тронувъ цифры армянскаго населенія *).

---

*) Въ концѣ концовъ, если Арменіи будетъ обезпечено присоединеніе Киликіи, т.-е. выходъ въ Средиземное море, то армяне безъ труда могутъ отказаться отъ всего Трапезундскаго вилайета. Я его включаю въ карту Арменіи потому, что онъ фигурируетъ въ протоколѣ 26 янв. 1914 года. Но тамъ его включеніе представляется необходимымъ, потому что протоколъ не предполагалъ присоединенія Киликіи, и Трапезундъ былъ бы единственной сколько-нибудь удовлетворительной морской гаванью Арменіи. Съ присоединеніемъ Киликіи дѣло, конечно,

Затѣмъ, совершенно несомнѣнно, что какъ только будетъ создана автономная Арменія, все, что эмигрировало за послѣднія сорокъ лѣтъ, постепенно начнетъ возвращаться на родину. Это настолько понятно, что французскій писатель Л. де-Контансонъ говоритъ, какъ о чемъ-то само собою разумѣющемся*): „Можно, не очень ошибаясь, утверждать, что Арменія, получившая автономію, будетъ служить полюсомъ притяженія для многочисленныхъ скитающихся армянъ, изгнанныхъ изъ родной земли укоренившейся тамъ анархіей. Быть можетъ, армянская нація, временно растерзанная погромами и эмиграціей въ Америку, въ Египетъ и въ другія страны, возстановится на твердыхъ основаніяхъ“.

Французскій публицистъ, писавшій въ 1912 году, говорилъ „быть можетъ“. Теперь, когда рѣшеніе близко, мы можемъ говорить болѣе категорично.

Наоборотъ, мусульманское населеніе будетъ эмигрировать, потому что до сихъ поръ оно могло держаться въ предѣлахъ Арменіи только благодаря турецкому политическому режиму. Это особенно относится къ курдамъ. Курды издавна занимали въ горахъ болѣе

измѣнится, и тогда, разумѣется, будетъ легко поступиться 120 тыс. армянъ, живущихъ въ Трапезундскомъ вилайетѣ, чтобы облегчить вѣсы отъ лишняго милліона неармянъ. Обшее соотношеніе въ этомъ случаѣ будетъ: первоначально—неполныхъ 4 мил. неармянъ противъ 1,9 мил. армянъ, а послѣ отрѣзки неармянскихъ частей—3,5 мил. неармянъ противъ 1,75 армянъ.

*) Les réformes en Turquie d'Asie, Paris, 1913, стр. 39.

высокія мѣста, удобныя для скотоводства. Армяне жили и живутъ на низинахъ, гдѣ занимаются земледѣліемъ. Ростъ населенія заставляетъ курдовъ постепенно переходить отъ скотоводства также къ земледѣлію. Они спускаются съ горъ въ долины и захватомъ отбираютъ землю у армянъ. Судъ этому покровительствуетъ, администрація это поощряетъ. Когда наступятъ времена иныя, и судъ сдѣлается стражемъ закона и справедливости, этотъ порядокъ прекратится. Но такъ какъ скотоводство кормитъ курда недостаточно, то, чтобы не умереть съ голоду, онъ долженъ будетъ по необходимости эмигрировать. Эмиграція курдовъ будетъ еще больше мѣнять соотношеніе мусульманскаго и армянскаго населенія въ пользу армянъ.

Наконецъ, также несомнѣнно, что всѣ армяне, насильственно принявшіе исламъ подъ угрозами смерти, вернутся къ родной вѣрѣ, какъ только будетъ объявлена вѣротерпимость, и многіе десятки тысячъ армянъ вмѣстѣ съ религіей вернутъ себѣ утраченное національное лицо.

Такъ стоитъ вопросъ о населеніи и территоріи. Намъ нужно разсмотрѣть теперь другой изъ вопросовъ, входящихъ въ проблему автономіи Турецкой Арменіи: объ ея политическомъ устройствѣ.

III.

И въ томъ, и въ другомъ вопросѣ имѣетъ руководящее значеніе то обстоятельство, что Германія отступилась отъ участія въ его рѣшеніи. Въ вопросѣ о территоріи включеніе Киликіи въ область автономной Арменіи сдѣлалось возможно только благодаря тому, что Германія безсильна протестовать противъ этого. Вѣдь, когда въ 1913 году поднимали вопросъ о реформахъ, ни армяне, ни Россія не могли даже заговорить о включеніи Киликіи въ область реформъ. Черезъ Киликію должна была пройти Багдадская дорога (только что передъ тѣмъ нѣмцами была получена концессія на постройку участка Мерсина — Адана), въ Киликіи нѣмцы имѣютъ множество концессій (въ томъ числѣ такую важную, какъ

на постройку порта въ Александреттѣ); область считалась находящейся въ сферѣ нѣмецкаго вліянія и, слѣдовательно, исключенной изъ всякихъ новыхъ комбинацій.

То же въ вопросѣ о политическомъ устройствѣ. Первоначальный проектъ реформъ, представленный въ іюнѣ 1913 года Россіей и одобренный Франціей и Англіей, включалъ въ себѣ нѣсколько такихъ пунктовъ, которые приближали его къ смягченной формѣ автономіи. Тамъ былъ, между прочимъ, пунктъ, дающій право генералъ-губернатору смѣщать всѣхъ турецкихъ чиновниковъ, въ томъ числѣ и вали, т. е. губернаторовъ. Послѣ обсужденія проекта, вмѣстѣ съ представителями Германіи, не только исчезъ пунктъ о смѣнѣ вали, но былъ отброшенъ даже генералъ-губернаторъ. Нѣмцы, вмѣстѣ съ турками, боялись простого количественнаго сосредоточенія власти. Вмѣсто одного генералъ-губернатора, явились ужс два генералъ-инспектора.

Съ устраненіемъ Германіи вопросъ о политическомъ устройствѣ Арменіи, прежде всего, долженъ вернуться къ исходному пункту: къ первоначальному проекту реформъ. Это значитъ, что генералъ-инспекторы должны быть отброшены и возстановлена власть генералъ-губернатора. Генералъ-губернаторомъ, подобно тому, какъ это было установлено для Крита 26 ноября 1898 года, должно быть лицо христіанскаго вѣроисповѣданія и

высокаго происхожденія. Кандидатъ будетъ предложенъ Россіей и, если будетъ сохраненъ турецкій суверенитетъ, утвержденъ султаномъ. При генералъ-губернаторѣ должны быть учреждены—центральное правительство, правильно расчлененное, и законодательное собраніе, избранное народомъ. Соотношеніе между количествомъ депутатовъ армянъ и мусульманъ должно устанавливаться согласно числовымъ нормамъ населенія по отдѣльнымъ вилайетамъ, какъ это проектировано въ протоколѣ 26 января 1914 года. Мѣстное управленіе должно быть построено на историческихъ основахъ; изъ турецкой административной практики можетъ быть и должно быть сохранено все то, что не противорѣчитъ историческимъ традиціямъ армянскаго развитія. Мѣстное самоуправленіе должно быть создано вновь, ибо его фактически не существуетъ.

Въ организаціи финансовъ главнымъ принципомъ долженъ быть тотъ, что налоги поступаютъ въ областную казну и расходуются на мѣстныя, областныя нужды. Войско, набираемое въ Арменіи, должно нести военную службу, не выходя за ея предѣлы. Право, господствующее сейчасъ въ Турціи, основанное въ главномъ на шаріатѣ, давно уже неспособное регулировать сложныя отношенія современной жизни, должно быть кореннымъ образомъ реформировано на основаніи реципированнаго общаго права и требованій жизни.

Лишнее говорить, что полное равноправіе національностей должно сдѣлаться однимъ изъ основныхъ принциповъ переустройства Арменіи.

Устроенная такимъ образомъ автономная Арменія, обнимающая восемь вилайетовъ Анатоліи, будетъ составлять, если на то послѣдуетъ санкція державъ тройственнаго согласія, часть Турецкой имперіи. Султанъ въ этомъ случаѣ будетъ считаться сюзереномъ Арменіи, и въ знакъ своего вассальнаго отношенія Арменія будетъ платить султану ежегодную дань. Но она будетъ находиться вмѣстѣ съ тѣмъ подъ протекторатомъ Россіи, обезпечивающимъ ей неприкосновенность со стороны Турціи и охраняющимъ ее отъ всякихъ покушеній.

Такая форма не будетъ представлять собою ничего новаго. Наоборотъ, она имѣетъ за собой твердую санкцію исторіи. Изучая по трактатамъ политическій status различныхъ частей Оттоманской имперіи, получившихъ автономію въ теченіе XIX вѣка, намъ пришлось остановиться на той формѣ автономіи, которую адріанопольскій трактатъ 1829 года даровалъ дунайскимъ княжествамъ и которой Молдавія и Валахія жили вплоть до 1856 года. Княжества считались частью Оттоманской имперіи, но во внутреннемъ управленіи были свободны. Вассальныя отношенія выражались въ ежегодной дани. Протекторатъ Россіи обезпечивалъ княжествамъ свободу

отъ покушеній. Вплоть до уплаты Турціей полностью военной контрибуціи русскія войска занимали территорію княжествъ, и русскіе государственные люди, съ гр. П. Д. Киселевымъ во главѣ, руководили преобразованіями въ будущей Румыніи.

Такъ рисуется мнѣ планъ будущаго устройства Турецкой Арменій. Долженъ оговориться, что почва, на которой я стою, чисто—историческая. До сихъ поръ, когда Турція теряла части своей территоріи, имъ придавалось именно такое устройство: суверенитетъ султана первоначально сохранялся, но всячески ограничивался дополнительными постановленіями трактатовъ. Исторія Румыніи, Болгаріи, Вост. Румеліи, Крита, Македоніи, Албаніи служатъ этому подтвержденіемъ. Но война, которую мы сейчасъ переживаемъ, такъ непохожа на прежнія войны; для Турціи сейчасъ рѣчь идетъ о вещахъ, настолько болѣе серьезныхъ, что настаивать на сохраненіи турецкаго суверенитета во что бы то ни стало, едва ли есть необходимость.

Если война кончится тѣмъ, что Турція потеряетъ Константинополь и проливы, если сѣверо-западный уголъ Анатоліи будетъ отторгнутъ, какъ Hinterland Царьграда, а западную часть Смирнскаго вилайета съ побережьемъ отдадутъ Греціи; если, словомъ, послѣ превращенія Сиріи, Аравіи, Месопотаміи и Арменіи въ автономныя области, Турція будетъ сведена къ границамъ исконнаго

населенія турецкаго племени: вилайетамъ Кастамуни, Коніа и Ангора съ прилегающими частями другихъ на западѣ и на востокѣ,—странно будетъ отдавать суверенитетъ надъ Арменіей султану столь мало-импозантной державы.

Тогда вопросъ о суверенной власти нужно будетъ рѣшать по-другому. Въ очень тѣсной зависимости отъ хода событій будетъ стоять и вопросъ о протекторатѣ. Желаніе армянскаго народа, связаннаго тысячами связей съ Россіей, заключается въ томъ, чтобы будущая свободная Арменія находилась подъ русскимъ протекторатомъ. Нужно думать, что это такъ и будетъ, хотя въ конечномъ итогѣ все зависитъ отъ соглашёнія между державами Тройственнаго Согласія.

Но, если въ вопросѣ о суверенной власти въ Турецкой Арменіи и даже въ вопросѣ о протекторатѣ надъ ней, возможны въ будущемъ колебанія, то совершенно несомнѣнно одно: то, что оріентація автономной Турецкой Арменіи будетъ послѣдовательно и твердо опредѣляться симпатіями къ Россіи. Практически вопросъ объ оріентаціи, быть можетъ, наиболѣе важный. Роль Россіи въ Арменіи можетъ быть огромна при всякомъ, возможномъ въ существующихъ условіяхъ, рѣшеніи вопроса о протекторатѣ, если будетъ увѣренность въ русской оріентаціи нарождающейся свободной области.

А вопросъ о роли Россіи въ Арменіи — отнюдь не праздный вопросъ. Русская оріентація автономной Арменіи отвѣчаетъ очень опредѣленнымъ и очень важнымъ государственнымъ интересамъ Россіи.

Попытаемся сейчасъ это доказать.

IV.

Когда турецкіе армяне убѣдились — это было очень скоро послѣ смѣщенія Абдулъ-Гамида и окончательнаго торжества младотурокъ — въ двухъ вещахъ: въ безнадежной слабости партіи федералистовъ и въ послѣдовательно-унитаристской политикѣ младотурокъ, враждебной всякимъ, національнымъ уступкамъ, — передъ ними встала крайне серьезная задача.

Цѣль національныхъ армянскихъ стремленій въ Турціи послѣ революціи 1908 года опредѣлилась вполнѣ отчетливо: административное самоопредѣленіе армянскихъ областей. До переворота, когда младотурки нуждались въ поддержкѣ армянъ, они обѣщали своимъ союзникамъ, партіи дашнакцакановъ, эту реформу. Когда ихъ цѣль была достигнута, они перестали о реформѣ разговаривать. А турецкіе федералисты (партія принца Саббахъ-Эддина), которые были сторонниками широкой областной реформы, были безсильны ее выполнить.

Сдѣлалось ясно, что для того, чтобы національныя стремленія турецкихъ армянъ могли осуществиться, нужно было опять, какъ въ 90-хъ годахъ, опереться на внѣшнюю силу, силу той или иной великой державы.

Но теперь взглядъ на способы заинтересовать своей судьбой какую-нибудь великую державу былъ уже не тотъ, что въ 90-хъ годахъ. Теперь армяне не хотѣли уже платоническаго сочувствія къ „единовѣрнымъ христіанамъ“, угнетаемымъ мусульманами, ибо, они убѣдились въ малой активности такого сочувствія. Они хотѣли не состраданія, а заинтересованнаго сочувствія, опирающагося на выгоды.

Нужно было, слѣдовательно, найти ту державу, которой было бы самой выгодно помочь армянамъ въ осуществленіи ихъ національныхъ чаяній. И стоило немного подумать, чтобы прійти къ заключенію, что такой державой могла быть только Россія. Ею не могла быть Германія, потому что экономическіе интересы толкали нѣмцевъ въ туркофильскій фарватеръ и потому еще, что нѣмцы считали Киликію въ сферѣ своихъ интересовъ, а Киликія входила въ національныя комбинаціи армянъ. Ею не могли быть ни Англія, ни Франція, потому что Арменія слишкомъ далека отъ непосредственныхъ интересовъ этихъ странъ. Австро-Венгрія и Италія въ Передней Азіи не имѣли никакихъ интересовъ. Оставалась только Россія. Каковы же были

интересы Россіи въ процессѣ осуществленія національныхъ стремленій турецкихъ армянъ?

Прежде всего, Россіи было выгодно, чтобы ея южная граница на Кавказѣ соприкасалась съ территоріей, населенной дружеской націей, чтобы имѣть больше увѣренности на случай международныхъ осложненій. Насколько для Германіи было выгодно, чтобы въ Арменіи жили турки, которые могли бы поддержать турецкое нападеніе на Кавказъ, настолько для Россіи было важно, чтобы тамъ жили армяне, способные активными и пассивными средствами парализовать нападеніе на Кавказъ. Война и весь ея первый періодъ доказали, что расчетъ былъ правильный.

Дальше, правильно развивающаяся экономически и культурно Турецкая Арменія обѣщала въ будущемъ стать для Россіи очень емкимъ товарнымъ рынкомъ. Цифры русскаго ввоза въ Турецкую Арменію, непрерывно увеличивавшіяся, показывали, что это не простыя догадки.

Эти два соображенія были прекрасно учтены русской дипломатіей, когда она взяла съ 1913 г. въ свои руки дѣло проведенія реформы въ Арменіи и добилась подписанія протокола 26 января 1914 года.

Внесла ли война какія-нибудь измѣненія въ такое соотношеніе между интересами Россіи и свободной Арменіи? Теперь вопросъ ставится по-другому. Армяне въ Турціи и русскіе армяне для своихъ турецкихъ братьевъ хотятъ

не робкихъ реформъ, а автономіи подъ протекторатомъ Россіи, и вводятъ въ будущую территорію Турецкой Арменіи семь вилайетовъ, о которыхъ была рѣчь въ протоколѣ 26 января, и Киликію, т.-е. еще одинъ вилайетъ, и частицу девятаго. Эта комбинація предусматриваетъ выходъ въ Черное море (Трапезундъ) и въ Средиземное (Александретта).

Прежде всего, возникаетъ вопросъ, не проще ли для Россіи просто присоединить всю эту область. Если таково будетъ рѣшеніе будущаго конгресса, армяне его примутъ безъ ропота. Но помимо того, что они считаютъ себя вправѣ надѣяться на признаніе за ними права на самоопредѣленіе, при аннексіи Южная Арменія почти навѣрное будетъ выдѣлена. Ибо выходъ Россіи, самой Россіи, въ Средиземное море, послѣ того, какъ она получитъ проливы и, вѣроятно, Царьградъ, можетъ вызвать возраженія. Возраженій не будетъ, ибо для нихъ не будетъ повода, если между Россіей и Средиземнымъ моремъ протянется маленькая, слабая, способная быть только своего рода Швейцаріей Передней Азіи,—автономная Арменія. Экономическія выгоды для Россіи будутъ сохранены полностью. Въ договорѣ о протекторатѣ можетъ быть прямо оговорена желѣзнодорожная концессія на двѣ линіи, соединяющія Россію съ Средиземнымъ моремъ; одну: Александрополь—Эрзерумъ—Харпутъ—Александретта, другую: Трапезундъ

—Байбуртъ—Харпутъ—Александретта. Русская торговля получитъ прямой выходъ въ Средиземное море, минуя Дарданеллы, не говоря уже о томъ, что передъ нею будутъ богатыя торговыя перспективы въ самой Арменіи *).

Сосѣдство Арменіи, маленькой и нейтральной par excellence, не можетъ безпокоить ни Англію, которая только что присоединила сосѣдній съ Киликіей Кипръ, ни Францію, ибо горные проходы Киликійскаго Тавра, соединяющіе Малую Азію съ Сиріей, сферой французскаго вліянія, будутъ во владѣніи мирной Арменіи, а не какой-либо другой, болѣе сильной, державы.

И присоединеніе къ Сѣверной Арменіи также и Киликіи, съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ, можетъ быть только выгодно.

Если Киликія останется внѣ автономной Арменіи и особенно если при этомъ еще произойдетъ раздѣлъ Турціи, то этой богатой областью завладѣютъ либо Англія, либо Франція, скорѣе первая. П. Н. Милюкова **) эта перспектива нисколько не огорчаетъ. Едва ли, однако, факты оправдываютъ столь равнодушное отношеніе.

---

*) Возможно, конечно, что Александретта будетъ присоединена къ Сиріи. Тогда портомъ Арменіи на Средиземномъ морѣ будетъ Юмуръ-Таликъ. А если даже Трапезундъ не войдетъ ни въ границы Арменіи, ни въ границы Россіи, то для Россіи все-таки будетъ выгодно въ будущемъ мирномъ трактатѣ обезпечить за собою концессію на постройку этой желѣзной дороги.

**) См. двѣ его статьи въ „Рѣчи“ въ ноябрѣ и декабрѣ 1914 года.

Русская оріентація будущей автономной Арменіи предполагаетъ, какъ первый, самый серьезный выводъ—признаніе за Россіей положенія наиболѣе благопріятствуемой державы. Такое положеніе будетъ предполагать въ свою очередь, что всякая концессія въ Арменіи, для которой потребуется иностранный капиталъ, будетъ первымъ долгомъ предложена Россіи: въ томъ числѣ и желѣзнодорожныя.

И именно тотъ фактъ, что желѣзныя дороги, соединяющія съ Средиземнымъ моремъ области торговой гегемоніи Россіи, пройдутъ черезъ страну, признающую протекторатъ Россіи, будетъ имѣть огромное значеніе. Мы только-что указали на возможность соединенія съ Александреттой, съ одной стороны, Карса и Александрополя, съ другой — Трапезунда. Но еще болѣе важна возможность проведенія желѣзной дороги изъ Персіи на Александретту. Нѣмцы уже давно планировали вѣтку Ханекинъ — Александретта, и когда на послѣднемъ Потсдамскомъ свиданіи наша дипломатія согласилась было не ставить препятствій этому нѣмецкому проекту,—представители промышленности и торговли сказали по адресу дипломатіи много кислыхъ словъ. И если нѣмецкая дорога грозила нанести ударъ нашимъ торговымъ интересамъ въ Персіи, то что будетъ, если ту же вѣтку выстроятъ англичане? Вѣдь, очень вѣроятно, что Англія получитъ послѣ

войны Багдадскую желѣзную дорогу: на это имѣются косвенныя указанія. А когда въ рукахъ англичанъ соединятся пути, смыкающіе нашъ персидскій рынокъ съ Средиземнымъ моремъ, то намъ придется сказать своему персидскому рынку окончательное „прости“.

Картина будетъ иная, если Киликія войдетъ въ составъ автономной Арменіи. Даже завладѣніе Англіей Багдадской дорогой не будетъ нести такой опасности русскимъ экономическимъ интересамъ, если господами Киликіи будутъ армяне, Россія же будетъ имѣть права наиболѣе благопріятствуемой державы. А желѣзная дорога, соединяющая Персію съ Средиземнымъ моремъ, проходящая черезъ армянскую территорію и примыкающая къ сѣти, ведущей внутрь Россіи, только будетъ улучшать экономическія перспективы Россіи въ Персіи.

Таковы тѣ соображенія, которыя, казалось бы, должны поколебать точку зрѣнія П. Н. Милюкова. Тѣмъ болѣе, что возражая противъ включенія Киликіи въ территорію Арменіи, П. Н. Милюковъ нечувствительно соскользнулъ съ одной плоскости аргументаціи на другую: началъ, допуская, какъ предположеніе, идею автономной Арменіи съ Киликіей, а кончилъ, исходя изъ мысли объ аннексіи Киликіи Россіей вмѣстѣ съ остальной Турецкой Арменіей.

Аннексія Киликіи, не принеся экономическихъ выгодъ, дѣйствительно поставила бы

передъ Россіей и болѣе сложныя „задачи самообороны“ и обязательство считаться „съ средиземно-морскими масштабами и съ условіями средиземно-морского равновѣсія“. Но, вѣдь, аннексія Киликіи, какъ и аннексія Арменіи вообще,—это то предположеніе, которое мы все время считали наименѣе выгоднымъ не только съ армянской точки зрѣнія, но и съ точки зрѣнія Россіи.

Киликія неразрывно связана съ Сѣверной Арменіей. Въ теченіе всей своей исторіи Арменія тянулась къ Средиземному морю и, быть можетъ, погибла отъ того, что слишкомъ поздно до него дотянулась. Отдѣлить одну отъ другой было бы и несправедливо по отношенію къ армянамъ и ненужно, съ точки зрѣнія интересовъ Россіи.

Что касается стратегическихъ выгодъ, проистекающихъ для Россіи отъ созданія автономной Арменіи, то и онѣ немаловажны. Разъ ея граница будетъ соприкасаться на юго-востокѣ Кавказа съ Арменіей, у которой не будетъ войска,—для охраны этой границы будетъ достаточно нѣсколькихъ казачьихъ полковъ, и вся кавказская армія можетъ быть направлена на западную и другія границы. Этой выгоды Россія была бы лишена, если бы Турецкую Арменію или значительную ея часть рѣшено было аннектировать.

Все это дѣлаетъ, какъ намъ представляется, протекторатъ Россіи надъ автономной Турецкой Арменіей, при послѣдовательной

оріентаціи ея въ сторону Россіи, такимъ рѣшеніемъ армянскаго вопроса, который и съ точки зрѣнія русскихъ государственныхъ интересовъ является наиболѣе пріемлемымъ.

И нужно ли говорить о томъ, что возвращеніе свободнаго самоопредѣленія культурному народу есть такое рѣшеніе армянскаго вопроса, которое *одно* отвѣчаетъ идеаламъ русской интеллигенціи.

V.

Остается разсмотрѣть вопросъ, который тоже ставится очень настойчиво: достаточно ли созрѣли армяне, чтобы имъ можно было ввѣрить заботу о дальнѣйшемъ устройствѣ собственной судьбы.

Народъ, который два съ половиной тысячелѣтія стоитъ въ Передней Азіи стражемъ традицій гражданственности, который шестнадцать вѣковъ держитъ тамъ знамя христіанской культуры и не даетъ ему упасть, который много разъ грудью своихъ сыновъ оберегалъ и мощь Византіи и державы западнаго феодализма, воздвигнутыя въ самомъ сердцѣ торжествующаго ислама—этотъ народъ долженъ ли вопреки всему быть лишенъ и впредь права политическаго самоопредѣленія? Такъ формулируется основной вопросъ занимающей насъ проблемы. Попытаемся, поскольку позволятъ размѣры настоящей статьи, сгруппировать тутъ нѣкоторые факты изъ исторіи и современной турецкой дѣйствительности, чтобы нѣсколько освѣтить этотъ вопросъ.

Армянская нація образовалась окончательно не позднѣе VI в. до Р. Х. Съ тѣхъ поръ и до нашихъ дней она безсмѣнно, несмотря на самыя тяжелыя условія, несетъ свою культурную миссію въ Передней Азіи. За все время своего существованія, какъ въ періодъ политической самостоятельности, такъ и послѣ ея потери, армянскій народъ обнаруживалъ два свойства: большую культурную живучесть и умѣніе въ сложныхъ международныхъ отношеніяхъ Передней Азіи находить ту линію, которая неизмѣнно ведетъ впередъ. Сосѣди армянскаго народа, начиная съ VI вѣка, постоянно мѣнялись. Возникали и рушились могущественныя державы, союзныя, дружественныя и враждебныя. Набѣгали изъ нѣдръ Азіи все новыя волны завоевателей, разбивались тутъ же, или, заливая собою все, уносились дальше. Армянскій народъ продолжалъ занимать родныя горы и родныя ущелья. Ассирійцы, мидяне, лидійцы, ахеменидское царство, эллинистическія государства, держава Митридата Понтійскаго, могущественная Парѳія, сассанидское царство, арабы, сельджуки, монголы, османы... Изъ всѣхъ этихъ народовъ только Персія да Турція доживаютъ въ настоящее время послѣдніе дни своего самостоятельнаго политическаго существованія. Объ остальныхъ помнитъ лишь исторія. Армянскій народъ, наоборотъ, по выраженію проф. Н. Я. Марра, какъ фениксъ возрождается къ новой жизни.

Недешево обошлось армянамъ это стойкое служенiе культурѣ. Армяне потеряли цѣликомъ свою старую феодальную знать, воинственную, гордую расу бѣлокурыхъ рыцарей, которыми долго держалось государство. Они потеряли вслѣдъ затѣмъ свою старую буржуазiю, расцвѣтшую позднѣе въ Ани, столицѣ Багратидовъ. Отъ двухъ этихъ старыхъ сословiй остались одни обломки. Толщу армянскаго народа составляетъ теперь старое крестьянство и его потомки, успѣвшiе въ колонiяхъ сильно деференцироваться въ классовомъ отношенiи. На исконной армянской землѣ, въ Анатолiи и Киликiи, крестьянство составляетъ и сейчасъ неисчерпаемый нацiональный фондъ, отъ котораго придутъ рессурсы политическаго возрожденiя.

Когда пало армянское государство (окончательно въ 1375 году), задачу сохраненiя нацiи приняла на себя армянская церковь. И она съ честью ее выполнила. Теперь общество взяло эту задачу въ свои руки, и чувствуетъ въ себѣ достаточно силы, чтобы довершить то, что было церкви не по плечамъ.

Больше пяти вѣковъ не существовало армянскаго государства. Но традицiи государственности не умирали въ армянскомъ народѣ никогда. Въ армянскомъ крестьянствѣ въ Турцiи живетъ и сейчасъ, какъ среди евреевъ вѣра въ Мессiю, вѣра въ пришествiе „царя“. Множество легендъ расцвѣчиваютъ этотъ политическiй мессiанизмъ красками поэзiи. Этими

легендами народъ наивно, въ мѣру своего пониманія, свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ, несмотря ни на что, не утратилъ государственныхъ традицій, что, если ему дадутъ только внѣшнія формы политическаго самоопредѣленія, остальное додѣлаетъ онъ самъ.

Разумѣется, получить эти формы безъ помощи болѣе сильныхъ, Арменіи будетъ трудно. Но развѣ новая исторія знаетъ случаи, когда маленькій народъ самостоятельно завоевывалъ себѣ свободу? Да и не только маленькій. Развѣ Пруссія, превращенная фактически въ вассала Наполеона, не была освобождена Россіей? Развѣ Италія безъ помощи Франціи и Пруссіи сумѣла бы освободить свой сѣверъ? Развѣ Венгрія получила бы равноправіе, не будь Кениггреца? Развѣ Грецію, Румынію, Сербію, Черногорію, Болгарію освобождали не великія державы? Что будетъ необычнаго, или новаго, если Арменія получитъ самостоятельность изъ рукъ Россіи и ея союзницъ? И почему Арменія заслужила свою самостоятельность меньше, чѣмъ любая изъ балканскихъ націй?

Армяне не говорятъ и не думаютъ, что „Armenia fará da se“, что она „справится сама“. Они понимаютъ очень хорошо, что противъ воли крупныхъ державъ Арменія не можетъ получить своей автономіи. Но они увѣренно утверждаютъ, что, получивъ самостоятельность,—въ остальномъ, т. е. въ устрое-

ніи государства, они „справятся сами“ безъ большого труда.

Вѣдь, даже теперь, при турецкомъ господствѣ, въ армянскихъ областяхъ производительная дѣятельность, торговля, кредитъ почти цѣликомъ находятся въ рукахъ армянъ. Мы не можемъ приводить много цифръ, но кое-какія все-таки не будутъ лишними. Въ вилайетѣ Сивасъ (Себастія), гдѣ армянъ сравнительно мало (около 35%), изъ 166 крупныхъ торговцевъ-импортеровъ 141 армянинъ, изъ 150 экспортеровъ 125 армянъ, изъ 37 банкировъ 32 армянина, изъ 9.800 ремесленниковъ и мелкихъ торговцевъ 6.800 армянъ и изъ 153 промышленныхъ предпріятій 130 принадлежатъ армянамъ. Этого мало: въ самомъ Константинополѣ даже типографіи, гдѣ печатаются турецкія книги и періодическія изданія, принадлежатъ въ большинствѣ армянамъ. Неужели эти факты тоже ничего не говорятъ?

Для армянъ автономія есть необходимый постулатъ ихъ культурнаго и экономическаго прогресса и въ то же время логическій выводъ изъ всего ихъ политическаго и общественнаго развитія.

Автономія Турецкой Арменіи не несетъ никакого покушенія на русскую территорію, ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ. Ирредентизмъ чуждъ армянамъ теперь и останется чуждымъ всегда по той простой причинѣ, что армянскій ирредентизмъ, да еще по отноше-

нію къ Россіи, не можетъ быть чѣмъ-либо серьезнымъ. Только политики изъ отставныхъ богоискателей могутъ опасаться, что автономная, находящаяся подъ русскимъ протекторатомъ Арменія, будетъ способна предпринять завоевательный походъ на Кавказъ и мечтать о чемъ-то вродѣ „армянскаго царства до Нахичевани на Дону" голицынскихъ агентовъ.

То, чего хотятъ армяне, совсѣмъ не такъ наивно и, будемъ вѣрить, не такъ безнадежно.

А. Дживелеговъ.

В. ТОТОМІАНЦЪ

Экономическое положеніе Турецкой Арменіи

Экономическое положеніе Турецкой Арменіи.

14 лѣтъ тому назадъ мнѣ пришлось опубликовать за границей небольшую книжку объ экономическомъ положеніи Турціи, а лѣтомъ, незадолго до начала войны 1914—15 г. побывать въ этой сосѣдней, но мало намъ извѣстной странѣ.

Такимъ образомъ, я получилъ представленіе объ экономическихъ ресурсахъ страны и объ экономическомъ положеніи армянскаго населенія. И въ настоящее время я попытаюсь вновь сдѣлать оцѣнку экономическаго положенія тяготѣющей къ Россіи не по одному только географическому положенію Турецкой Арменіи.

Прежде всего, познакомимся съ природными богатствами этого благодатнаго, но глубоко несчастнаго края, думая о которомъ,

еще въ древности армянскій духовный поэтъ Григорій Нарекскій писалъ:

„Гласъ стенаній, муки сердца,
Вопль души и воздыханья
Я къ Тебѣ лишь возсылаю,
О, Всевидящій Создатель“.

Природныя богатства Турецкой Арменіи мало изслѣдованы, но и по тому, что вскрыто, можно судить объ ихъ крупныхъ размѣрахъ.

Минеральныя богатства края разнообразны по качеству и значительны по количеству. Имѣются богатыя залежи каменнаго угля въ ванскомъ, битлисскомъ и другихъ вилайетахъ, но онѣ не разрабатываются. Нефть встрѣчается во всѣхъ армянскихъ вилайетахъ. Мѣстами она выступаетъ даже на поверхность земли. Такъ, въ держанскомъ округѣ эрзерумскаго вилайета, въ мѣстности Навтлыкъ, нефть вытекаетъ изъ-подъ горы и течетъ въ рѣку. Эксплуатируется нефть мало и самымъ примитивнымъ способомъ.

Желѣзо встрѣчается во многихъ районахъ. армянскихъ вилайетовъ, а мѣдь во всѣхъ, причемъ въ нѣкоторыхъ мѣдныхъ рудахъ заключается значительный процентъ золота. Серебро имѣется въ эрзерумскомъ и ванскомъ вилайетахъ. Кромѣ этого, встрѣчается много свинца, сѣры, мрамора, мышьяка, квасцовъ, соли, азбеста и минеральныхъ водъ рѣдкой цѣлебной силы.

Но не только нѣдра земли Арменіи скрываютъ въ себѣ большія богатства,—и поверхность ея даетъ рѣдкія южныя культуры. Не говоря уже о хлѣбныхъ злакахъ, во многихъ мѣстахъ разводятся рисъ, кунжутъ, хлопокъ и табакъ. Хлопокъ хорошаго качества стоитъ на мѣстѣ 7 рублей за пудъ. Табакъ превосходнаго качества, почти единственный продуктъ, который вывозится въ значительномъ количествѣ за границу. Садоводство и огородничество даютъ необыкновенные сорта винограда, весьма вкусные и ароматные, а также миндаль. Арбузы, какъ сообщаетъ покойный А. А. Калантаръ, вѣсятъ до 3, а дыни до 2 пудовъ.

Наконецъ, лѣсамъ нѣкоторыхъ частей Арменіи свойственenъ оригинальный продуктъ, а именно манна небесная. Манна осаждается, какъ роса, на листьяхъ деревьевъ. Она бѣлаго цвѣта, и ее собираютъ, стряхивая съ деревьевъ на простыни или въ тазы и сита. Манну, сладкую на вкусъ, ѣдятъ какъ въ сыромъ, такъ и въ вареномъ видѣ.

Животноводство довольно развито въ Арменіи, и тамъ имѣются превосходныя породы овецъ и буйволовъ. Шерсть частью идетъ на мѣстное кустарное изготовленіе ковровъ, частью сбывается за границу.

Шелководство—это единственная отрасль сельскаго хозяйства, которая пользуется указаніями правительственнаго инструктора, и потому сдѣлало большіе успѣхи. Въ осталь-

номъ армянскому населенію приходится прибѣгать къ самопомощи и оно ввело въ своихъ школахъ преподаваніе сельскаго хозяйства.

Несмотря на такія природныя богатства, армянское населеніе бѣднѣе той части армянъ, которая находится въ предѣлахъ Россіи. Объясняется это необезпеченностью имущества и жизни крестьянства, которое составляетъ тамъ 90% всего армянскаго населенія, доходящаго въ Турціи до 2 милліоновъ. Курды, переходящіе въ послѣднее время отъ кочевой жизни къ осѣдлой, спускаясь съ горъ, силой оружія лишаютъ армянскихъ крестьянъ ихъ земель. Курдскіе беки, напоминающіе средневѣковыхъ феодаловъ, облагаютъ армянъ-крестьянъ тяжелыми налогами и даже превращаютъ въ рабовъ. Младотурецкое правительство, по соображеніямъ узкаго націонализма и панисламизма, смотритъ на это сквозь пальцы и даже обезоруживаетъ армянъ, чтобы они не могли оказать сопротивленія.

Единственное культурное учрежденіе турецкаго правительства — сельскохозяйственный банкъ, оставшійся отъ стараго режима, имѣющій отдѣленія и въ Арменіи, преслѣдуетъ ту же узко-націоналистическую политику, отбирая у армянскихъ крестьянъ за ничтожныя ссуды земли и надѣляя ими мусульманъ. Для турокъ сельскохозяйственный банкъ, съ его многочисленными отдѣленіями, дающими ссуды и принимающими вклады, безусловно полезенъ. Притомъ онъ приноситъ

правительству доходъ, давъ за 1910/11 годъ чистую прибыль въ 19.223,501 піастровъ. Вкладовъ онъ имѣлъ въ концѣ 1911 года на сумму въ 12.601,212 піастровъ. Ссудъ подъ обезпеченіе недвижимости было выдано за 1910/11 годъ на сумму въ 114.301,124 піастровъ 278,663 заемщикамъ. Управленіе банка бюрократическое, и его организація много уступаетъ не только нашему московскому Народному банку, но и земскимъ кассамъ мелкаго кредита. Мнѣ не удалось получить въ правленіи банка въ Константинополѣ самыхъ послѣднихъ данныхъ о немъ. Да и тѣ, которыя я здѣсь сообщаю, мнѣ весьма неохотно далъ директоръ сельскохозяйственнаго банка.

Младотурецкій режимъ безусловно является шагомъ впередъ по сравненію съ режимомъ террора Абдулъ-Гамида, но этотъ шагъ впередъ сдѣланъ не для христіанъ и не въ смыслѣ культурнаго и экономическаго развитія государства. Въ странѣ, особенно въ армянской ея части, по-прежнему царятъ бездорожье, многочисленные тяжелые налоги, частью произвольно взимаемые, недостатокъ мелкой размѣнной монеты, весьма стѣсняющій торговый оборотъ, примитивное веденіе сельскаго хозяйства, истощающее почву, бюрократическая лѣнь и взяточничество.

Роскошь и дороговизна жизни, наступившія во всѣхъ большихъ городахъ Турціи, въ особенности же въ Константинополѣ, дали

поводъ къ усиленію взяточничества. Бывшій депутатъ турецкаго парламента, Каро Бастрмаджіанъ, сражающійся теперь въ рядахъ русскихъ войскъ, показывая мнѣ въ Константинополѣ министерство общественныхъ работъ, назвалъ его «министерствомъ взятокъ».

Въ Арменіи не производится почти никакихъ общественныхъ работъ. Бездорожье царитъ тамъ страшное, и чѣмъ ближе къ русской границѣ, тѣмъ хуже. Разстояніе отъ Караурганской таможни до главнаго города Арменіи, Эрзерума, ничтожно, и будь желѣзная дорога, его можно было бы проѣхать въ нѣсколько часовъ. Теперь же на это тратится нѣсколько дней. Турецкое правительство намѣренно мѣшаетъ проведенію шоссейныхъ дорогъ къ русской границѣ, полагая, что онѣ облегчатъ вторженіе русскихъ войскъ.

Проектъ желѣзнодорожной сѣти въ Арменіи, составленный бывшимъ депутатомъ Эрзерума Бастрмаджіаномъ, послѣ долгой волокиты, былъ отвергнутъ. Младотурецкое правительство охотно даетъ концессіи только нѣмцамъ, закрывая глаза на то, какъ послѣдніе, исполняя старые завѣты экономиста Рошера, уже колонизовали Малую Азію и вовсе не считаются съ турецкими интересами.

Почтово-телеграфное сообщеніе весьма слабо обслуживаетъ интересы экономической жизни Арменіи. Посылка денежной корреспонденціи на Кавказъ еще не введена. Пря-

мого телеграфнаго сообщенія между Ваномъ и Эриванью, между Эрзерумомъ и Карсомъ не имѣется. Тарифъ на телеграммы слишкомъ высокъ, и рѣдко кто обращается къ помощи телеграфа.

Въ то время, какъ въ предѣлахъ Закавказья имѣются не только частные банки, но и кредитные кооперативы, въ Турецкой Арменіи почти нѣтъ таковыхъ. Отсутствіе торговаго и кооперативнаго денежнаго кредита весьма неблагопріятно отражается на сельскомъ хозяйствѣ и на торговлѣ, въ особенности на торговлѣ съ Россіей. Поэтому въ средѣ армянскихъ капиталистовъ, живущихъ въ Москвѣ и Петроградѣ, возникъ проектъ особаго банка, который путемъ мелкаго кредита не только поднялъ бы производительныя силы пограничныхъ съ Россіей вилайетовъ, но и развилъ бы торговыя сношенія съ Кавказомъ, Москвой и Петроградомъ. Осуществленіе этого банка нѣсколько задержалось войной, но уже извѣстно, что онъ встрѣчаетъ сочувствіе нашего правительства.

Итакъ, природныя богатства Турціи неисчислимы. Ея сельское хозяйство и при теперешнемъ примитивномъ и отчасти хищническомъ хозяйничаніи даетъ много цѣнныхъ продуктовъ. Однако, людямъ, въ особенности армянамъ, живется въ этомъ государствѣ плохо. Въ бѣдныхъ хижинахъ Арменіи мирный крестьянинъ часто трепещетъ отъ хищническихъ набѣговъ. Ни у сельскаго хозяина,

ни у ремесленника, ни у торговца нѣтъ увѣренности въ завтрашнемъ днѣ. И теперь армянскій народъ возсылаетъ свой „гласъ стенаній“ не только къ Богу, но и къ великой Россіи, освободительницѣ христіанъ.

В. Тотоміанцъ.

СВЯЩЕННИКЪ
А. СИМЕОНЬЯНЦЪ

Изъ исторіи армянской церкви

(КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ)

Основатели армянской церкви:

I.

Первые просвѣтители Арменіи — св. Ѳаддей, св. Варѳоломей и св. Григорій.

По преданію христіанство было распространено въ Арменіи уже въ I вѣкѣ, при царѣ Авгарѣ, апостолами св. Ѳаддеемъ и св. Варѳоломеемъ. Общепринятая хронологія отводитъ миссіи св. Ѳаддея восьмилѣтній періодъ—съ 35 по 43 г., а дѣятельности св. Варѳоломея шестнадцатилѣтній періодъ—съ 44 по 60 г.*). Эти апостолы были умерщвлены преемниками царя Авгара. Они называются первыми просвѣтителями Арменіи, а церковь армянская, въ связи съ культурно-просвѣтительной дѣятельностью этихъ двухъ апосто-

*) См. „Армянская Церковь", бывш. константинопольскаго патріарха М. Орманіана, 1913 г., стр. 11.

ловъ, — Апостольской. Послѣ мученической кончины обоихъ апостоловъ христіанство въ Арменіи слабѣетъ, и вновь начинаетъ усиливаться язычество; послѣдователей христіанской религіи ожесточенно преслѣдуютъ. Окончательное же обращеніе армянъ въ христіанство происходитъ при св. Григоріи Парѳянинѣ, въ 301 г.

Слѣдующимъ просвѣтителемъ былъ св. Григорій Парѳянинъ. При немъ въ 301 г. армяне, во главѣ съ царемъ, окончательно приняли христіанство. Арменія должна быть признана той страной, гдѣ христіанство впервые было провозглашено государственной религіей. Вслѣдствіе покровительства главы государства и высшей знати ученіе Христово распространяется въ Арменіи не снизу, а сверху, постепенно проникая въ народную массу.

Св. Григорій родился въ 240 г.. Его отецъ, князь Анакъ, по наущенію персидскаго царя Арташира Сасанида, убилъ армянскаго царя Хосрова. По приказу умиравшаго царя была истреблена вся семья князя Анака, спасся только мальчикъ Григорій, котораго кормилица увезла въ Кесарію Каппадокійскую, гдѣ и окрестила его и дала ему христіанское воспитаніе. 18-лѣтній юноша Григорій женился, имѣлъ двухъ сыновей, но вскорѣ мирно разошелся съ женой, ушедшей въ монастырь. Самъ же Григорій отправился въ Римъ, затѣмъ поступилъ на службу къ Тиридату,

сыну убитаго армянскаго царя Хосрова, съ намѣреніемъ искупить тяжкій грѣхъ своего отца, а по мнѣнію другихъ—съ цѣлью распространенія христіанства изъ дворца въ народъ.

Въ 287 г. Тиридатъ, при поддержкѣ римскаго императора Діоклетіана, вступилъ вторично на престолъ своего отца. Желая отблагодарить боговъ, Тиридатъ въ области Ериза, гдѣ находилась статуя богини Анаитъ, принесъ богинѣ за изгнаніе изъ родины персовъ жертву—вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ, и приказалъ членамъ своей свиты сдѣлать то же самое. Когда очередь дошла до Григорія, послѣдній отказался исполнить приказаніе царя, благодаря чему обнаружилась его принадлежность къ христіанскому вѣроисповѣданію. Послѣ жестокихъ пытокъ Григорій былъ брошенъ въ арташатскій ровъ („Хорвирапъ“), куда обычно бросали присужденныхъ къ смертной казни.

Въ арташатскомъ „Хорвирапѣ“ Григорій прожилъ около 15 лѣтъ и былъ освобожденъ по настоянію сестры царя—Хосровидухтъ. Царевна умоляла освободить Григорія, такъ какъ ей неоднократно снилось, что только молитвами Григорія исцѣлится царь Тиридатъ, въ то время тяжело заболѣвшій сильнымъ психическимъ разстройствомъ, послѣ мученической смерти 37 христіанскихъ дѣвъ, замученныхъ по приказанію царя. Среди нихъ была красавица Рипсимэ. Царь - язычникъ

захотѣлъ на ней жениться, она же отвѣтила отказомъ, чѣмъ навлекла гнѣвъ царя. Вмѣстѣ съ своими подругами она была умерщвлена въ 300 г., въ столицѣ армянскаго царя — Вагаршапатѣ.

Мольбы царевны Хосровидухтъ были услышаны: Григорій, освобожденный изъ темницы, явился къ царю Тиридату. По молитвамъ св. Григорія больной получилъ облегченіе отъ своего недуга и вмѣстѣ съ царицей, царевной, князьями и народомъ принялъ христіанство. Затѣмъ Тиридатъ вмѣстѣ съ св. Григоріемъ сталъ ѣздить по городамъ и областямъ, гдѣ, въ своемъ ревнительствѣ къ христіанской вѣрѣ, разрушалъ языческіе храмы, всюду водружая символъ христіанства—крестъ святой.

Св. Григорій въ это время былъ еще простымъ міряниномъ. Между тѣмъ новообращенная паства, равно какъ и въ другихъ церквахъ, при началѣ своей организаціонной дѣятельности, нуждалась въ умѣломъ и опытномъ руководительствѣ, что достигалось дѣятельностью духовенства. И вотъ царь Тиридатъ созываетъ соборъ для предстоящаго устроенія церкви. На этомъ соборѣ, по желанію царя и народа, св. Григорій провозглашается главой армянской церкви. Новоизбранный глава церкви ѣдетъ въ Кесарію Каппадокійскую и тамъ рукополагается архіепископомъ Леонтіемъ во епископа въ 302 г.

По возвращенiи изъ Кесарiи епископъ окрестилъ царя, его семью, приближенныхъ, князей и весь народъ армянскiй.

Въ 303 г. въ Вагаршапатѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданiю, сошелъ единый Сынъ Бога, былъ построенъ первопрестольный монастырь св. Эчмiадзинъ (Эчмiадзинъ въ переводѣ означаетъ „сошелъ Единородный"), ставшiй первенствующимъ монастыремъ въ Арменiи, центромъ духовно-культурной жизни армянскаго народа и резиденцiей армянскихъ католикосовъ (верховныхъ патрiарховъ).

Дѣятельность св. Григорiя Просвѣтителя была настолько интенсивна и многообразна, что оставила по себѣ громадный слѣдъ. Общепринятое названiе церкви — „армяно-григорiанская"—тѣсно связано именно съ этой славной культурно-просвѣтительной работой перваго Просвѣтителя Арменiи.

Св. Григорiй умеръ въ 325 г.. Его память армянская нацiональная церковь свято чтитъ до нашихъ дней и празднуетъ три раза въ году.

II.

Нерсесъ Великій.

Между преемниками св. Григорія самой выдающейся личностью является его правнукъ св. Нерсесъ I, одинъ изъ талантливыхъ и наиболѣе потрудившихся для своей паствы отцовъ армянской церкви, заслуженный духовный и политическій дѣятель IV столѣтія, любимецъ народа.

Св. Нерсесъ служилъ во дворцѣ армянскаго царя Аршака. Въ 350 г., при выборахъ на престолъ католикоса, онъ стоялъ въ качествѣ оруженосца около царя, съ царскою саблею въ рукахъ, и, какъ повѣствуетъ современный лѣтописецъ Павстосъ (Фавстъ), народъ все время настоятельно заявлялъ крикомъ, что именно Нерсесъ долженъ быть главой армянской церкви. Нерсесъ отказывался. Но вотъ царь Аршакъ, внимая мольбамъ народа, вырываетъ изъ рукъ Нерсеса саблю, приказы-

ваетъ снять съ него свѣтское одѣяніе, одѣть въ рясу и рукоположить во діакона. Вслѣдъ за этимъ Нерсесъ отправляется въ Кесарію Каппадокійскую и тамъ рукополагается въ патріархи. Такимъ образомъ, Нерсесъ Великій былъ первымъ армянскимъ католикосомъ изъ мірянъ.

Еще при св. Григоріи были основаны въ Арменіи школы, дабы сыновья князей и духовенства имѣли возможность получать христіанское воспитаніе. Но главнѣйшая роль въ проведеніи христіанскихъ принциповъ въ жизнь армянскаго народа принадлежитъ Нерсесу I. Онъ не смотрѣлъ, подобно нѣкоторымъ другимъ отцамъ церкви, сквозь пальцы на недостатки царей и князей, но смѣло и открыто укорялъ послѣднихъ за ихъ наклонности къ язычеству. Онъ болѣлъ недостатками своего народа. И уже на второй годъ по своемъ избраніи католикосомъ, въ 352 г., въ г. Аштишатѣ онъ созвалъ соборъ, на которомъ было рѣшено открыть рядъ просвѣтительныхъ учрежденій и богоугодныхъ заведеній. Таковы были, согласно лѣтописи, школы, богадѣльни, пріюты, гостиницы и постоялые дворы въ селахъ и посадахъ, устроенные для чужестранцевъ, больницы и бараки для отовсюду гонимыхъ прокаженныхъ. Тотъ же соборъ 352 года воспретилъ хоронить покойниковъ по языческому обычаю, безнадежно плакать по нимъ, носить трауръ, воспретилъ распространенные среди армянскихъ князей браки

между родными, пьянство, развратную жизнь, убійства. Соборъ предписалъ также милосердное обхожденіе со слугами, запретилъ угнетеніе народа тяжелыми податями и т. д..

Самъ католикосъ стоялъ во главѣ всего дѣла просвѣщенія армянскаго народа. Народъ въ его лицѣ видѣлъ истиннаго христіанина, всегда вѣрнаго своему долгу. Его постянно можно было видѣть то у царя, то у вліятельнаго князя, то у постели бѣднаго и страдающаго; за его столомъ сидѣли, какъ равные, князья и бѣдняки. И не даромъ народъ прозвалъ его „Общественнымъ отцомъ“ („Асаракацъ Айръ“).

Но Нерсесъ былъ не только организаторомъ армянской церкви. Онъ принималъ дѣятельное участіе и въ политической жизни Арменіи. Онъ выступалъ въ качествѣ посредника, съ одной стороны, между армянскими князьями и царями, съ другой — между царями армянскими, персидскими и греческими.

Въ эпоху Нерсеса мы впервые наблюдаемъ въ Арменіи борьбу между духовной и свѣтской властью. Царь Аршакъ старается организовать сильную центральную власть, для чего принимаетъ очень крутыя мѣры противъ армянскихъ князей, вплоть до истребленія цѣлаго ряда княжескихъ родовъ, причемъ Нерсесъ защищаетъ и отстаиваетъ права гонимыхъ князей. Но не удалось Аршаку организовать сильной, централизованной власти, этому воспрепятствовали и политическія об-

стоятельства, неблагопріятно сложившіяся для него. Въ борьбѣ съ персидскимъ царемъ Шапухомъ армянскіе князья измѣнили Аршаку, и послѣдній былъ заключенъ своимъ противникомъ въ крѣпость Анхушъ. Если Аршаку не удалось отстоять свою власть, то въ области церковной Нерсесъ добился полной самостоятельности армянской іерархіи. Такъ, согласно его рѣшенія послѣ него армянскіе католикосы перестали ѣздить въ Кесарію Каппадокійскую для рукоположенія. Съ тѣхъ поръ патріархи-католикосы рукополагаются въ самой Арменіи 12 епископами, чѣмъ устанавливается автокефальность армянской церкви.

Въ 373 г. Нерсесъ былъ отравленъ царемъ Папомъ, сыномъ Аршака. Но армянскій народъ не забылъ своего любимаго архипастыря церкви и назвалъ его „Нерсесомъ Великимъ“.

III.

Начало армянской словесности.

Слѣдующими просвѣтителями Арменіи считаются св. отцы армянской церкви Саакъ и Месропъ-Маштоцъ, изобрѣтатели армянскаго алфавита. Апостолы св. Ѳаддей, св. Варѳоломей и св. Григорій просвѣтили свѣтомъ Христовымъ душу армянскаго народа, св. Саакъ и св. Месропъ просвѣтили его умъ, открывъ предъ нимъ безконечные пути культурнаго прогресса и сдѣлавъ доступнымъ пониманію народа до того ему совершенно непонятное богослуженіе, происходившее на греческомъ и сирійскомъ языкахъ.

Если до Нерсеса Великаго армянская церковь имѣла характеръ общехристіанской церкви, а при Нерсесѣ превратилась въ автокефальную, то послѣ изобрѣтенія въ 404 г. армянскаго алфавита церковь принимаетъ особый *національный* обликъ, а армянскій

народъ, по свидѣтельству современниковъ, въ теченіе цѣлаго столѣтія по принятіи христіанства остававшійся, въ существѣ своемъ, язычникомъ, душѣ котораго ничего не говорили недоступные его пониманію тексты на чуждомъ ему языкѣ,—началъ понимать живое слово св. Евангелія и духовно утѣшеннымъ выходить изъ церкви, отнынѣ ставшей для него родной.

Такимъ образомъ, начинается кипучая дѣятельность въ Арменіи: переводится библія, писанія св. отцовъ церкви и различныя духовно-нравственныя произведенія, открываются школы, молодежь отправляется въ западные просвѣтительные центры—въ Александрію, Аѳины, Византію, Римъ.

Вотъ почему V вѣкъ въ армянской исторіи называется золотымъ вѣкомъ Арменіи. Геній армянскаго народа въ эту эпоху достигаетъ своего высшаго напряженія.

IV.

Религiозная война.

Еще до патрiарха Саака Арменiя была раздѣлена на 2 части—Персидскую и Греческую. Персидской части соотвѣтствовала приблизительно нынѣшняя Русская Арменiя, Греческой—Турецкая Арменiя. Армянскiе князья допустили крупный политическiй промахъ: возмущенные распущенностью и разнузданностью молодого царя Арташеса, они просили персидскаго царя низложить его и назначить на его мѣсто персидскаго намѣстника („Марзпана“). Напрасно мудрый патрiархъ св. Саакъ указывалъ князьямъ на пагубность ихъ шага; напрасно онъ твердилъ, что развратный Арташесъ гораздо лучше нравственнаго перса, напрасно онъ пояснялъ: „Моя больная овечка много лучше чужого здороваго звѣря; здоровье послѣдняго для насъ вреднѣе“. Князья не вняли мольбамъ

св. Саака. Персидскій царь охотно пошелъ навстрѣчу желанію армянскихъ князей. Арташесъ и вмѣстѣ съ нимъ св. Саакъ были низложены въ 428 г. Намѣстникомъ въ Арменіи былъ назначенъ персъ, а на мѣсто св. Саака—единомышленникъ князей священикъ-сиріецъ Сурмакъ. Такъ прекратилась династія аршакидовъ въ Арменіи.

Начинаются самыя тяжелыя времена для Арменіи. Царь-царей Азкертъ II, послѣ уничтоженія армянскаго царства, рѣшаетъ уничтожить въ Арменіи и христіанскую религію, принудивъ армянъ принять культъ солнца и огня. Онъ объявляетъ войну противъ дикихъ племенъ Кавказа и приказываетъ армянскимъ князьямъ съ своими войсками пойти на нихъ. Такимъ образомъ Азкертъ добился удаленія военныхъ силъ изъ Арменіи. Затѣмъ онъ назначилъ Деншапуха намѣстникомъ Арменіи и, въ цѣляхъ экономическаго обезсиленія страны, тайно приказалъ ему увеличить всѣ подати. Наконецъ, въ 449 г. онъ обнародовалъ указъ, которымъ объявилъ религію солнца и огня обязательною для всѣхъ подвластныхъ народностей. Состоявшійся вслѣдъ затѣмъ Арташатскій соборъ армянскихъ епископовъ и князей въ 450 г. постановилъ отправить посланіе персидскому царю, заявляя о своей ненарушимой вѣрности христіанству и присовокупляя къ этому: „Никто не можетъ поколебать вѣры армянскаго народа,—ни люди, ни ангелы, ни мечъ, ни вода,

ни огонь. Наши головы (дословно: шеи), ваши мечи; поступайте, какъ хотите!" Персидскій царь вызываетъ армянскихъ князей въ Персію; тамъ они притворно принимаютъ огнепоклонство, дабы вернуться въ Арменію и организовать здѣсь сопротивленіе народа. Вѣсть эта производитъ въ Арменіи ошеломляющее впечатлѣніе. Народъ вмѣстѣ съ духовенствомъ даютъ клятву до послѣдней капли крови противодѣйствовать персамъ и не щадить тѣхъ, кто посмѣетъ измѣнить родной церкви. Армяне подъ предводительствомъ своего пастыря, св. Гевонда, встрѣчаютъ притворно принявшихъ огнепоклонство князей и персовъ вооруженной силой и выгоняютъ персовъ изъ Арменіи. Князья соединяются съ возставшими и цѣлую зиму приготовляются для должнаго отпора, но часть ихъ, во главѣ съ Васакомъ Сюникскимъ, дѣйствительно, переходитъ на сторону персовъ. Оставшимся вѣрными своей религіи 66 тысячамъ армянамъ, во, главѣ съ Варданомъ Мамиконьяномъ, внукомъ св. Саака, приходится сражаться противъ болѣе, чѣмъ 200 тысячъ персовъ, и противъ своихъ родныхъ братьевъ-измѣнниковъ. 26 мая 451 г. Варданъ съ своими вѣрными сподвижниками встрѣчаетъ персовъ на Аварайрской равнинѣ около рѣки Тгмута. Цѣлый день сраженіе идетъ успѣшно для армянъ, но къ вечеру судьба измѣняетъ имъ, Варданъ падаетъ вмѣстѣ съ 1035 воинами.

Персы свободно опустошаютъ всю Арменію, но подавить протестующій духъ возмущенныхъ армянъ имъ, конечно, не удалось...

Память Вардана и легшихъ вмѣстѣ съ нимъ на берегахъ Тгмута воиновъ священна и безсмертна для всего армянскаго народа, ибо они, защищая свою церковь, тѣмъ самымъ защищали не только вѣру Христову, но и свою національную независимость, самостоятельность и честь своего народа. То была борьба духа противъ грубой физической силы, человѣческой свободной совѣсти—противъ насилія. Въ конечномъ итогѣ армяне должны были побѣдить и побѣдили: преемникъ персидскаго царя Азкерта II, царь-царей Вагаршъ, вынужденъ былъ признать справедливость требованій армянскаго народа. Онъ обнародовалъ указъ, коимъ призналъ за армянами право свободнаго исповѣданія Христовой вѣры.

Память 1036 мучениковъ армянская церковь празднуетъ въ четвергъ на масляной недѣлѣ. И этотъ день считается великимъ національнымъ праздникомъ армянъ!

V.

Характерныя черты армянской церкви.

Сущность и детали догмы армянской церкви вырисовываются къ началу VI вѣка. Въ 506 году патріархъ Бабгенъ созвалъ въ городѣ Двинѣ соборъ изъ 20 армянскихъ епископовъ и 14 князей, съ участіемъ католикоса Грузіи Гавріила, съ 23 грузинскими епископами и каспійско-албанскаго католикоса Шупахишэ и подчиненныхъ ему епископовъ. Здѣсь были приняты постановленія Эфесскаго собора и „отвергнуто все, что исходило отъ Несторія и носило на себѣ отпечатокъ его ученія, включая и постановленія Халкедонскаго собора“*). Однако, какъ указываетъ маститый ученый, бывшій константинопольскій армянскій патріархъ М. Орманіанъ, „Двинскій соборъ не зашелъ настолько далеко, чтобы принять ученіе Евтихія, имя

*) См. „Армянская церковь“, М. Орманіана, стр. 37.

котораго, въ соединенiи съ именами Арiя, Македона и Несторiя, подверглось официальному осужденiю. Таково было первое рѣшенiе армянской церкви по поводу Халкедонскаго собора. Впослѣдствiи церкви греческая и латинская признали Халкедонскiй соборъ четвертымъ вселенскимъ соборомъ. Армянская церковь не захотѣла этого компромисса, внушеннаго сображенiями, не имѣвшими ничего общаго съ богословiемъ. Она осталась непреклонной въ своемъ первоначальномъ рѣшенiи и сохранила за собой ультраконсервативное положенiе. Она поставила своей задачей отвергать всѣ догматическiя наростанiя на основахъ, заложенныхъ откровенiемъ, равно какъ и всякiя нововведенiя, могущiя поколебать вѣру первыхъ вѣковъ. Ей не могло не быть извѣстнымъ, что главнымъ двигателемъ въ Халкедонскомъ вопросѣ являлось соревнованiе патрiархатовъ греко-римскаго мiра, въ чемъ она совсѣмъ была не заинтересована. Равнымъ образомъ, армянская церковь не имѣла въ виду подчиняться волѣ константинопольскаго патрiарха, домогавшагося въ Халкедонѣ преобладанiя своего престола, опираясь для этого на всемогущую свѣтскую власть“*).

Двинскiй соборъ 506 года по своимъ послѣдствiямъ имѣлъ громадное значенiе для армянскаго народа: въ результатѣ постано-

*) См. „Армянская церковь“, М. Орманiана, стр. 37.

вленій этого собора одновременно были какъ бы предуказаны дальнѣйшіе этапы церковной и политической жизни армянскаго народа.

Настаютъ тяжелые для армянскаго народа и церкви дни. Народъ, отстаивая свою независимость, борется съ арабскимъ, вслѣдъ затѣмъ —съ греко-татаро-монгольскимъ нашествіемъ. Являясь какъ-бы пасынкомъ человѣчества, онъ выноситъ на себѣ первые удары жестокихъ завоевателей. Страницы исторіи Арменіи за этотъ періодъ написаны какъ бы кровью и слезами народа. Едва утихали удары арабскихъ властителей, какъ уже начинались гоненія со стороны греческихъ императоровъ; кончались опустошенія татарскихъ или монгольскихъ полчищъ,—начинался недостойный торгъ съ человѣческою совѣстью, — внушенный надеждою подкупить армянъ и добиться съ ихъ стороны уступокъ въ области религіозной, обѣщая имъ за это политическую и военную помощь...

Уже въ средніе вѣка, послѣ паденія армянскаго царства, армянская церковь, силою обстоятельствъ, беретъ на себя нѣкоторыя функціи свѣтской власти, являясь единственной защитницей своей паствы противъ всевозможныхъ физическихъ и духовныхъ насилій. Этимъ устанавливается наблюдаемая въ теченіе послѣдующихъ столѣтій несокрушимая связь между армянскимъ народомъ и его церковью. Происходитъ полное совпаденіе радостей и печалей народа и церкви.

И въ немногіе годы затишья и мира, выпадавшіе на долю многострадальной Арменіи, церкви и монастыри превращаются въ очаги просвѣщенія и науки.

Армянской церкви, какъ чисто національной, чужда агрессивная политика; она не знаетъ и не допускаетъ пропаганды своихъ догматовъ въ цѣляхъ совращенія въ ряды своей паствы сторонниковъ другихъ христіанскихъ церквей. Ея руководящія нормы — идея свободной совѣсти и права каждаго на свободнсе индивидуальное самоопредѣленіе.

VI.

Организація армянской церкви.

Армянская церковь сильна и живуча своимъ демократизмомъ, и армянинъ-прихожанинъ является дѣятельнымъ участникомъ въ жизни своей церкви. Армянское духовенство не представляетъ собою неограниченнаго властелина и собственника церкви, почему въ армянской церкви не существуетъ клерикализма, ибо нѣтъ духовнаго сословія съ узко-сословными интересами и антицемократическимъ направленіемъ. Армянскій народъ искони привыкъ не только быть управляемымъ, но и участвовать въ управленіи своей церкви. Народъ—тотъ живой источникъ на которомъ зиждется духовная мощь армянской церкви. „Все для народа и черезъ народъ"—таковъ девизъ армянской церкви съ самаго ея основанія. Такъ, уже въ 301 г.

основатель этой церкви, св. Григорій Просвѣтитель, провозглашается царемъ Тиридатомъ и *народомъ* главой армянской церкви. Участіе народа въ выборахъ католикоса продолжается и до нашихъ дней. Съ древнихъ временъ епархіальные начальники, кандидаты въ епископы, всѣ священники и священнослужители вплоть до низшихъ служителей армянской церкви также выбираются народомъ. Армянскій народъ издавна принимаетъ участіе и въ тѣхъ соборахъ, гдѣ рѣшаются чисто организаціонные вопросы церковной жизни. Таково, напр., было его участіе въ рядѣ національныхъ соборовъ,— въ Аштишатскомъ соборѣ 452 г., гдѣ было постановлено открыть просвѣтительныя учрежденія и богоугодныя заведенія, — въ Вагаршапатскомъ соборѣ 401 г., гдѣ разсматривался вопросъ объ изобрѣтеніи армянскаго алфавита, — въ Арташатскомъ соборѣ 449 г., гдѣ обсуждался отвѣтъ на указъ персидскаго царя Азкерта II, коимъ послѣдній объявилъ господствующей религіей всѣхъ подвластныхъ народностей культъ солнца и огня,—въ Двинскомъ соборѣ 506 г., гдѣ окончательно былъ выработанъ догматъ армянской церкви и отношеніе ея къ Халкедонскому собору, и т. п.. Такимъ образомъ, народъ принималъ участіе какъ въ законодательныхъ функціяхъ національныхъ соборовъ, такъ и въ ихъ организаціонныхъ функціяхъ.

Приходится отмѣтить, что до сихъ поръ еще недостаточно изучены въ деталяхъ функціи національныхъ соборовъ армянской церкви, время ихъ созыва, періодичность ихъ, составъ членовъ-участниковъ отъ духовенства и міряnъ. Но прочно установлена руководящая роль національныхъ соборовъ и обязательная сила ихъ постановленій для всѣхъ и мірянъ, и духовныхъ лицъ, безъ исключеній. Такъ, въ исторіи армянской церкви записаны факты, показывающіе, что глава церкви, патріархъ, долженъ былъ безпрекословно подчиняться постановленіямъ соборовъ и свою дѣятельность нормировать сообразно съ тѣми же постановленіями національныхъ соборовъ. За отступленіе отъ послѣднихъ патріархи-католикосы нерѣдко лишались престола.

Вышеотмѣченное положеніе вещей удержалось и по настоящее время въ жизни армянской церкви въ Россіи и въ Турціи, съ нѣкоторыми, иногда существенными, ограниченіями.

* * *

Въ Россіи армянская церковь управляется на основаніи *Положенія 1836 г.* (Сводъ Законовъ т. XI, ч. I, кн. III. Объ управленіи духовныхъ дѣлъ христіанъ армяно-григоріанскаго исповѣданія. Ст. 1109—1260).

Соотвѣтственно съ общимъ направленіемъ николаевскаго періода, въ „Положеніи" сильно пострадалъ демократическій духъ, а съ нимъ вмѣстѣ и выборное начало армянской церкви. Однако, громаднымъ преимуществомъ „Положенія 1836 г." является то, что имъ установлены были законныя рамки взаимоотношеній русскаго правительства и армянской церкви.

Отношеніе русскаго правительства къ армянскому народу въ дни созданія „Положенія" было очень доброжелательное. Въ Петроградѣ знали, съ какимъ энтузіазмомъ армянскій народъ принялъ русскихъ при покореніи Эриванской губерніи и первопрестольнаго монастыря св. Эчміадзина, поэтому правительство искренно желало дать армянской церкви для руководства законоположеніе, соотвѣт-

ствующее духу и древнимъ канонамъ самой армянской церкви. Таковъ былъ приказъ, выраженный въ *Высочайшемъ* манифестѣ 1829 года. Но приказъ *императора Николая I* не былъ осуществленъ въ полномъ объемѣ, причемъ немалую роль въ этомъ случаѣ сыгралъ учрежденный тогдашнимъ намѣстникомъ Кавказа, графомъ Паскевичемъ, *Тайный Комитетъ* для составленія „Положенія". Это понятно, ибо въ составѣ Комитета находились неудачно приглашенные представители отъ армянъ—князь В. Бебутовъ и архимандритъ Серобэ —оба мало знакомые съ исторіей и, въ особенности, съ духомъ армянской церкви; не могло не имѣть значенія и то обстоятельство, что архимандритъ Серобэ, раньше принадлежалъ къ армяно-католическому исповѣданію и только потомъ перешелъ въ лоно армянской національной церкви... Третій членъ Тайнаго Комитета, ученый А. Шаханъ-Чрпетянъ (Cirbied) былъ тоже армянинъ-*католикъ*; наконецъ, четвертымъ членомъ Комитета былъ кол. ас. Очкинъ—*католикъ-полякъ*! И, если въ „Положеніи 1836 г." тѣмъ не менѣе сохранены нѣкоторыя особенности армянской церкви, вытекающія изъ демократическаго духа ея, то этимъ армяне всецѣло обязаны повторному вмѣшательству *Высочайшей* власти, предписавшей пересмотрѣть проэктъ графа Паскевича и согласовать его съ канонами и древними постановленіями армянской церкви.

По „Положенію 1836 г.“ армянская церковь именуется армяно-григоріанскою. Главное управленіе церковью и высшій надзоръ за духовенствомъ ея и за точнымъ исполненіемъ правилъ и обрядовъ сего исповѣданія принадлежитъ эчміадзинскому верховному патріарху-католикосу всѣхъ армянъ (ст. 1117, 1132*).

Патріархъ-католикосъ избирается всѣмъ армянскимъ народомъ армяно-григоріанскаго вѣроисповѣданія (ст. 1118). Послѣ смерти патріарха-католикоса эчміадзинскій синодъ посылаетъ извѣстительныя о томъ грамоты во всѣ армянскія епархіи, какъ въ предѣлахъ Россіи, такъ и внѣ ея предѣловъ—въ Турцію, Персію, Индію, Америку, Европу, Египетъ, Румынію и Болгарію, и назначаетъ годичный срокъ для избранія новаго католикоса (ст. 1119).

Каждая армяно-григоріанская епархія назначаетъ двухъ депутатовъ для избранія верховнаго патріарха-католикоса—одного духовнаго, коимъ является самъ епархіальный начальникъ или назначаемое имъ духовное лицо, и одного свѣтскаго, избираемаго собра-

---

*) Кромѣ эчміадзинскаго католикосскаго престола имѣются еще, въ предѣлахъ Турціи, Сисскій и Ахтамарскій престолы. Но власть католикосовъ этихъ престоловъ ограниченная и не распространяется за предѣлы ихъ католикосства. Существуютъ также *патріаршіе* престолы въ Константинополѣ и Іерусалимѣ, но объединяющей и высшей властью является эчміадзинскій верховный патріархъ-католикосъ всѣхъ армянъ.

Св. А. С.

ніемъ делегатовъ приходскихъ церквей каждой епархіи (ст. 1120).

Въ составъ избирателей, кромѣ поименованныхъ представителей епархій, входятъ 8 членовъ эчміадзинскаго св. синода и 7 старшихъ членовъ эчміадзинской конгрегаціи (ст. 1122).

Эти депутаты (всего 129 духовныхъ и свѣтскихъ) собираются въ эчміадзинскомъ первопрестольномъ соборѣ св. Григорія Просвѣтителя и выбираютъ двухъ кандидатовъ, одинъ изъ которыхъ назначается Государемъ Императоромъ въ католикосы всѣхъ армянъ (ст. 1123—1125).

Верховному католикосу во всемъ содѣйствуетъ эчміадзинскій армяно-григоріанскій синодъ, состоящій изъ 8 членовъ: 4-хъ архіепископовъ и епископовъ и 4-хъ архимандритовъ, которые, по представленію католикоса, назначаются и увольняются Государемъ Императоромъ (ст. 1139, 1140). Эчміадзинскій армяно-григоріанскій синодъ, предсѣдателемъ коего считается патріархъ - католикосъ (ст. 1139), вѣдаетъ дѣла административныя, бракоразводныя и экономическія; онъ считается высшей инстанціей для жалобъ на консисторіи и епархіальныхъ начальниковъ. Въ чисто духовныхъ вопросахъ и догматахъ вѣры синодъ подчиняется верховному католикосу (ст. 1146).

Армяно-григоріанская церковь въ Россіи раздѣляется на епархіи, во главѣ которыхъ

стоятъ епархіальные начальники,—изъ числа архіепископовъ или епископовъ армянской церкви (ст. 1161, 1162). Епархіальные начальники назначаются Государемъ Императоромъ изъ представленныхъ верховнымъ католикосомъ двухъ кандидатовъ. Они опредѣляются и увольняются Высочайшими указами (ст. 1169). Епархіальные начальники управляютъ епархіей, рукополагаютъ священнослужителей и т. п.; имъ содѣйствуютъ консисторіи, въ составѣ 4 членовъ: архимандрита и 3 протоіереевъ или священниковъ, которыхъ назначаютъ епархіальные начальники (ст. 1183, 1184).

Для образованія армяно - григоріанскаго юношества въ наукахъ богословскихъ учреждается при эчміадзинскомъ монастырѣ духовная академія и въ каждой изъ россійскихъ армяно - григоріанскихъ епархій — духовныя семинаріи (ст. 1206). Эчміадзинская армянская духовная академія находится подъ главнымъ начальствомъ святѣйшаго патріарха-католикоса всѣхъ армянъ, духовныя же семинаріи зависятъ отъ своихъ епархіальныхъ начальствъ (ст. 1207). Семинаріи управляются утвержденными католикосомъ попечительствами изъ 12 лицъ, коихъ избираютъ епархіи. Церковно-приходскія школы армяно-григоріанскихъ епархій подчинены власти епархіальнаго начальника (ст. 1178). Эти школы управляются попечительствами, которыя из-

бираются приходами и утверждаются епархіальными начальниками.

Управленіе *имуществомъ* армяно-григоріанскихъ церквей зависитъ непосредственно отъ состоящаго при каждой изъ нихъ ктитора или старосты, который избирается на 3 года изъ числа прихожанъ. По прошествіи каждаго года церковный староста долженъ предъ общимъ собраніемъ прихожанъ представить полный отчетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ по управленію хозяйственными дѣлами церкви и, въ особенности, — познакомить съ состояніемъ кассы прихода. Онъ представляетъ потомъ этотъ отчетъ надлежащей армяно-григоріанской консисторіи (ст. 1225, 1227, 1232).

Отдѣльныя статьи „Положенія 1836 г.“ позднѣе подверглись измѣненіямъ и дополненіямъ. Изъ послѣднихъ отмѣтимъ „Временныя правила“ 19-го іюля 1874 г. и 1-го августа 1905 г., регулирующія учебное дѣло у армянъ, причемъ „Временными правилами“ кавказскаго намѣстника впервые утверждаются приходскія попечительства и вводится свѣтскій элементъ въ управленіе церковными и монастырскими имуществами.

Помимо „Положенія 1836 г.“, устанавливающаго общія нормы жизни армянской церкви въ предѣлахъ Россіи, детали жизни церкви нормируются *кондаками* (указами) патріарховъ-католикосовъ всѣхъ армянъ. Укажемъ для примѣра кондакъ католикоса Матеоса 1,

1861 г., коимъ впервые были учреждены повсемѣстно приходскія попечительства. Изъ позднѣйшихъ упомянемъ кондакъ католикоса Мкртича I Хримьяна отъ 11-го января 1907 г. Утвержденный этимъ кондакомъ „Приходскій уставъ“ резюмируетъ и приводитъ въ систему всѣ предшествовавшія распоряженія католикосовъ по вопросу о регулированіи жизни прихода. Вотъ текстъ этой статьи.

§ 17. Къ вѣдѣнію приходскаго собранія относятся нижеслѣдующія дѣла:

а) Избраніе священниковъ и священнослужителей, распредѣленіе прихожанъ по приходамъ, приглашеніе проповѣдниковъ.

б) Общее управленіе и распорядокъ жизни прихода; избраніе и удаленіе ктиторовъ, попечителей; ревизія ихъ дѣятельности, контроль и разсмотрѣніе отчетности; въ случаѣ нахожденія ихъ виновности привлеченіе къ уголовной и гражданской отвѣтственности чрезъ посредство особаго довѣреннаго.

в) Заботы объ украшеніи церкви или молельни (пріобрѣтеніе церковной утвари, укомплектованіе и содержаніе пѣвческихъ группъ и т. п.).

г) Вопросы о матеріальномъ обезпеченіи священниковъ и прочихъ служителей церкви.

д) Установленіе денежныхъ взносовъ и иныхъ обязательствъ прихожанъ.

е) Открытіе больницъ, богадѣленъ, пристанищъ и иныхъ благотворительныхъ учре-

жденій (см. „Временныя правила“ кавказскаго намѣстничества 1905 г.).

ж) Общее направленіе благотворительной дѣятельности прихода; содержаніе и контроль надъ церковными богоугодными заведеніями и выборъ попечителей, спеціально вѣдающихъ ихъ управленіе.

з) Въ случаѣ надобности, защита интересовъ прихода въ коронномъ судѣ, веденіе уголовныхъ и гражданскихъ процессовъ чрезъ посредство ктитора или иного спеціальнаго довѣреннаго.

и) Дача показаній и изъявленіе мнѣнія по вопросамъ, разсматриваемымъ и рѣшаемымъ въ различныхъ церковныхъ учрежденіяхъ, кои касаются прихода или его отдѣльныхъ членовъ—изъ духовенства и мірянъ.

і) Въ случаѣ надобности избраніе попечительскихъ комиссій, для возведенія построекъ, производства ремонта и для выполненія иныхъ порученій приходскихъ собраній.

к) Установленіе распорядка всѣхъ вообще дѣлъ прихода.

л) Избраніе делегатовъ, представителей и ихъ замѣстителей для участія отъ лица прихода въ разныхъ делегатскихъ (напр., епархіальныхъ) собраніяхъ и вообще въ различныхъ дѣлахъ, касающихся церкви.

Согласно съ древними канонами армянской церкви приходскій священникъ безъ уважительныхъ причинъ не имѣетъ права оставлять свой приходъ. Кандидаты въ священники

должны обладать опредѣленнымъ образовательнымъ цензомъ (ст. 59 Приходскаго устава). Избранные кандидаты рукополагаются епархіальнымъ начальникомъ, коему, на основаніи обычаевъ и постановленій церкви, не предоставлено права *назначенія* священнослужителей.

Правомочными прихожанами считаются лица обоего пола*), достигшія 21-лѣтняго возраста и не менѣе 6 мѣсяцевъ числящійяся въ спискахъ данной церкви или приходскихъ священниковъ (§ 2 и 9 приходскаго устава).

Изъ распоряженій каголикосовъ всѣхъ армянъ особо слѣдуетъ отмѣтить утвержденныя католикосомъ Мкртичемъ I Хримьяномъ постановленія эчміадзинскаго синода отъ 3 и 29 ноября 1904 г., коими введено обязательное медицинское освидѣтельствованіе брачущихся.

Резюмируя все вышеприведенное, мы видимъ, что „Положеніемъ 1836 г.“ за древнимъ національнымъ соборомъ армянскаго народа удержано лишь право избранія кандидатовъ на престолъ католикоса всѣхъ армянъ, такъ что для урегулированія жизни церкви, сообразно съ требованіями времени, для выработки новыхъ устоевъ національной жизни—національный соборъ армянъ въ предѣлахъ Русской Арменіи не функціонируетъ. Но слѣдуетъ указать, что и „Положеніе“ обязываетъ

*) Въ виду отсутствія для этого санкціи въ русскихъ законахъ, избирательныя права лицъ женскаго пола были позднѣе отмѣнены.

избранника народа, верховнаго патріарха-католикоса всѣхъ армянъ, руководствоваться древними постановленіями армянской церкви, каковыя, какъ мы уже видѣли, закрѣплены національными соборами. Соотвѣтствующій текстъ „Положенія" гласитъ:

«*Руководствуясь древними постановленіями армяно-григоріанской церкви* *) и внявъ предварительно мнѣнію эчміадзинскаго синода сего исповѣданія, патріархъ рѣшаетъ окончательно всѣ чисто духовныя дѣла, касающіяся догматовъ вѣры, отправленія богослуженія и т. п." (Св. Зак. т. XI, ч. I, ст. 1132).

„Патріархъ эчміадзинскій, какъ главный духовный пастырь гайканскаго народа, посвящаетъ епархіальныхъ начальниковъ и всѣхъ прочихъ епископовъ армяно-григоріанской церкви, *наблюдая при семъ, согласно съ древними ея правилами* **), чтобы число епископовъ, не имѣющихъ епархій, не было увеличиваемо безъ явной въ томъ надобности" (ст. 1131).

„*Согласно съ правилами церкви армяно-григоріанской* верховный патріархъ-католикосъ ея имѣетъ постоянное пребываніе въ эчміадзинскомъ монастырѣ" (ст. 1136).

Такимъ образомъ, „Положеніемъ" не поколеблена обязательная сила постановленій древнихъ національныхъ соборовъ армянской церкви.

---

*) и **) Курсивъ нашъ.

Св. А. С.

Попытки возстановленія нѣкоторыхъ функцій національныхъ соборовъ въ лицѣ центральнаго совѣта представителей армяно-григоріанскихъ епархій, а также въ лицѣ епархіальныхъ съѣздовъ, были сдѣланы католикосами Мкртичемъ I Хримьяномъ въ 1906 г. и Матеосомъ II Измирляномъ въ 1910 г.. Эти позднѣйшія попытки католикосовъ всѣхъ армянъ были бы излишни, если бы „Положеніе" было редактировано согласно съ точнымъ смысломъ указа императора Николая I, т. е. если бы были соблюдены древніе каноны и обычаи армянской церкви. Конечно, многое въ этомъ отношеніи приходится отнести и на долю общей политики николаевскаго періода.

* * *

Болѣе благопріятную почву древніе каноны и демократическій духъ армянской церкви встрѣчаютъ въ „*Регламентѣ*“ турецкихъ армянъ, относящемся къ 1863 г.. Основы этого „Регламента“ мы приведемъ въ авторитетномъ освѣщеніи архіепископа М. Орманіана*).

„Избраніе ординарныхъ главъ епархій принадлежитъ въ Турціи епархіальнымъ совѣтамъ, въ которыхъ $^6/_7$ членовъ міряне и только $^1/_7$ духовныя лица“. Таковъ именно духъ древняго и общаго канона церкви. „Между тѣмъ, русское „Положеніе“, не исключая вмѣшательства свѣтскихъ лицъ, оставляетъ за Императоромъ всероссійскимъ ихъ окончательное утвержденіе, послѣ представленія католикосомъ двухъ кандидатовъ. Если бы принимали въ расчетъ аналогію, какая существуетъ между избраніемъ католикоса и епископовъ, то выборъ кандидатовъ должно было бы предоставить уполномоченнымъ отъ епархіи...

---

*) Цитируемъ по не совсѣмъ удачному русскому переводу 1913 г.

„Армянскіе патріархи константинопольскій и іерусалимскій выбираются народнымъ собраніемъ столицы, въ которомъ 6/7 членовъ принадлежитъ свѣтскому элементу. Сисскій и ахтамарскій католикосы избираются выборными совѣтами, составленными наполовину изъ мірянъ. Такимъ образомъ, уже изъ этихъ примѣровъ видно, насколько вліяніе этихъ послѣднихъ преобладаетъ при назначеніяхъ духовныхъ лицъ.

„Не менѣе дѣйствительно участіе мірянъ въ церковныхъ соборахъ. Хотя оно и облекается въ различныя формы, сообразно съ законами и обычаями странъ, въ которыхъ живутъ армяне, тѣмъ не менѣе вездѣ остается неприкосновеннымъ господствующій принципъ свѣтскаго вмѣшательства. Въ Турціи каждая церковь управляется эфоріей *(тахакань)*, всецѣло составленной изъ мірянъ, выбранныхъ приходомъ. На эфорію возложено управленіе церковью, завѣдываніе школою и внутренними дѣлами общины. Дѣятельность эфоріи контролируется епархіальнымъ совѣтомъ *(тнтесаканъ)*, составленнымъ изъ мірянъ и имѣющимъ значеніе фискальнаго органа. Русское правительство допускаетъ существованіе эфоровъ, но епархіальные совѣты оно упразднило. Полномочія этихъ послѣднихъ перешли къ синоду и къ консисторіямъ, составленнымъ изъ духовныхъ лицъ.

„Разсмотримъ теперь, въ какой мѣрѣ свѣтскій элементъ участвуетъ въ общемъ

управленіи народными дѣлами спеціально въ Турціи. Это участіе—древняго происхожденія. Оно возникло не только съ учрежденіемъ патріаршества, но существуетъ съ основанія самой церкви. Въ 1860 г. оно подверглось преобразованію, вслѣдъ за изданіемъ *Сахманадрутюна* (Регламентъ или Конституція), одобреннаго турецкимъ правительствомъ въ 1863 г.. Въ силу этой конституціи высшее управленіе дѣлами ввѣрено народному собранію, облеченному властью законодательной и контролирующей, и двумъ совѣтамъ, духовному и гражданскому, которымъ присвоена исполнительная власть и которые помогаютъ патріарху въ его административныхъ функціяхъ. Эти совѣты, въ свою очередь, пользуются содѣйствіемъ нѣсколькихъ комиссій, учрежденныхъ, чтобы заниматься, каждая особо, вопросами, касающимися споровъ между супругами, народнымъ просвѣщеніемъ, завѣдываніемъ финансами, завѣщаніями, монастырями и центральнымъ органомъ благотворительности или армянскимъ народнымъ госпиталемъ. Народное собраніе состоитъ изъ ста сорока членовъ, среди которыхъ $^6/_7$ міряне, избранные голосованіемъ. Въ гражданскомъ совѣтѣ участвуетъ 14 мірянъ, а въ духовномъ столько же духовныхъ лицъ всѣхъ степеней, безбрачныхъ или женатыхъ. Что же касается обоихъ совѣтовъ, они выбираются непосредственно собраніемъ; слитые воедино, они образуютъ смѣшанный совѣтъ, прости-

рающій свои полномочія на всѣ отрасли управленія. Духовныя дѣла зависятъ отъ духовнаго совѣта; другія же, какъ финансы и народное просвѣщеніе, зависятъ отъ гражданскаго. Оба дѣйствуютъ порознь. Каждая комиссія состоитъ изъ 7 членовъ; тѣ, которые завѣдуютъ обученіемъ, имущественной частью и госпиталемъ или центральнымъ органомъ благотворительности, всецѣло составлены изъ мірянъ; въ тѣхъ же комиссіяхъ, которыя завѣдуютъ завѣщаніями и монастырями, они лишь имѣютъ большинство. Комиссія, вѣдающая судебныя дѣла, состоитъ изъ 8 членовъ, наполовину мірянъ. Полномочія народнаго собранія сводятся, главнымъ образомъ, къ избранію патріарховъ и совѣтовъ, вотуму бюджета и текущихъ расходовъ, выработкѣ спеціальныхъ регламентовъ и устраненію конфликтовъ между органами власти и всякихъ возникающихъ осложненій. Прибавимъ мимоходомъ, что конституція армянскаго народа выработала прямой налогъ, которымъ обложено каждое частное лицо, занимающее обезпеченное положеніе, и что право голосованія обусловлено взносомъ этого налога. Суммы, полученныя такимъ образомъ, поступаютъ въ патріаршую кассу.

„Въ Турціи епархіальное управленіе въ точности воспроизводитъ центральное управленіе патріаршества. Оно мѣняется сообразно съ значеніемъ и размѣрами епархіи. Число членовъ общихъ епархіальныхъ совѣтовъ ко-

леблется въ предѣлахъ отъ 21 до 70, не превышая 6/7 отъ мірянъ. Такъ же обстоитъ дѣло въ совѣтахъ и комиссіяхъ...

„Въ Россіи свѣтскій элементъ не вноситъ никакого контроля въ управленіе епархій. Синодъ католикоса и епархіальныя консисторіи, гдѣ участвуютъ только духовныя лица, въ русской армянской церкви надѣлены строго духовными полномочіями... Русское правительство не сочло нужнымъ надѣлить армянъ преимуществами, которыя были имъ даны турецкими султанами.

„Епархіи Египта, Румыніи и Болгаріи, зависимыя отъ константинопольскаго патріарха, усвоили себѣ административныя формы этого послѣдняго въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ онѣ совмѣстимы съ законами страны. Епархіи Персіи, Европы и Америки, подчиненныя эчміадзинскому престолу, сообразуются съ кавказскими обычаями*)".

Изъ сопоставленія вышеприведенныхъ указаній архіепископа М. Орманіана съ нормами, введенными „Положеніемъ 1836 г.", съ одной стороны, и съ историческимъ прошлымъ армянской церкви — съ другой, ясно, что „Положеніе", регулирующее жизнь армянской церкви въ предѣлахъ Россіи, нуждается въ цѣломъ рядѣ принципіальныхъ поправокъ, въ видахъ возвращенія къ демократическимъ устоямъ армянской церкви. Гайканскій на-

---

*) „Армянская церковь" бывш. патр. М. Орманіана, стр. 135—138.

родъ въ теченіе столѣтій не разъ давалъ доказательства лойяльности своихъ гражданскихъ чаяній. Настоящіе кровавые историческіе дни принесли повторное подтвержденіе глубокой преданности сыновъ Арменіи Россійскому Престолу и народу.

Когда умолкнетъ оглушительный ревъ войны, и настанетъ пора сознательной переоцѣнки цѣнностей, надо надѣяться, взойдетъ заря и надъ многострадальнымъ армянскимъ народомъ, въ глубинѣ души столь привязаннымъ къ родной церкви, въ ея историческихъ устояхъ почерпающимъ нравственные импульсы для служенія прогрессу и для національнаго строительства.

Свящ. **А. Симеоньянцъ.**

С. Г. КАРА-МУРЗА

Армяне въ искусствѣ

Армяне въ искусствѣ.

Въ свое время, когда будетъ написана исторія армянскаго искусства, когда армянская художественная мысль дождется своего изслѣдователя, располагающаго всѣми необходимыми матеріалами для исторіи, обнаружится и идеологія искусства армянъ, выяснится, каковы были его историческіе пути и художественныя тенденціи. Къ чему направлены эстетическія идеи армянскихъ художниковъ? Къ тому ли, чтобы выявить въ творчествѣ характерныя особенности національной стихіи и раскрыть основныя свойства армянскаго народнаго духа, или къ тому, чтобы претворить въ художественныхъ созданіяхъ общеэстетическіе лозунги эпохи, будь то продукты восточнаго искусства или идеалы западной культуры? Нашъ очеркъ не имѣетъ въ виду разрѣшенія подобныхъ вопросовъ.

Мы попытаемся лишь дать краткую характеристику нѣкоторыхъ, наиболѣе одаренныхъ художниковъ-армянъ, дѣятельность которыхъ внесла замѣтную, оригинальную струю въ общее русло армянскаго искусства.

Какъ одна изъ наиболѣе яркихъ національностей индо-европейской группы народовъ, армяне издавна отличались живымъ воображеніемъ и склонностью къ творческой фантазіи, и зачатки армянскаго искусства восходятъ, какъ извѣстно, ко временамъ средневѣковой Арменіи, основавшейся на отрогахъ Алагёза, бѣлѣющаго своей снѣжной вершиной, и существовавшей на порогѣ двухъ міровъ, христіанскаго и мусульманскаго. Рѣдкостнымъ по своему художественному значенію историческимъ памятникомъ той эпохи служитъ городъ Ани, развалины котораго покоятся подъ буграми земли, въ грудахъ камней, на берегу рѣки Арпа-чая. Стѣны дворца Ани, покрытыя изумительными по красотѣ орнаментами и безукоризненно исполненною мозаикой, свидѣтельствуютъ о тонкости вкуса и мастерствѣ работы, отличавшихъ безвѣстныхъ художниковъ, строителей зданій въ Ани. Соборъ Богоматери и въ особенности его внутренній видъ, церковь св. Григорія Просвѣтителя и величавый куполъ храма Спасителя говорятъ о томъ, на какой высотѣ стояло въ ту пору армянское зодчество, и какъ изысканно познавались архитекторами и художниками того времени декоративныя

и живописныя задачи въ монументальномъ строительствѣ.

Кто были эти безвѣстные художники рѣзца, одаренные острымъ чувствомъ рисунка, чуткимъ пониманіемъ прелести орнаментики, поэзіи арабесокъ? Къ сожалѣнію, большинство именъ этихъ строителей и художниковъ, трудившихся въ Ани, осталось неизвѣстнымъ для потомства, но одно изъ нихъ—имя Саркиса Фаршика—сохранило намъ время: оно начертано на стѣнѣ лучшаго изъ зданій въ Ани, храма Спасителя, построеннаго въ 1036 году княземъ Пахлавуни. Повидимому, это былъ авторъ фресокъ, украшающихъ алтарную нишу и стѣны этого круглаго, многограннаго храма.

Исторія города Ани въ извѣстной мѣрѣ уже разработана въ трудахъ французскаго ученаго Броссе и англичанина Ушера, нашихъ изслѣдователей І. А. Орбели и В. В. Бартольда и, главнымъ образомъ, академика Н. Я. Марра, который уже 14 лѣтъ производитъ обширныя работы по раскопкамъ и изслѣдованію памятниковъ Ани. Интересный очеркъ объ Ани написанъ также Н. Окуневымъ („Старые Годы", октябрь 1912 г.).

Мотивы армянской архитектуры давно уже служатъ серьезнымъ показателемъ того, какъ высока была культура армянъ въ X и XI вѣкѣ, до нашествія монголовъ. Въ эту эпоху армяне пріобрѣли на всемъ Востокѣ славу наиболѣе искусныхъ зодчихъ, и, когда въ Константинополѣ въ 989 году землетрясеніе повредило

куполъ св. Софіи, то для возстановленія его былъ призванъ знаменитый архитекторъ-армянинъ Трдатъ (Ch. Diehl: „Manuel d'art Byzantin“. Paris, 1910). Имъ же былъ выстроенъ самый обширный изъ храмовъ Ани, — каѳедральный соборъ со стрѣльчатыми сводами.

Такъ подъ счастливымъ знакомъ вдохновенной дѣятельности двухъ выдающихся художниковъ, Фаршика и Трдата (Тиридата), родилась исторія пластическаго искусства армянъ, архитектуры, живописи и скульптуры. Но, какъ это нерѣдко наблюдается въ исторіи искусствъ, эпохи художественнаго расцвѣта въ жизни народовъ, подъ вліяніемъ того или иного историческаго фактора, внезапно пресѣкаются, и эстетическое творчество націи, надолго, иногда на многіе вѣка, замираетъ. Такая судьба постигла и армянское искусство: въ серединѣ XIII вѣка, вмѣстѣ съ нашествіемъ монголовъ и покореніемъ врагами крупнѣйшихъ армянскихъ городовъ того времени — Карса, Багарана, Ширакавана, Вагаршапата, Ани и др., надолго погасла и художественная производительность армянъ, —и возродилась лишь черезъ шесть столѣтій, въ серединѣ XIX вѣка. До этого времени она таилась лишь въ тиши монастырей и выражалась въ иконописи и въ миніатюрахъ.

Первымъ, кто высоко поднялъ репутацію армянскаго художника въ исторіи новѣйшаго времени, былъ знаменитый маринистъ Иванъ Константиновичъ Айвазовскій, яркій, много-

красочный изобразитель водяной стихіи, изысканный поэтъ моря. Родину свою, городъ Ѳеодосію, художникъ прославилъ во множествѣ своихъ вдохновенныхъ полотенъ, очаровательныхъ по краскамъ и общему колориту. Айвазовскій за свою жизнь написалъ пейзажи всѣхъ морей Европы, но съ наибольшей нѣжностью, съ преданной любовью и восхищеніемъ красотами воды художникъ творилъ картины, изображавшія черноморскіе виды. Сынъ разорившагося и впавшаго въ крайнюю бѣдность армянскаго купца, братъ армяно-григоріанскаго архіепископа, раньше—члена венеціанской армяно-католической общины мхитаристовъ, Айвазовскій пріобрѣлъ всемірную извѣстность и въ продолженіе цѣлыхъ шестидесяти лѣтъ пользовался неувядаемой художественной славой. Въ лицѣ Айвазовскаго мы имѣемъ дарованіе, быть можетъ, случайно проявившееся въ живописи; при другихъ обстоятельствахъ оно могло бы обнаружиться и въ музыкѣ, или въ какой-либо другой отрасли искусства. Айвазовскій самоучкой выучился рисовать и играть на скрипкѣ; музыкальность исполненія его была такова, что М. И. Глинка сообщаетъ въ своихъ запискахъ о томъ, какъ Айвазовскій своей прекрасной игрой на скрипкѣ вдохновлялъ композитора. Со словъ самого Глинки извѣстно, что художникъ сыгралъ огнажды композитору три татарскихъ мотива; „впослѣдствіи два изъ нихъ, пишетъ Глинка, я употребилъ для

лезгинки, а третій для andante сцены Ратмира въ третьемъ актѣ „Руслана и Людмилы“.

Первое участіе въ малолѣтнемъ художникѣ принялъ бывшій въ то время таврическимъ губернаторомъ А. И. Казначеевъ, опредѣлившій мальчика въ симферопольскую гимназію, а впослѣдствіи въ академію художествъ, гдѣ Айвазовскаго принялъ подъ свое высокое покровительство императоръ Николай I. Первая же самостоятельная картина мариниста „Этюдъ воздуха надъ моремъ“ была пріобрѣтена государемъ для Зимняго дворца, а самъ художникъ былъ назначенъ сопровождать въ морскомъ практическомъ плаваніи по Финскому заливу великаго князя Константина Николаевича. Въ Петербургѣ Айвазовскій былъ знакомъ съ такими выдающимися лицами, какъ поэтъ В. А. Жуковскій, баснописецъ И. А. Крыловъ; подружился съ знаменитымъ художникомъ К. П. Брюлловымъ, былъ представленъ А. С. Пушкину. Годы 1840—42 Айвазовскій провелъ за границей: жилъ въ Римѣ, Венеціи, Флоренціи, Амальфи, Сорренто, близко сошелся съ Боткинымъ и Панаевымъ; сблизился съ Гоголемъ и вмѣстѣ съ нимъ изъ Рима поѣхалъ во Флоренцію; завязалъ дружескія сношенія съ знаменитымъ художникомъ Ивановымъ и Торвальдсеномъ. Изъ Италіи Айвазовскій два раза ѣздилъ въ Парижъ, оттуда въ Лондонъ и Мадридъ. Проѣхавъ до Гибралтара, онъ сѣлъ на корабль и поплылъ по Средиземному морю, чтобы

писать виды Греціи и константинопольскихъ окрестностей. О томъ, какъ великъ былъ успѣхъ Айвазовскаго въ Италіи, свидѣтельствуетъ слѣдующая выдержка изъ „Художественной Газеты“ (1841 г., № 11). „Въ Римѣ и Неаполѣ всѣ говорятъ о картинахъ Айвазовскаго. Въ Неаполѣ такъ полюбили нашего художника, что домъ его цѣлый день наполненъ посѣтителями; вельможи, поэты, ученые, художники, туристы наперерывъ ласкаютъ его, угощаютъ и, воспѣвая въ стихахъ, признаютъ въ немъ генія. Даже король Неаполитанскій изъявилъ желаніе, чрезъ нашего посланника Гурьева, увидѣть художника и его чудесныя картины“. Въ 1843 году художникъ выставилъ свои произведенія въ Парижѣ и былъ награжденъ отъ французской академіи медалью. Изъ Парижа Айвазовскій отправился въ Англію, откуда на пароходѣ проѣхалъ въ Португалію и Испанію. Плаваніе по Атлантическому океану обогатило запасъ впечатлѣній мариниста новыми данными. Посѣтивъ Лиссабонъ, Мадридъ, Гренаду, Севилью, Малагу, Кадиксъ и Гибралтаръ, И. К. написалъ большое количество эскизовъ. Въ 1857 г. Айвазовскій выставилъ въ Парижѣ картину „Четыре богатства Россіи“, за что получилъ отъ французскаго правительства орденъ Почетнаго легіона. Въ 1868 г. Айвазовскій посѣтилъ Кавказъ; въ слѣдующемъ году былъ уже въ Египтѣ, чтобы присутствовать при открытіи Суэзскаго канала. Зимой 1873 г. Айва-

зовскій съ выдающимся успѣхомъ устроилъ выставку своихъ картинъ въ Ниццѣ, а затѣмъ во Флоренціи. На слѣдующій годъ онъ, по приглашенію султана Абдулъ-Азиза, посѣтилъ Константинополь.

Указать всѣ выставки, организованныя художникомъ внутри Россіи, было бы невозможно: онѣ устраивались ежегодно въ разныхъ городахъ имперіи. Отмѣтимъ лишь выставку картинъ въ Петербургѣ въ ноябрѣ 1877 г., открытую художникомъ въ пользу раненыхъ и больныхъ воиновъ. Здѣсь впервые экспонировалась извѣстная символическая картина Айвазовскаго „Знаменія времени", аллегорически изображавшая многовѣковую борьбу Запада съ Востокомъ, христіанства съ язычествомъ. По поводу этой картины поэтъ Аполлонъ Майковъ написалъ свое извѣстное стихотвореніе: „Воздушный этотъ крестъ — ты понялъ — онъ всегда, съ таинственныхъ высотъ сіялъ надъ нами". Въ 1878—80 г. Айвазовскій былъ снова въ Голландіи и Италіи; въ Генуѣ, на401 родинѣ Христофора Колумба, онъ тщательно собиралъ матеріалы для серіи картинъ, посвященныхъ жизни Колумба. Въ 1881 г. художникъ посѣтилъ Смирну и Грецію. Умеръ И. К. Айвазовскій 19 апрѣля 1900 года, 83 лѣтъ отъ роду, сохранивъ до конца своихъ дней бодрость духа, энергію и свѣжесть художественнаго вдохновенія.

Куда бы ни пріѣзжалъ Айвазовскій, всюду онъ бывалъ занятъ своими наблюденіями надъ стихіей, и впослѣдствіи воспроизводилъ въ своихъ картинахъ тотъ или иной характерный морской пейзажъ, свѣтовой эффектъ, или какое-либо красочное пятно. Большинство своихъ картинъ Айвазовскій писалъ не съ натуры, а на память. Вотъ что о способахъ своего творчества сообщаетъ намъ въ своихъ запискахъ самъ художникъ. „Удаленіе отъ мѣстности, изображаемой на моей картинѣ, заставляетъ лишь явственнѣе и живѣе выступать всякой ея подробности въ моемъ воображеніи. Въ Крыму я пишу виды балтійскаго побережья, лѣтомъ—пейзажи зимніе, въ пасмурные дни—ясное, безоблачное небо съ восходомъ солнца. Вдохновленный видомъ живописной мѣстности при эффектномъ ея освѣщеніи, либо какимъ-нибудь моментомъ бури, я сохраняю воспоминаніе о нихъ многіе годы. Бурю, видѣнную мною у береговъ Италіи, я на моей картинѣ переношу на какую-нибудь мѣстность Крыма или Кавказа; лучемъ луны, отражавшимся въ Босфорѣ, я освѣщаю твердыни Севастополя. Таково свойство моей кисти и характерная особенность моей художественной складки“ (И. К. Айвазовскій. Изд. Ф. И. Булгакова. 1901, стр. 26).

Таланту Айвазовскаго была присуща необыкновенная быстрота работы. По собственному признанію художника имъ написано болѣе шести тысячъ картинъ.

Сравнивая произведенія Айвазовскаго съ картинами извѣстнаго мариниста Таннера, знаменитаго пейзажиста французской школы Теодора Гюдена и даровитаго Судковскаго, нельзя не замѣтить, какое разнообразіе мотивовъ въ маринахъ нашего художника, какъ зорокъ его художническій глазъ, какъ тонокъ и отчетливъ рисунокъ.

Интересенъ отзывъ объ Айвазовскомъ А. П. Чехова въ письмѣ къ сестрѣ отъ 22 іюля 1888 г.: „Вчера я ѣздилъ въ Шахъ-Мамай, имѣніе Айвазовскаго, за 25 верстъ отъ Ѳеодосіи. Имѣніе роскошное, нѣсколько сказочное; такія имѣнія, вѣроятно, можно видѣть въ Персіи. Самъ Айвазовскій, бодрый старикъ лѣтъ 75... натура сложная и достойная вниманія. Въ себѣ въ одномъ онъ совмѣщаетъ и генерала, и архіерея, и художника, и армянина, и наивнаго дѣда, и Отелло. Женатъ на молодой и очень красивой женщинѣ, которую держитъ въ ежахъ. Знакомъ съ султанами, шахами и эмирами. Писалъ вмѣстѣ съ Глинкой „Руслана и Людмилу". Былъ пріятелемъ Пушкина"...

Айвазовскій, какъ художникъ моря, породилъ въ армянскомъ искусствѣ цѣлую школу маринистовъ, къ которой принадлежатъ Эммануэлъ Магдесіанъ, Георгій Башинджагіанъ и Варданъ Махохіанъ; впрочемъ, послѣдняго можно причислить къ школѣ Айвазовскаго лишь отчасти, такъ какъ его дарованіе развивалось и подъ иными вліяніями.

Самымъ вѣрнымъ ученикомъ и подражателемъ Айвазовскаго слѣдуетъ признать Э. Магдесіана, который, родившись и работая въ Крыму, постоянно имѣлъ передъ собою образъ выдающагося армянскаго художника и манеру его письма. Магдесіанъ родился въ 1857 г. въ г. Армянскѣ Таврической губ., воспитывался въ академіи художествъ и, начиная съ 1866 г., выставлялъ свои произведенія у передвижниковъ. Вниманіе критики обратила картина Магдесіана „Ожидающіе спасенія", въ которой сильно и захватывающе переданъ напряженный и жуткій драматизмъ обреченныхъ на гибель послѣ кораблекрушенія моряковъ. Съ большимъ техническимъ мастерствомъ былъ написанъ Магдесіаномъ лунный пейзажъ „Адаллары". Въ 1895 г. художникъ, навсегда поселившись въ г. Симферополѣ, устроилъ тамъ при своей студіи особую галлерею своихъ картинъ, которая охотно посѣщалась горожанами. При отсутствіи лиризма и особыхъ элегическихъ настроеній въ своихъ работахъ, чѣмъ такъ плѣнительны пейзажи Айвазовскаго, Магдесіанъ все же достигъ въ своемъ искусствѣ значительнаго внѣшняго совершенства.

Болѣе самостоятеленъ и оригиналенъ въ своихъ пейзажныхъ композиціяхъ Г. З. Башинджагіанъ. Художникъ родился въ 1857 г. въ уѣздномъ городѣ Сигнахѣ Тифлисской губ., въ купеческой семьѣ. Свое художественное дарованіе онъ унаслѣдовалъ, очевидно, отъ

отца, писавшаго стихи. Впервые способности къ рисованію обнаружилъ въ юномъ Башинджагіанѣ тифлисскій губернаторъ Орловскій, опредѣлившій мальчика въ рисовальную школу при кавказскомъ художественномъ обществѣ. Высшее образованіе Башинджагіанъ завершилъ въ академіи художествъ подъ руководствомъ профессора пейзажной живописи барона М. К. Клодта. Наиболѣе сильное впечатлѣніе въ дѣтствѣ произвели на художника двѣ картины Айвазовскаго: „Видъ Петербурга“ и „Гунибъ“. Извѣстное вліяніе на творчество художника имѣли также произведенія Куинджи. Въ 1884 г. Башинджагіанъ совершилъ путешествіе по Италіи, а въ 1900 г. поселился въ Парижѣ. Тамъ подъ вліяніемъ европейскихъ художниковъ созрѣла и усовершенствовалась манера письма художника; онъ сумѣлъ избавиться отъ условностей академическаго пейзажа и найти свою собственную, индивидуальную складку въ трактовкѣ реальнаго ландшафта, которому художникъ всегда старается придать романтическій оттѣнокъ; такъ же, какъ и Айвазовскій, художникъ пишетъ свои картины не съ натуры, а по памяти. Изъ картинъ Башинджагіана пользуются извѣстностью: „Ночь въ окрестностяхъ Тифлиса“, „Араратъ“, „Зима въ армянской деревнѣ“, „Домикъ поэта Абовьяна“ и др.. Художнику особенно удается зимній пейзажъ, передача морознаго воздуха и разнообразныхъ снѣжныхъ эффектовъ.

Произведенія В. Махохіана отмѣчены печатью высокой талантливости и цѣнимы не столько у себя на родинѣ, сколько заграницей и главнымъ образомъ—въ Германіи. Урожeнецъ Турецкой Арменіи, г. Трапезунда, Махохіанъ, которому въ настоящее время 43 года, живетъ постоянно въ Берлинѣ, гдѣ имѣетъ двѣ студіи. Извѣстенъ одинъ эпизодъ изъ жизни художника, въ свое время отмѣченный европейской печатью. Работая однажды на воздухѣ въ сильный морозъ въ окрестностяхъ Берлина, онъ такъ увлекся своимъ этюдомъ, что не замѣтилъ, какъ руки и ноги его коченѣютъ, и онъ начинаетъ замерзать; художникъ уже лежалъ безъ чувствъ, когда его подобралъ случайный прохожій и привезъ въ городъ. Здѣсь Махохіанъ слегъ въ постель и едва не умеръ отъ сильной простуды. Изъ Германіи художникъ всегда предпринимаетъ путешествія въ Италію, Францію, Бельгію, Швейцарію, Голландію, Швецію, Норвегію и Россію. Его произведенія отличаются тонкой артистичностью исполненія, благородной простотой и прелестью непосредственнаго воспріятія природы. Нѣкоторые изъ итальянскихъ критиковъ ставятъ марины Махохіана даже выше композицій Айвазовскаго. Величественную картину представляетъ собой полотно Махохіана „Буря у кавказскихъ береговъ“; необыкновенно вѣрно и красиво схваченъ здѣсь художникомъ моментъ разъярившейся стихіи. Колоссальный прибой бу-

шующихъ волнъ съ миріадами брызгъ разбивается о прибрежныя скалы и гонитъ изъ ихъ ущелій бѣлую стаю испуганныхъ чаекъ. Не менѣе яркое впечатлѣніе производитъ картина „Рожденіе луны“. Это—очаровательный вечерній пейзажъ, исполненный нѣжной поэтической прелести. Нѣкоторыя произведенія Махохіана, какъ напр., „Пріютъ отшельника“, благодаря присущей имъ своеобразной мистикѣ, страннымъ образомъ напоминаютъ картины Бёклина.

Одинъ изъ популярныхъ, хорошо знакомыхъ и русскому обществу, армянскихъ художниковъ—Вардкесъ Суреньянцъ, сынъ популярнаго въ свое время въ московской армянской колоніи священника и проповѣдника, завершившій свое художественное образованіе за границей и постоянно экспонирующій свои произведенія на выставкахъ Москвы и Петрограда. Къ сожалѣнію, въ послѣдніе годы художникъ (онъ родился въ 1860 г.) слишкомъ много времени и труда отдаетъ декоративной живописи, работая для петроградскихъ императорскихъ театровъ, и все рѣже возвращается къ мольберту. Давно уже оторванный отъ родины и проживая въ столицахъ Россіи, онъ въ творчествѣ своемъ остается вѣрнымъ сыномъ родного народа и въ душѣ своей лелѣетъ мечту объ отчизнѣ и ея красотахъ. Пестрый восточный колоритъ присущъ всѣмъ картинамъ Суреньянца; его полотна проникнуты подлиннымъ оріентальнымъ духомъ, въ

нихъ чувствуется какая-то углубленная зоркость, улавливающая самые затаенные элементы, характерные для восточнаго стиля. Суреньянцъ питаетъ особую любовь къ орнаменту, и тамъ, гдѣ онъ даетъ просторъ своему пристрастію къ арабескамъ, его орнаментація по тщательности рисунка ничуть не уступаетъ мастерству Верещагина, сказавшемуся, напримѣръ, въ „Дверяхъ Тамерлана". Суреньянцъ любитъ писать жанровыя сцены изъ армянской жизни, ему очень удаются солнечные блики на смугломъ тѣлѣ красивой армянки, причудливые рисунки кавказскаго ковра, живописныя складки на восточныхъ одѣяніяхъ. Большимъ успѣхомъ въ свое время пользовались картины Суреньянца „Ара красавецъ и Семирамида", „Торжество въ Эчміадзинѣ", „Монастырь" и др.. Совершенно особнякомъ стоятъ работы Суреньянца по иллюстрированію Пушкинскаго „Бахчисарайскаго фонтана" (этому же художнику принадлежатъ и иллюстраціи къ нѣкоторымъ другимъ изданіямъ). Ихъ значеніе давно уже признано русскою критикой.

Подъ нѣкоторымъ вліяніемъ Суреньянца развивалось дарованіе весьма талантливаго художника Егише Татевосьяна. Вотъ художникъ, который одно время заставилъ заговорить о себѣ весь художественный міръ Москвы. На одной изъ періодическихъ выставокъ картинъ Московскаго Общества любителей художествъ обѣ первыя преміи за жанръ

и пейзажъ оказались присужденными совершенно дотолѣ неизвѣстному молодому художнику—армянину Татевосьяну. Публика повалила на выставку, чтобы лично убѣдиться въ справедливости столь лестной оцѣнки картинъ Татевосьяна; среди же художниковъ, остальныхъ экспонентовъ выставки, началось волненіе. Многіе находили, что жюри распорядилось слишкомъ произвольно и проявило значительную долю самовластія. Посыпались письма въ редакціи газетъ съ протестами противъ такого чрезмѣрнаго награжденія одного художника въ ущербъ другимъ, а самъ авторъ картинъ, внезапно ставшій извѣстностью, началъ получать анонимныя письма съ предложеніями отказаться отъ премій и снять свои картины съ выставки подъ угрозой, что онѣ будутъ изуродованы и даже вовсе уничтожены. Столь нашумѣвшія картины были „Проповѣдь правовѣрнымъ“ и „Полуденный обѣдъ“. Нужно указать на то, что въ составѣ жюри, премировавшемъ Татевосьяна, находились такіе авторитетные судьи и цѣнители, какъ В. Д. Полѣновъ, С. И. Мамонтовъ и др., самое присутствіе которыхъ, казалось бы, совершенно исключало всякую возможность фаворитизма.

Егише Татевосьянъ родился въ Вагаршапатѣ въ 1870 г., въ семьѣ бѣднаго мельника; дядя будущаго художника, епископъ Нерсесъ, умѣлъ рисовать и украшалъ золотомъ и киноварью заглавныя буквы посланій

католикосовъ; эта способность епископа, вѣроятно, и передалась его даровитому племяннику. Художественное образованіе Татевосьянъ получилъ въ Москвѣ, въ училищѣ живописи, ваянія и зодчества. Наибольшее вліяніе на Татевосьяна оказалъ В. Д. Полѣновъ, который не только формально обучалъ талантливаго юношу-армянина искусству живописи, но и ввелъ его впослѣдствіи въ свою семью и предоставилъ начинающаго художника благотворному воздѣйствію своей сестры, извѣстной художницы Е. Д. Полѣновой, и своихъ друзей—Головина, Врубеля и Коровина. Первыя произведенія Татевосьяна обличаютъ въ немъ художника реальной школы и нѣсколько напоминаютъ картины Сурепьянца, съ которымъ художникъ былъ очень близокъ. Такъ, его ранняя картина „Забытое кладбище“ написана совсѣмъ въ духѣ Суреньянца, съ его слабостью къ восточной орнаментикѣ. Но впослѣдствіи художникъ далеко ушелъ отъ своихъ былыхъ реалистическихъ симпатій и съ каждымъ годомъ все ярче и опредѣленнѣе сталъ писать въ духѣ французскихъ символистовъ; его „Проповѣдь правовѣрнымъ“ и въ особенности „Полуденный обѣдъ“ трактованы въ характерной манерѣ импрессіонистовъ. Символической въ высокомъ и благородномъ смыслѣ слова слѣдуетъ признать картину Татевосьяна „Геній и толпа“, написанную въ духѣ умѣреннаго и сдержаннаго пуантилляжа. Едва

ли не первымъ изъ художниковъ въ Россіи Татевосьянъ сталъ писать картины способомъ a tempera (особый настой красокъ на яичныхъ желткахъ). Въ послѣдніе годы Татевосьянъ перешелъ на мозаику и создалъ изъ простыхъ москворѣцкихъ камешковъ прекрасный, отличающійся разительнымъ сходствомъ портретъ В. Д. Полѣнова. Всѣ видѣвшіе это необыкновенное изображеніе признаютъ работу Татевосьяна шедевромъ мозаичнаго искусства.

Совершенно особое мѣсто въ ряду другихъ художниковъ-армянъ занимаетъ Э. Х. Аладжаловъ. Явившись въ Москву изъ Приазовья, художникъ разъ навсегда подчинился идеаламъ русскаго искусства; въ теченіе всей своей карьеры онъ сохранилъ себя такимъ, какимъ его воспитала эстетическая среда и сформировало однажды принятое пониманіе своего призванія. Аладжаловъ родился въ 1862 г. въ купеческой семьѣ въ Нахичевани на Дону. Получивъ первоначальное образованіе въ ростовскомъ реальномъ училищѣ, онъ перешелъ въ школу живописи и ваянія въ Москвѣ, гдѣ воспитывался подъ руководствомъ профессоровъ Прянишникова и Маковскаго, и окончилъ курсъ въ 1891 г. съ званіемъ класснаго художника. Прямымъ своимъ учителемъ Аладжаловъ считаетъ Левитана, но наиболѣе памятное впечатлѣніе изъ всѣхъ художниковъ на него въ юности произвелъ Саврасовъ. И это вполнѣ логично, такъ

какъ Левитанъ весь вышелъ изъ Саврасова, а самъ Аладжаловъ, въ свою очередь, продолжаетъ завѣты Левитана. Аладжаловъ любитъ и съ нѣжностью воспроизводитъ тихую, укромную поэзію природы средней полосы Россіи. Онъ тонко чувствуетъ пѣвучую грусть золотого осенняго увяданія, сѣрую, будничную красоту подмосковной рѣчки, низкія, сырыя облака на безрадостномъ свинцовомъ небѣ, синюю полоску темнѣющаго на горизонтѣ мелкаго перелѣска, и весь этотъ пейзажъ Аладжаловъ обливаетъ тихой печалью своего раздумья.. Аладжаловъ — одинъ изъ типичныхъ приверженцевъ русскаго художественнаго реализма. Вся эволюція его однажды усвоеннаго искусства исчерпывается усовершенствованіемъ техники. Тѣмъ не менѣе, онъ не считаетъ технику существеннѣйшимъ элементомъ живописи. „Техника не должна служить цѣлью творчества, сказалъ онъ намъ однажды, а предполагается сама собой, какъ умѣнье ходить—при ходьбѣ". Едва ли когда-нибудь Аладжаловъ написалъ хотя бы одно произведеніе изъ жизни армянъ или восточный пейзажъ; солнце юга ему кажется излишне жгучимъ и ненужно яркимъ, а природа востока—черезчуръ ликующей и не отвѣчающей его душевному настроенію. Онъ, какъ Чеховъ и Гамсунъ, предпочитаетъ югу нѣсколько тусклую ласковость застѣнчиваго сѣвера. Большинство картинъ Аладжалова: „Кабачекъ весною", „Березовая роща при

послѣднихъ лучахъ", „Вечеръ на Волгѣ" находятся въ частныхъ рукахъ.

Еще беззавѣтнѣе, чѣмъ Аладжаловъ, подчинился чужой культурѣ чрезвычайно талантливый, получившій европейскую извѣстность художникъ-офортистъ Эдгаръ Шаэнъ. Уроженецъ Турецкой Арменіи, Шаэнъ въ раннемъ дѣтствѣ попалъ въ Венецію, гдѣ получилъ образованіе въ извѣстной школѣ, основанной для армянскаго юношества Мурадомъ и Рафаэлемъ; по окончаніи курса въ этомъ образцовомъ католическомъ колледжѣ, поддерживаемомъ просвѣщенными монахами-мхитаристами съ острова св. Лазаря, Эдгаръ Шаэнъ переѣхалъ въ Парижъ, гдѣ впиталъ въ себя всѣ соки французскаго быта, сдѣлался настоящимъ парижаниномъ и навсегда остался жить въ столицѣ Франціи. Въ настоящее время Эдгаръ Шаэнъ—уже типичный сынъ этого мірового города, влюбленный въ кипучую столичную жизнь, плѣненный манящими вечерними огнями его широкихъ бульваровъ, одержимый тяготѣніемъ къ его развлеченіямъ, къ быстрому пульсу его жизни и своеобразнымъ нравамъ его окраинъ. Шаэнъ спеціализировался на тончайшемъ и благородномъ искусствѣ офорта (особый способъ гравированія на мѣди путемъ травленія), и считается сейчасъ въ Парижѣ однимъ изъ выдающихся современныхъ мастеровъ этого рода. На выставкахъ въ Салонѣ офорты Шаэна всегда обращаютъ на себя вниманіе и вызываютъ

восхищеніе цѣнителей и критиковъ. Всѣ сюжеты и темы для своихъ офортовъ и рисунковъ Шаэнъ беретъ изъ парижскаго обихода. Всѣ интересы и помыслы художника — на улицахъ и площадяхъ Парижа, въ фабричныхъ районахъ, закопченныхъ дымомъ изъ заводскихъ трубъ, въ рабочихъ кварталахъ, гдѣ изъ оконъ и дверей вырывается паръ и дымъ отъ жареныхъ и вареныхъ кушаній, на пустыряхъ отдаленныхъ предмѣстій, гдѣ въ праздникъ тѣшатъ невзыскательную публику канатные плясуны и акробаты.

Извѣстный французскій поэтъ и художественный критикъ Гюставъ Канъ въ своей статьѣ о Шаэнѣ говоритъ, что искусство офортиста поднялось на должную высоту благодаря Шаэну („L'art et les artistes", 1913, № 94). Изъ простого сочетанія чернаго и бѣлаго цвѣтовъ Шаэнъ умѣетъ создать рисунокъ, переливающійся самыми разнообразными оттѣнками. Черный цвѣтъ у него глубокъ, какъ ночь, бѣлые тона дышатъ теплотой и солнечно ярки. Отъ того, какъ онъ кладетъ отдѣльные штрихи, зависитъ рельефъ его рисунка, который достигаетъ у Шаэна почти барельефнаго эффекта. Качество его рисунка —высокаго достоинства. Шарль Бодлэръ, такъ хорошо понявшій особый темпъ улицы и полюбившій зрѣлища толпы, глубину ея горечи и веселья, силу ея чувствъ и пестроту ея красокъ,—по мнѣнію Кана, несомнѣнно полюбилъ бы творчество Шаэна, въ произве-

деніяхъ котораго всѣ уголки Парижа зафиксированы одинаково умно и одинаково обаятельно.

Герои Шаэна—это актрисы маленькихъ театровъ и уличныя плясуньи, танцовщицы и атлеты, предсказатели счастья на площадяхъ и угадывательницы мыслей, маленькія продавщицы сластей на лоткахъ и полногрудыя торговки печенымъ картофелемъ, самозванные пророки и мелкіе аферисты, словомъ, весь тотъ разнообразный и бездомный людъ, что толчется на ярмаркахъ и базарахъ, у каруселей и звѣринцевъ, и представляетъ собой пеструю и колоритную картину. Отдѣльныя фигуры, вырванныя изъ этихъ сборищъ, часто—настоящіе портреты, подготовленные терпѣливыми этюдами. Умѣнье улавливать портретное сходство у Шаэна удивительное; помимо чисто технической артистичности рисунка, Шаэнъ умѣетъ обнаруживать внутренній, психологическій ликъ оригинала. Портретъ Анатоля Франса, исполненный Шаэномъ (прославленный скептикъ сидитъ съ трубкой въ зубахъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ на фонѣ книгъ, едва намѣченныхъ рѣзцомъ), по справедливости считается французами шедевромъ портретнаго искусства. А рядъ женскихъ портретовъ, нарисованныхъ Шаэномъ, отличается удивительной экспрессіей лица, то жалостливаго, то беззаботно улыбающагося, исполненнаго растерянности, или выражающаго самоувѣренность.

Шаэнъ любитъ Сену, ея капризные изгибы въ пригородахъ Парижа, любитъ фасады многоэтажныхъ каменныхъ корпусовъ и тоскливый узоръ оголенныхъ сучьевъ одинокаго дерева; онъ охотникъ до лошадей; одинъ изъ его офортовъ изображаетъ большого, грузнаго першерона, а ломовыя лошади встрѣчаются почти во всѣхъ его жанровыхъ рисункахъ. Вотъ большой офортъ — „Работы по прокладкѣ метрополитэна". Въ центрѣ панорамы здѣсь двѣ здоровыхъ сильныхъ лошади, а въ офортѣ „Развалъ"—двѣ пары klячъ медленно взбираются на пригорокъ. Шаэнъ неравнодушенъ къ борьбѣ, къ танцамъ, фокусамъ, прыжкамъ балаганныхъ актеровъ, ко всему, гдѣ есть экспрессія движенія, напряженіе мускуловъ, вихрь и сплетеніе человѣческихъ тѣлъ. Очень интересенъ у него „Балъ 14 іюля", гдѣ подъ открытымъ небомъ, подъ нехитрую музыку гармониста, при невѣрномъ свѣтѣ бумажныхъ фонарей, шумливая пригородная публика отплясываетъ незамысловатый танецъ: дамы въ простыхъ кофточкахъ и старомодныхъ шляпахъ, мужчины—въ пиджакахъ, каскеткахъ и помятыхъ котелкахъ. Искусство графики, которымъ Шаэнъ владѣетъ почти виртуозно, особенно наглядно сказалось въ офортѣ „Абсидъ Собора Парижской Богоматери". Здѣсь прекрасно разрѣшена художникомъ проблема воздушной прозрачности, такъ трудно поддающейся гравюрѣ. И тяжелыя облака надъ Сеной, и низкіе каменные своды

моста, на которомъ виднѣются силуэты прохожихъ и очертаніе коннаго омнибуса, и ломовой извозчикъ на набережной, и фигуры босяковъ—все это на фонѣ величавыхъ готическихъ формъ собора сливается въ одно гармоничное и цѣльное созвучіе.

Произведенія Шаэна въ Парижѣ можно видѣть вездѣ: въ музеяхъ и галлереяхъ, у частныхъ коллекціонеровъ и въ эстампныхъ магазинахъ, у модныхъ перепродавцовъ картинъ и въ салонахъ. Но тотъ, кто пожелалъ бы получить исчерпывающее представленіе о творчествѣ Шаэна, долженъ посѣтить Венецію и школу Мурада и Рафаэля, гдѣ воспитывался художникъ. Шаэнъ принесъ въ даръ своей alma mater множество своихъ офортовъ. Къ сожалѣнію, не всѣ вещи, принесенныя художникомъ школѣ въ знакъ своей признательности, доступны для обозрѣнія,—нѣкоторые офорты находятся въ помѣщеніи архива. Въ этомъ пришлось намъ убѣдиться во время посѣщенія колледжа. Какъ объяснилъ намъ директоръ школы, почтенный г. Едагирьянъ, не всѣ произведенія Шаэна достаточно назидательны для питомцевъ училища, имѣющаго монастырскій уставъ.

Полной противоположностью Эдгару Шаэну можетъ служить быстро завоевавшій себѣ широкую извѣстность молодой художникъ Мартиросъ Сарьянъ. „Его имя звенитъ узывчивымъ и красочнымъ романтизмомъ Востока“, говоритъ о Сарьянѣ Максъ Волошинъ („Апол-

лонъ", 1913 г.). Оно зоветъ къ дальнимъ странствованіямъ и солнечнымъ странамъ, оно вызываетъ представленіе объ искусствѣ пряномъ, пахучемъ, играющемъ павлиньими отливами красокъ. Хотя Сарьянъ еще въ самомъ началѣ своего художественнаго пути, но мы уже вправѣ говорить о новомъ изгибѣ души въ ея отношеніи къ востоку". Такъ высоко оцѣниваетъ молодого художника русскій критикъ. Въ то время какъ Шаэнъ, дитя Турецкой Арменіи, безповоротно отдался французской современности, Сарьянъ, живущій въ центрѣ Россіи, ни на минуту не перестаетъ чувствовать живыя и прочныя нити, соединяющія его съ родиной, остается вѣренъ и фанатически преданъ востоку. Передо мной—собственноручная автобіографія, написанная по моей просьбѣ Сарьяномъ. Художникъ родился въ 1880 г. въ г. Нахичевани на Дону, въ мѣщанской семьѣ. Отецъ его занимался земледѣліемъ. Зимой семья жила въ городѣ, а лѣтомъ—въ степномъ хуторѣ, расположенномъ подъ горой на берегу небольшой рѣчки. Сарьянъ учился въ 4-хъ-классномъ городскомъ училищѣ, по окончаніи котораго нѣкоторое время служилъ въ агентствѣ по пріему подписки на періодическія изданія Россіи и другихъ странъ. Замѣтивъ въ юношѣ способности къ рисованію, старшій братъ Сарьяна отправилъ его въ Москву для поступленія въ училище живописи. Черезъ годъ онъ былъ принятъ въ училище и въ

1903 г. окончилъ его, а затѣмъ еще въ теченіе года работалъ въ портретной мастерской В. А. Сѣрова и К. А. Коровина, которыхъ и считаетъ своими лучшими наставниками, въ особенности Сѣрова. Въ 1902 г. Сарьянъ совершилъ путешествіе по Кавказу и Закавказью, при чемъ прожилъ нѣкоторое время въ Тифлисѣ, Караклисѣ, Александрополѣ, Ани и Эривани. Сѣверный Кавказъ не особенно плѣнилъ Сарьяна; за то Средній Кавказъ и въ особенности Южный совершенно его очаровали. Тамъ онъ впервые увидѣлъ яркое солнце и ощутилъ зной. Караваны верблюдовъ, съ фантастическими бубенцами, спускающіеся съ горъ и поднимающіеся на горы; кочевники съ загорѣлыми лицами, со стадами овецъ, коровъ, буйволовъ, лошадей, осликовъ и гибкихъ козъ; уличная жизнь пестрой толпы, базары, тихо скользящія, въ фіолетовыхъ шароварахъ, въ деревянныхъ башмакахъ мусульманки и выглядывающія съ плоскихъ крышъ ярко-желтыхъ квадратныхъ домовъ армянки съ крупными чертами лица и миндалевидными глазами; все это обворожило художника. „Это было то настоящее, пишетъ Сарьянъ, надъ чѣмъ я грезилъ еще въ дѣтствѣ, живя въ степяхъ Приазовья, гдѣ все это было лишь въ миніатюрѣ. Мнѣ оставалось искать средствъ и красочныхъ формъ, чтобы сколько-нибудь выявить мое очарованіе. Начался самый трудный путь исканій; съ одной стороны, нужно было по-

бороть въ себѣ школу, сѣрую и навязчивую, а съ другой—открыть себѣ новый путь, не пользуясь чужимъ. Я почувствовалъ, что природа—мое единственное утѣшеніе; и мой восторгъ передъ ней—это не восторгъ передъ произведеніями искусства, который длится всегда лишь нѣсколько минутъ. Я задался цѣлью выразить сущность загадочнаго Востока. Немного раньше я увлекался сказочностью природы. Затѣмъ началъ искать болѣе прочныхъ, простыхъ формъ и красокъ для передачи живописной сущности дѣйствительности. Въ общемъ моя цѣль—простыми, несложными средствами, избѣгая всякой нагроможденности, достигнуть бо̀льшей выразительности и избавиться отъ компромиссныхъ полутоновъ. Моя цѣль—достигнуть первооcновъ реальности, найти формы новаго реализма. Я говорю о той силѣ выраженія, которая есть во всѣхъ настоящихъ произведеніяхъ искусства, начиная съ древнихъ временъ и кончая нашими днями. Вѣрнѣе, о той силѣ очарованія, которой достигали разными путями во всѣ времена". Таковы выдержки изъ автобіографіи Сарьяна; въ ней упущенъ, однако одинъ моментъ, которому самъ художникъ, быть можетъ, не придаетъ особеннаго значенія, но мы позволимъ себѣ его отмѣтить. Первымъ учителемъ рисованія Сарьяна въ Москвѣ, какъ намъ извѣстно, былъ ученикъ школы живописи Арцатпаньянъ, въ свое время подававшій очень большія на-

дежды. Къ сожалѣнію, въ борьбѣ съ невзгодами жизни онъ этихъ надеждъ не оправдалъ; но его школьныя работы сочувственно принимались на ученическихъ выставкахъ. Со времени перваго же путешествія на югъ для Сарьяна ясно обозначилась цѣль его творчества: выразить сущность загадочнаго востока. Начались годы странствованій: въ 1910 г. онъ побывалъ въ Константинополѣ, въ 1911 г.— въ Египтѣ, въ 1913 г.—въ Персіи.

Уже пять полотенъ Сарьяна пріобрѣтены Третьяковской галлереей, и нѣтъ такого выдающагося собирателя картинъ, который не имѣлъ бы въ своей коллекціи хотя бы одного полотна Сарьяна. За 10 лѣтъ работы имъ написано около 150 произведеній. Картины Сарьяна говорятъ намъ о какихъ-то давно минувшихъ переживаніяхъ первобытнаго человѣчества, о первоначальномъ, естественномъ изяществѣ флоры, объ истокахъ жизни и раннихъ родникахъ быта. Онѣ навѣваютъ давно заглохшія воспоминанія о чувствѣ близости къ землѣ, объ ощущеніяхъ, роднящихъ насъ съ космосомъ, о сознаніи пантеистическаго единства нашего съ міромъ. Излюбленными красками на палитрѣ Сарьяна служатъ: янтарно-желтый цвѣтъ, изумрудная зелень, которой онъ пишетъ широкіе листья кактусовъ и пальмъ, синій и свѣтло-рыжій, и сочетаніе этихъ яркихъ цвѣтовъ создаетъ, какъ, напримѣръ, въ египетскомъ пейзажѣ „Идущая женщина“, плѣнительное зрѣлище.

Указаніе Сарьяна на то, что онъ простыми средствами старается достичь наибольшихъ эффектовъ—не фраза, онъ дѣйствительно уловилъ какой-то секретъ двумя-тремя рѣзкими штрихами и небольшимъ количествомъ яркихъ красокъ, избѣгая нейтральныхъ тоновъ, вызвать у зрителя надлежащее впечатлѣніе. У иныхъ такое пользованіе крайними цвѣтами спектра переходитъ въ плакатность. Сарьянъ тѣмъ же способомъ создаетъ вполнѣ художественное впечатлѣніе. Таковы его tempera, „Продавецъ зелени“, „Финиковая пальма“, „Майскіе цвѣты“, „Ночной египетскій пейзажъ“, „Фруктовая лавка“ и др.

Къ числу даровитыхъ искателей новыхъ путей въ живописи слѣдуетъ отнести и молодого художника Георгія Якулова, показавшаго себя въ рядѣ очень оригинальныхъ композицій вполнѣ самостоятельной художественной индивидуальностью. Сынъ извѣстнаго на Кавказѣ присяжнаго повѣреннаго, Г. Б. Якуловъ, получилъ среднее образованіе въ Лазаревскомъ Институтѣ въ Москвѣ, откуда перешелъ въ училище живописи, ваянія и зодчества. Никто изъ преподавателей здѣсь особеннаго вліянія на Якулова не оказалъ, ибо, отдаваясь самостоятельнымъ опытамъ въ области изысканія интересныхъ красочныхъ эффектовъ и техническихъ задачъ при передачѣ движенія, молодой художникъ почти не посѣщалъ школы. Принявъ участіе въ русско-японской войнѣ, Якуловъ вынужденъ

былъ временно прервать свои занятія живописью; но пребываніе въ Манджуріи не прошло для художника безслѣдно; онъ тамъ близко ознакомился съ японскимъ искусствомъ и вообще съ манерой восточнаго письма, и первыя его вещи, экспонированныя въ Москвѣ по возвращеніи съ войны, были написаны въ тонахъ японской красочной гаммы. Такова его картина „Толпа“ и этюды. Въ 1907 г. Якуловъ отправился за границу, гдѣ пробылъ одинъ годъ въ Италіи и годъ въ Парижѣ. Въ Европѣ манера письма Якулова и особенно его рисунокъ значительно усовершенствовались. Съ именемъ Якулова связывается въ нѣкоторыхъ художественныхъ кругахъ Москвы и Петрограда насажденіе въ Россіи идей симультанизма, самаго новѣйшаго художественнаго теченія, оставляющаго позади себя даже футуризмъ. Симультанизмъ зародился въ Парижѣ. Родоначальниками его являются Сендраръ и Делоннэ. Онъ опирается на современность, но ищетъ въ ней ея психологическія начала, внутренніе голоса души. Симультанизмъ стремится къ совмѣстной (simultané) инспираціи идеи и краски. Самъ Якуловъ, однако, отрицаетъ свою принадлежность къ школѣ симультанистовъ и, вообще, ни къ какой группѣ себя не причисляетъ. Одна изъ самыхъ удачныхъ картинъ Якулова — „Скачки“ гдѣ отлично переданъ художникомъ порывистый вихрь движенія множества лошадиныхъ ногъ. Якуловъ любитъ всѣ разнообразные

оттѣнки краснаго цвѣта. Эта краска преобладаетъ на палитрѣ художника, и въ этомъ отношеніи очень характеренъ одинъ изъ интерьеровъ Якулова, гдѣ, какъ въ уистлеровской живописной симфоніи, въ вихрѣ краснаго цвѣта рдѣютъ розоватые отсвѣты стеколъ и сверкаютъ глубокимъ блескомъ ромбы паркета. Въ настоящее время (вторая половина 1915 года) Якуловъ сражается въ рядахъ русской арміи.

Нашъ обзоръ новѣйшей армянской живописи былъ бы не полонъ, если бы мы не упомянули еще нѣкоторыхъ живописцевъ: А. Шамшиньяна, талантливаго художника, окончившаго академію художествъ, автора колоритной картины „Шейтанъ-базаръ въ Тифлисѣ", въ которой отлично переданы мѣстные типы и живописныя восточныя платья; Григорія Габріэльяна, также окончившаго академію художествъ, автора картинъ „У колыбели", „Восходъ солнца", — послѣ всяческихъ жизненныхъ неудачъ скончавшагося въ Варшавѣ въ полной неизвѣстности; Павла Ассатурова, обучавшагося въ академіи художествъ, а затѣмъ въ Мюнхенѣ и Парижѣ искусству иллюстраціи. Вполнѣ овладѣвъ этой отраслью художественнаго мастерства, Ассатуровъ сталъ однимъ изъ видныхъ иллюстраторовъ въ русскихъ повременныхъ изданіяхъ.

Въ заключеніе настоящаго очерка мы скажемъ нѣсколько словъ объ армянахъ-скульпторахъ и архитекторахъ. Наиболѣе та-

лантливымъ изъ армянскихъ скульпторовъ слѣдуетъ признать совсѣмъ еще молодого художника Акопа Гюрджана. Вотъ что пишетъ о немъ русскій писатель И. Сургучевъ. „Съ давнихъ поръ повелось у насъ такое правило: прежде, чѣмъ оцѣнить художника дома, намъ нужно, чтобы сначала его оцѣнила Европа. Безъ указующаго перста ея мы „не можемъ“. Такъ случилось и съ Акопомъ Гюрджаномъ. Молодой скульпторъ, бывшій въ нынѣшнюю весеннюю сессію предметомъ общаго вниманія среди именъ большого парижскаго салона, давній знакомый Лондона, совершенно почти неизвѣстенъ въ Россіи“ („Новая Студія“, 1912 г. № 1). Указывая на „несомнѣнно интересную оригинальную одаренность художника“, И. Сургучевъ особенно отмѣчаетъ великолѣпную скульптуру Акопа Гюрджана „Христосъ“.

Гюрджанъ родился въ г. Шушѣ, а учился въ Москвѣ, въ реальномъ училищѣ Фидлера. Страсть къ лѣпкѣ у него появилась еще въ дѣтствѣ, но никто его не ободрялъ и не училъ, и противъ желанія близкихъ людей онъ поѣхалъ въ Парижъ, поступилъ въ студію знаменитаго скульптора Родена и съ жаромъ отдался любимой работѣ. „Вліяніе Родена сильно сказывается въ работахъ молодого скульптора, пишетъ хорошо знающій Гюрджана Модестъ В. („Солнце Россіи“, 1913 г.); конечно, онъ не копируетъ рабски учителя, но роденовскій пантеизмъ есть и у Гюрджана;

этотъ пантеизмъ дѣлаетъ всѣ его вещи жизненными, полными правды, не протокольно записанной, но понятой и прочувствованной. Можетъ быть роденовскій „Мыслитель“ натолкнулъ Гюрджана на его „Льва Толстого“. У Гюрджана уже имѣется цѣлая галлерея скульптурныхъ портретовъ. Вотъ бюстъ Максима Горькаго, сдѣланный въ манерѣ широкой, смѣлой лѣпки; портретное сходство схвачено прекрасно; въ прищуренныхъ глазахъ писателя какъ будто-бы мерцаетъ его пытливый умъ. Голова Льва Толстого уже болѣе условной лѣпки, это уже не портретъ, а образъ, величественный и могучій ликъ мудреца и пророка. Бюстъ Екатерины Пѣшковой отлично передаетъ сумрачную интеллигентскую мысль, написанную на лицѣ женщины. „Головка молодой дѣвушки“ щеголяетъ блескомъ тщательной отдѣлки, а въ портретѣ Сергѣя Меликова чувствуется что-то отъ античной скульптуры: словно голова Антиноя возродилась въ модной прическѣ свѣтскаго кавалера нашихъ дней. Прекрасно переданъ Гюрджаномъ бюстъ піаниста Добровейна съ его характерными музыкальными складками на лбу, и отлично сработана мужественная голова Фидлера. Быть можетъ, глубже всего сказалось вліяніе Родена на Гюрджана въ его скульптурѣ „Спяшій демонъ“. Здѣсь мы видимъ тѣ же намѣренно-безформенныя линіи, тающіе контуры и призрачныя очертанія всей сонной фигуры дьявола, какія отличаютъ, напримѣръ,

роденовскаго „Бальзака“. Акопъ Гюрджанъ, какъ европейски извѣстный скульпторъ, является въ настоящее время гордостью армянскаго искусства.

Другой армянскій скульпторъ, живущій въ Парижѣ,—А. Теръ-Марукіанъ. Ему принадлежитъ талантливая работа „Статуя поэта Абовьяна“. Поэтъ изображенъ здѣсь во весь ростъ, въ романтической позѣ, скрестивъ на груди руки и имѣя въ правой рукѣ томикъ стихотвореній; онъ похожъ на молодого Шиллера, въ старомодномъ длинномъ сюртукѣ со стоячимъ воротникомъ. Въ глазахъ поэта, въ его сжатыхъ губахъ и въ задумчивой экспрессіи лица свѣтится вдохновеніе и чувствуется какая-то значительность духа, отмѣченнаго свыше.

На поприщѣ архитектурнаго искусства обратили на себя вниманіе въ новѣйшее время слѣдующіе строители-армяне: П. Зурабьянъ, А. И. Тамановъ и П. Я. Сеферовъ. Въ резиденціи католикоса всѣхъ армянъ, въ Эчміадзинѣ, Зурабьянъ возвелъ рядъ прекрасныхъ въ художественномъ отношеніи зданій, въ которыхъ искусно возродилъ стиль древняго армянскаго строительства.

А. И. Тамановъ—питомецъ петроградской академіи художествъ, сразу выдвинулся въ первый рядъ современныхъ русскихъ архитекторовъ, благодаря постройкѣ извѣстнаго особняка кн. Щербатова на Новинскомъ бульварѣ въ Москвѣ. Это прекрасное зданіе,

въ стилѣ русскаго ампира, удостоилось самыхъ хвалебныхъ отзывовъ со стороны наиболѣе авторитетныхъ лицъ русскаго архитектурнаго міра.

П. Я. Сеферовъ—даровитый художникъ-архитекторъ, окончившій академію художествъ, и безвременно скончавшійся въ 1914 г., возвелъ на югѣ Россіи рядъ стильныхъ, строго художественныхъ виллъ и прекрасный театръ въ стилѣ итальянскаго ренессанса (г. Евпаторія).

Мы остановились въ этомъ краткомъ очеркѣ на дѣятельности 14 армянскихъ художниковъ, четырехъ зодчихъ и двухъ скульпторовъ; пусть не удивляется читатель тому, что для характеристики творчества этихъ лицъ мы воспользовались изъ лексикона критическихъ опредѣленій лишь словами положительными, хвалебными, нѣсколько повышенными, быть можетъ даже восторженными. Но эти двадцать художниковъ кисти и рѣзца—лучшее, что породило современное армянское искусство. Среди нынѣшнихъ художниковъ-армянъ есть лица посредственныхъ дарованій, есть и вовсе безталанныя, тенденціозныя, сантиментальныя и одержимыя несоразмѣрными съ талантомъ притязаніями. Если бы мы могли коснуться здѣсь дѣятельности этихъ лицъ, не рискуя злоупотребить вниманіемъ читателя, послѣдній убѣдился бы въ томъ, что въ словарѣ нашихъ эстетическихъ опредѣленій есть немало и отрицательныхъ эпитетовъ.

Обозрѣвъ же упомянутыя нами произведенія, не трудно будетъ разрѣшить вопросъ: имѣется ли въ нынѣшней армянской культурѣ извѣстная художественная почва съ достаточнымъ количествомъ духовной цѣлины, на которой могли бы произрастать яркіе цвѣты народнаго творчества.

С. Кара-Мурза.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Акад. Э. **ФАГЭ. Какъ читать.** Изд. 4-е. Стр. 144. Ц. 50 к. *Допущена въ фундам. библ. военно-учебныхъ заведеній.*

„Въ книгѣ Фагэ есть много и умныхъ, и дѣльныхъ (въ особенности для средне-культурнаго читателя) совѣтовъ и указаній“. **А. Измайловъ.** („*Русское Слово*“ 1912—299).

„Цѣнная и пріятная книжка! Полная ума и тонкаго остроумія. Она должна быть настольной книжкой у каждаго, кто любитъ читать“... („*Изв. кн. маг. М. О. Вольфъ*“ 1912—4).

„Нѣкоторыя главы у Фагэ особенно удачны, напр., „О чтеніи поэтовъ“, „О темныхъ писателяхъ“, „О чтеніи критики“. („*Столичная Молва*“ 1912—249).

„Надо признать, что несмотря на нѣкоторую педантичность его темы, Фагэ удалось сдѣлать свою книгу интересной“. („*Рѣчь*“ 1912—164).

„Его совѣты весьма поучительны“... („*Россія*“ 1912—2036).

„Его совѣты пріемлемы, мысли интересны и оригинальны“.. („*Голосъ Москвы*“ 1912—219).

„Глава о „темныхъ писателяхъ“—одна изъ самыхъ интересныхъ въ книгѣ“... („*Новое Время*“ 1912—13066).

„Чтеніе, дѣйствительно, есть искусство, незнакомое громадному большинству читающихъ“. („*Моск. газета*“ 1912—202).

„До чего необходима книга, отвѣчающая на вопросъ, какъ и что слѣдуетъ читать, чтобы быть настоящимъ образованнымъ человѣкомъ, видно изъ успѣха книги академика Фагэ въ русскомъ переводѣ. Въ самое короткое время— въ нѣсколько мѣсяцевъ — она разошлась, и потребовалось второе изданіе“. **В. Ермиловъ.** („*Утро Россіи*“ 1912—174).

„Фагэ даетъ много интересныхъ совѣтовъ и замѣчаній, какъ нужно читать книги самаго разнороднаго содержанія: идейныя, драматическія, поэтическія и т. д.. Здѣсь и тамъ по всей книгѣ разбросаны красивыя сравненія. Книга уже выходитъ вторымъ изданіемъ, что уже само за себя говоритъ о ней, какъ о полезномъ руководствѣ въ разумномъ чтеніи“. **А. Беръ.** („*Рязанск. Вѣстн.*“ 1912—158).

„Книгу „Какъ читать“ безусловно полезно прочесть всѣмъ, не имѣющимъ привычки читать, извлекая изъ прочитаннаго пользу для себя.“ **Д. Чадобскій.** („*Рязанск. Вѣстн.*“ 1913—43).

„Въ своихъ утвержденіяхъ авторъ очень остороженъ... Фагэ всю жизнь провелъ за книгами, много думалъ, и поэтому

онъ имѣлъ право написать такую книгу. Она будетъ интересна для многихъ". Э. Э. („*Хмѣль*" 1913—46).

Акад. **Э. ФАГЭ. Чтеніе хорошихъ старыхъ книгъ.** 368 стр. Ц. 1 р. 50 к. *Допущена въ фундам. библ. военно-учебныхъ заведеній.*

„Цѣль, которою задался критикъ: притти на помощь читателю, навести его на цѣлый рядъ мыслей по поводу прочитанныхъ вещей, выяснить художественныя красоты или идейное содержаніе классическихъ произведеній. Мысли и замѣчанія умнаго и наблюдательнаго критика въ родѣ Фагэ, естественно, представляютъ интересъ. Комментаріи Фагэ являются вполнѣ умѣстными и желательными". **Ю. Веселовскій.** („*Русск. Вѣд.*" 1913—42).

„Тому, кто ищетъ общаго образованія, книга Фагэ можетъ замѣнить рядъ популярныхъ лекцій, иллюстрирующихъ автора, или бесѣду съ талантливымъ и многочитавшимъ человѣкомъ". **А. Измайловъ.** („*Русское Слово*" № 229. 29. XII. 12).

„Книга Э. Фагэ „Чтеніе книгъ" служитъ какъ-бы дополненіемъ первой („Какъ читать"), показателемъ того, какъ именно читаются книги съ пользой для читателя.

Обѣ книги можно рекомендовать вниманію любителей чтенія. Переводъ А. Ф. Гретманъ довольно хорошъ, издана книга очень опрятно и цѣна недорога". **Д. Чадобскій.** („*Рязанск. Вѣстн.*" 1913—43).

„Нельзя не заинтересоваться его оригинальными мыслями и предположеніями, изложенными въ весьма занимательной формѣ". („*Изв. кн. маг. Вольфъ*" 1913—1).

„Эти „замѣтки на поляхъ" полезны тѣмъ, что пріучаютъ читателей читать медленно и вдумываться въ каждую строку". **М. К.** („*Россія*" 1913—2347).

„Книжка Фагэ не лишена извѣстной послѣдовательности и притомъ читается съ интересомъ. Въ общемъ у читателя получается довольно полное понятіе о всемъ цвѣтѣ старой французской литературы. Это дѣлаетъ, намъ кажется, книгу Фагэ весьма полезнымъ пособіемъ при изученіи французской литературы". **М. Н.** („*Моск. Вѣд.*" 1913—76).

Ю. ВЕСЕЛОВСКІЙ. Этюды по русской и иностранной литературѣ. Т. I. 163 стр. Ц. 50 коп. *Допущена въ фунд. библ. военно-учебныхъ заведеній. Допущена въ учен. библ. старш. возр. средн. учебн. завед. Вѣдомства Императрицы МАРІИ.*

„Добросовѣстное и любовное изученіе вопроса по свѣжимъ научнымъ матеріаламъ, ясность основной мысли и доступность изложенія дѣлаютъ этотъ скромный сборникъ историко-литературныхъ статей полезнымъ для самообразованія,—**для учащихся и учащихъ въ средней школѣ**". („*Русское Богатство*" 1913—7).

„Статья Бѣлинскій и французская трагедія" весьма удачно освѣщаетъ важную, но мало разработанную сторону въ критическихъ воззрѣніяхъ Бѣлинскаго. Разсматриваемый этюдъ служитъ полезнымъ дополненіемъ къ существующей литературѣ о Бѣлинскомъ. Вдумчиво написанный очеркъ о Надсонѣ даетъ отчетливое представленіе объ основныхъ мотивахъ его поэзіи. Въ этюдѣ о гр. Ростопчиной авторъ стремится реабилитировать эту поэтессу. Несомнѣнно, имя гр. Ростопчиной не должно быть забыто въ исторіи русской поэзіи, и въ весьма скудной литературѣ о ней этюду Ю. А. Веселовскаго будетъ принадлежать существенное значеніе". **П. Сакулинъ.** („*Голосъ Минувшаго*" 1913—10).

„Изящно изданный томикъ заключаетъ въ себѣ пять статей... Большую честь дѣлаетъ молодому критику безпристрастная оцѣнка дѣятельности гр. Ростопчиной. Очень интересна обстоятельная статья объ отношеніи Бѣлинскаго къ Пушкину. Нельзя не пожелать книжкѣ г. Веселовскаго успѣха, какъ явленію свѣжему и очень пріятному въ литературѣ". („*Нива*" 1913—X).

„Пять историко-литературныхъ очерковъ, собранныхъ въ данной книгѣ, написаны живо и просто"... **Т. Глаголева.** („*День*" 1913—133).

„Всѣ этюды написаны легко и популярно"... **Ив. Д-скій.** („*Одесскій Листокъ*" 1913—114).

„Наиболѣе цѣнной мы считаемъ статью о „поэзіи гр. Ростопчиной". Объ этой интересной писательницѣ написано очень мало, и ея жизнь и литературная дѣятельность освѣщены недостаточно. Ю. Веселовскій довольно полно объясняетъ въ своей статьѣ особенности творчества Ростопчиной и даетъ полный текстъ такъ нашумѣвшаго въ свое время стихотворенія „Насильный бракъ".

Изъ остальныхъ статей обращаетъ вниманіе очеркъ поэзіи Надсона. Впрочемъ вся книга читается съ интересомъ". („*Голосъ Москвы*" 1913—124).

М. ВЕСЕЛОВСКАЯ. Бельгія до войны 1914 года. *Въ пользу бельгійцевъ, пострадавшихъ отъ германскаго нашествія.* Съ иллюстр. ц. 40 к.

Ю. ВЕСЕЛОВСКІЙ. Трагедія Турецкой Арменіи. Ц. 25 к.

Книгоиздательству „Звѣзда“

М. Г. Про.......................... выслать наложеннымъ платежомъ слѣдующія книги..

....

....

....

....

....

....

....

....

....

....

Адресъ: ....

....

Одновременно почтовымъ переводомъ посылаю

....р.............к.

Подпись:

мѣсто

Книгоиздательство

„ЗВѢЗДА“ Н. Н. Орфенова.

МОСКВА,

Мал. Никитская, 14.

для 2 к. марки.

Цѣна 1 р. 50 коп.

Книгоиздательство
„ЗВѢЗДА“ Н. Н. Орфенова
МОСКВА, Мал. Никитская, д. 14.
Тел. 3-10-94.